

Лекция 1. Миф как универсальное явление культуры.

План

1. Миф и культура.
2. Этимология слова «миф» и его генезис.
3. Понятие и сущность мифа.
4. Миф и язык.
5. Классификация мифов.

1. Миф и культура.

Для современного человека совершенно естественно считать, что **миф** – это то, что не существует в реальности; обычно мы называем мифом и мифологией фантамы, овладевающие массовым сознанием. Однако мало кто задумывается над парадоксальностью данной ситуации, ведь для самих носителей мифологической традиции нет ничего достоверней мифа.

Мифология – это далеко не только система донаучных знаний. Миф – это **способ концептуального освоения человеком окружающего мира**, необходимый ему для социального и культурного существования, для снятия стрессов, для комфортного бытия. Миф **этиологичен** (объяснение причин) – он объясняет, что откуда пошло. Он сообщает, откуда появилась смерть и как справиться с психологическим кризисом, который порожден обретением этого знания. Он истолковывает причины землетрясений, гроз, болезней и так далее; он рассказывает о происхождении вселенной и человека, карты звездного неба и особенностей рельефа, нынешних форм растений и повадок животных. Наконец, он регламентирует социальные и брачные отношения, сообщает правила отправления религиозных обрядов и осуществления хозяйственной деятельности.

Всякое объяснение, которое дает миф, успокоительно именно в силу того, что оно раскрывает **причины явления**. Ничто не беспокоит людей так, как беспричинность и неистолкованность; таково свойство человеческой психики. Поэтому с функциональной точки зрения миф является чрезвычайно важной вещью для человеческого общества.

О мифе можно говорить в двух планах. С одной стороны, **слово «мифология»** характеризует **определенный тип мышления**, противоположный рационально-логическому. Мифологическими называют представления, не соответствующие нормам позитивного научного знания, а «мифологическая картина мира» – это картина мира, построенная на фундаменте **«наивного», ненаучного мировоззрения**.

С другой стороны, мифы – это тексты, которые передают мифологическое содержание. Они могут относиться к **разным жанровым разновидностям фольклора**, быть короткими или пространными, прозаическими или поэтическими. До поры до времени считалось, что мифология существовала лишь в далёкую эпоху «детства человечества», а о мифологическом сознании и мифологических текстах можно говорить только применительно к архаической стадии общественного развития. Однако это неправильно. В современной жизни и в современной культуре обнаруживается огромное количество рефлексов мифологического сознания и, более того, даже его основополагающие, **«базисные» элементы**. К ним относится, например, противопоставление **«своё – чужое»** (на котором базируются многочисленные ксенофобические мифы), мифологическую основу имеет и теория заговоров.

Эсхатологическая модель, воплощенная в мифах о конце мира, воспроизводится в переживаниях современного массового человека, которые отражаются в мотивах **«тепловой смерти вселенной»**, **«оскудения природных ресурсов»**, **«озоновых дыр»** и так далее, – безотносительно к тому, насколько это имеет или не имеет научного обоснования. Обыденный, типовой, средний человек черпает из науки материал ровно таким же образом, как раньше этот материал черпался из эмпирических наблюдений и обрабатывался **мифологическом сознании**.

Есть **мифология спонтанная**, которую производит массовое сознание самопроизвольно, безотносительно к каким бы то ни было идущим извне импульсам. По-видимому, такое спонтанное порождение мифа обусловлено **свойствами человеческой психологии**, причем именно психологии массовой. Но есть и такая мифология, которая вполне **сознательно продуцируется** (как правило, людьми, связанными с **властью**) с прагматическими, политическими, идеологическими целями – прежде всего, для **манипулирования общественным сознанием**. Однако эти мифы должны соответствовать моделям спонтанной мифологии, поскольку в противном случае они не будут ни поняты, ни приняты.

Между **архаическим мифом и мифом современным** есть следующая разница. В архаическом обществе мифологическое сознание является **всеобщим**, тотально господствующим. Сознание же современного человека **мозаично и фрагментировано**. В нем те функции, которые имел миф в архаическом обществе, перераспределяются между такими «специализированными» традициями, как литература, искусство, массовая культура.

Массовая культура и, в частности, массовая литература берет на себя многие **компенсаторные и регулятивные функции**, которые предписывают человеку правила поведения, включая этические запреты и предписания, но делают это не прямо, а **языком образов**. Наука в чистом виде – удел немногих профессионалов, но наука, пришедшая к массовому человеку через школу, через популярные издания, через телевидение, сплошь да рядом используется для конструирования мифологических фантомов весьма архаического облика.

Возьмем, например, Монголию – страну старой буддистской культуры, имеющую семивековую письменную традицию. Однако в силу большого количества сельского населения (и городского лишь в первом поколении) архаические элементы в ней весьма устойчивы.

По традиционным монгольским поверьям, грозу производят драконы лу (слово китайского происхождения): когда сталкиваются два лу, гремит гром. Теперь же появляется объяснение, что гроза происходит от столкновения положительного и отрицательного зарядов; гром гремит, когда сталкиваются две молнии, однако сама молния все-таки возникает от столкновения двух лу. Так научная аргументация и научная фактология укладываются в рамки мифа. И таких случаев много.

Степной житель легко соглашается, что человек произошел от обезьяны, но за этой легкостью, по-видимому, стоит не столько убежденность в правоте дарвинизма, сколько известный в Монголии тибетский миф о происхождении человека от горной ведьмы и царя обезьян. В таком случае научные данные опять-таки находят соответствие в мифе, что облегчает принятие дарвинистской идеи. Или интерпретация огромных костей динозавра как останков древних драконов лу. Это – опять-таки случай монтажа мифологических и современных позитивных знаний, использование модели мифа для осмысления научных данных.

На самом деле подобных вещей много и в нашей жизни. Просто чужое по сравнению со своим лучше заметно. Но если хорошенько подумать и понаблюдать, мы и вокруг себя обнаружим достаточное количество **проявлений мифологического сознания**, мифологических образов, переряженных в современные одежды, и мифологических представлений в наукообразной форме.

2. Этимология слова «миф» и его генезис.

Термин «миф» в целом ряде отраслей гуманитарного познания, изучающих историю, культуру, язык, искусство, религию, философию, мораль и другие компоненты духовной культуры, принадлежит к числу широко употребляемых понятий. Он прочно вошел также в политическую и повседневную лексику, в научно-популярную и художественную литературу.

Этимологически слово «миф» имеет индоевропейский корень *meudh-*, *mudh-*, в седой древности обозначавший «заботиться о чем-то», «иметь в виду что-то», «страстно

желать чего-то» и др. В дальнейшем число значений этого термина резко возросло. Уже в ранней древнегреческой культуре слово «миф» приобрело весьма широкий спектр значений. Так, у Гомера «миф» означал **мысль, предписание, приказ, совет, назначение, намерение, цель, сообщение, обещание, просьбу, умысел, угрозу, упрек, защиту, похвальбу** и даже истинный рассказ, противостоящий вымышленным, и целый ряд других понятий. У Гесиода «миф» — слово, несущее нечто **важное**, причем это важное может быть ложью, но может быть и истиной.

В эпоху древнегреческой архаики «миф», имеющий целенаправленное духовное воздействие на человека, противопоставлялся «логосу» — некоторой силе, отчужденной от человека, но в конечном счете также способной на него воздействовать. Корень слова «логос» указывает на значения «избрание», «выделение», «счет» потом «речь», «наука», «закон».

Постепенно термин «миф» все более стал выражать **субъективное отношение**, а «логос» — **объективное отношение**, «говорение вещами», а не разумом, сознанием. Впоследствии слово «логос» приобрело значение закона. «Логос» — это и закон бытия, и познавательная способность человека. Логос повсюду — и в объекте, и в субъекте, потому субъект и способен **познавать мир**. В дальнейшем в древнегреческой культуре появляется еще больше смысловых и полемических оттенков значения термина «миф»: миф как речь, мнение, **полулегендарное предание о жизни предков**, боговдохновенная истина, месть убитого убийце, миф как вымысел, воображение, повествовательность вообще, как нечто разумное, и в то же время невразумительное, вздорное, ложь, не внушающий доверия обман, слух и др.

В древнегреческом языке существовало, и немало, производных от слова «миф», среди них термин «**мифология**», который означал изложение мифа, пересказ, беседу, а также совокупность мифов какого-нибудь народа и, кроме того, рассуждения по поводу мифов, их изучение. Однако в последующие эпохи происходит резкое сужение спектра значений термина «миф».

В **средневековье** термин «миф» сводится лишь к обозначению **языческих верований** или форм **фольклорного творчества** и наделяется сугубо отрицательными оценками.

Для культивировавшего идеалы рационализма **новоевропейского мышления** миф — это произвольная **выдумка**, поэтизированный каприз, воображение, **субъективная фантазия**, не имеющее ничего общего с действительностью; это «полностью вымышленное повествование, обычно включающее в себя **сверхъестественные образы, действия или события** и воплощающее некоторые популярные идеи о природных и исторических событиях». Такое словоупотребление сохранилось вплоть до **конца XIX в.** Но уже в XX в. возродилась тенденция полисемантизации (многозначности) термина «миф».

В современной культуре термин «миф» функционирует весьма и весьма **многозначно**, имеет множество смысловых оттенков, воистину он «**герой с тысячью лиц**». Под мифом понимают не только древнее представление о мире, результат первобытного духовного производства. Миф — это:

- любое неистинное, **ложное знание, субъективно-ценностное** представление; преднамеренный обман, ложное или искаженное представление о действительности;
- заблуждение, в котором тесно переплетаются истинное и ложное, реальное и воображаемое;
- то в сознании, что **противоречит личному опыту, не получило (или не может, не хочет получить) научно-доказательного обоснования**;
- то, с чем **апеллируют** не к разуму, мышлению, рассудку, здравому смыслу, а к **чувствам, эмоциям** (такими являются, например, многие пропагандистско-идеологические утверждения, лозунги, призывы, стереотипы массового сознания);

- утверждения, выражающие не знания или ценности, а веру во что-либо, свод убеждений, сюжетно оформленную догматическую **основу религии**, некую религиозную систему;

- легенды, предания, сказки, фольклор и др.;

- используемые в искусстве **фантастические, воображаемые образы**, продукты нереалистического художественно-образного преломления действительности, часто являющиеся продуктами функциональной и **идейной переработки древних мифов**;

- догматизированное или сакрализованное (освященное) знание, результаты деятельности воображения, порождаемые определенной ситуацией и предназначенные для какой-то цели;

- определенный тип философских воззрений и т.д.

Неоднозначно интерпретируется специалистами и **место мифотворчества** в культуре. Так, в современной философско-гуманитарной литературе можно встретить различные варианты ответов на вопрос о месте мифотворчества в историко-культурном процессе. Пока еще широко распространена идущая от **просветительского рационализма** идея о том, что миф, **мифотворчество** — это давно пройденный этап культуры, уже утраченная ею ступень. Вместе с тем находит своих сторонников и старая идея **циклического возвращения мифотворчества** в культурно-исторический процесс, заложенная в трудах Дж. Вико и в дальнейшем развитая Ф. Ницше.

Кроме того, имеет своих приверженцев идущая от немецкого романтизма конца XVIII — начала XIX в. концепция **«вечного мифотворчества»**, мифотворчества как неотъемлемого, всеобщего, **универсального момента деятельности сознания** — наиболее перспективная.

В истории культуры миф прежде всего предстает как **исторически первая форма сознания**, как сознание первобытной родовой общины, способ ее мировосприятия, ее мировоззрение. О ярком, многоликом, удивительном мире первобытной мифологии дает обстоятельное представление содержательная и блестяще иллюстрированная энциклопедия «Мифы народов мира» — выдающееся явление в литературе.

Колоссальное воздействие на культуры европейских народов оказала **древнегреческая мифология**. Мотивы, образы и сюжеты древнегреческих мифов **отразились в современной культуре**, в искусстве, мифологические имена мы находим в терминологии многих наук. Следы древних мифов встречаются и в речи нашего повседневного общения. Мы упоминаем **Ахиллесову пяту, Авгиевы конюшни, Сизифов труд, муки Тантала, подвиги Геракла, огонь Прометея, яблоко раздора, золотое руно, зубы Дракона, чудовищность Химеры, Полифема, Сциллы и Харибды, мастерство Дедала и безрассудную смелость Икара, стрелы Эроса, голову горгоны Медузы, силу Антея, игру Орфея** и много других образов древнегреческой мифологии. Античная мифология вошла в «тело» современной культуры, стала ее неотъемлемой частью, одним из наиболее колоритных, контрастных, «сочных», образных и удобных способов выражения определенных черт, свойств, закономерностей явлений как в природе, так и в мире человеческих отношений.

3. Понятие и сущность мифа.

Что же такое мифы? Для начала рассмотрим один из НИХ.

Много веков назад в Китае маленький мальчик спросил у своего деда, как был создан мир. И дед ответил ему в тех же словах, как много лет назад ответил ему на этот вопрос его собственный дед:

«Некогда существовал лишь великий хаос, Хунь-тунь. Тогда были два императора: Ху, император Северного Моря, и Шу, император Южного Моря. Когда они нашли Хунь-тунь, тот был несовершенен: у него не доставало семи отверстий, необходимых для зрения, слуха, питания и речи, дыхания, обоняния, размножения и выделений. Поэтому императоры стали пробивать в нем ударами молний по одному отверстию каждый день. В конце концов Хунь-тунь от этого умер. Имена Ху и Шу,

соединенные вместе, образуют слово «Ху-шу» — «молния». Таким образом, творение мира началось тогда, когда молния пронзила хаос».

В XX веке возникла научная теория, описывающая разительно похожую точку зрения на сотворение мира. Гарольд С. Урей, лауреат Нобелевской премии 1934 г. по химии, предположил, что жизнь могла возникнуть в результате действия некоторого вида энергии (быть может, молнии) на атмосферу первобытной Земли. Неизвестно, был ли Урей знаком с китайским мифом, но его гипотеза перекликается с историей творения мира, поведанной -китайцем своему внуку.

В 1953г. ученик Урея, Стэнли Л. Миллер, решил провести эксперимент, чтобы проверить эту теорию. Он подготовил два стеклянных шара, один из которых содержал газы, предположительно составлявшие атмосферу древней Земли, а второй был предназначен для собирания газов, образовавшихся в ходе эксперимента. Затем Миллер активировал газы «молнией», то есть электрическим разрядом в 60000 вольт. К удивлению ученого, среди веществ, собравшихся во втором шаре, оказались нуклеотиды, органические компоненты аминокислот, которые при соединении образуют ДНК — основной строительный элемент жизни.

Впервые за всю историю науки нуклеотиды были образованы искусственным способом, а не выделены из живого организма. На первый взгляд изложенный китайский миф может показаться примитивным. Он слишком **антропоморфен (человекообразен): природные силы в нем персонифицированы (представлены в виде личностей людей)**. Два элемента, образующие молнию, обозначены как «императоры»; хаос выступает в облике человека. Однако этот «примитивный» миф совпадает с весьма изящной современной гипотезой о происхождении жизни. Это — первый ключ к ответу на вопрос, что такое мифы.

Мифы, — **древнейшая форма познания, размышления** о том, каким образом возникла Вселенная. Таким образом, миф — это первая робкая попытка объяснить возникновение тех или иных вещей, это **предок** науки. Кроме того, это **попытка объяснить**, почему происходят те или иные явления, то есть миф имеет отношение к сфере религии и философии. Это также «история предыстории», попытка рассказать нам, что могло происходить до того, как началась письменная история человечества. Это и древнейшая форма литературы, обычно существовавшая в форме фольклора.

Что рассказывал миф? Миф рассказывал древним людям о том, **кто** они такие и **как** следует жить, миф **был и остается до сих пор основой морали, государственности и национального самосознания**.

Миф едва ли можно назвать достоянием исключительно «примитивного, донаучного» мышления. Жизнь и в наши дни насыщена мифологическими символами и смыслами, мифологическим языком; все это — **ценнейшая часть** общечеловеческого наследия. **Басни, сказки, литература, эпос, священные книги великих религий** — все это включает в себя древние мифы, преодолевшие границы времени, пространства и культурных различий. Мифы, взятые сами по себе, проявляют удивительное **сходство** между культурами различных народов, разделенных огромными расстояниями. И эта **общность** помогает нам увидеть за всеми различиями **красоту единства человечества**: все народы Земли во все времена имеют между собой нечто общее.

Миф — это нечто **постоянное и неизменное** для всех людей во все времена. **Общие модели, сюжеты** и даже детали содержащиеся в мифах, встречаются везде и повсюду. Это объясняется тем, что миф — это совокупное наследие воспоминаний наших предков, передававшееся из поколения в поколение. Миф может входить в структуру нашего подсознания; не исключено, что он закодирован в наших генах.

Миф — это рассказ о событиях, совершавшихся до начала письменной истории, и о значении событий, которые произойдут в будущем.

Миф — это нить, соединяющая воедино прошлое, настоящее и будущее.

Миф — это своего рода уникальный язык, описывающий реалии, лежащие за пределами наших пяти чувств. Он заполняет пропасть между образами подсознания и языком сознательной логики.

Миф — это «склейка», формирующая целостные сообщества людей. Он представляет собой **основу самоопределения общин**, племен и наций. Миф — это сущностно необходимый элемент во всех сводах нравственных законов. Основа моральных кодексов всегда выводилась из мифологии и религии.

Миф — это **комплекс верований, придающих жизни смысл**.

Миф помогает людям и обществам достойно и адекватно приспособиться к своему окружению.

4. Миф и язык.

Наш язык насыщен многочисленными терминами, происходящими из мифов, в особенности древнегреческих и древнеримских мифов. Мы используем эти слова ежедневно, даже не задумываясь об их происхождении.

Проезжая по улицам города, человеку часто приходится иметь дело с **хаосом** (понятие, взятое из греческого мифа, описывающего изначальное состояние мира до творения) транспорта; слушая шлягер 40-х годов «Я — твоя **Венера**», он сталкивается с именем римской богини красоты; размышляя, не купить ли спортивную обувь фирмы «**Ника**», мы произносим в уме имя греческой богини победы. Покрышки автомобиля сделаны из вулканизированной резины (**Вулкан** — римское божество, покровитель кузнецов). Путешествуя по другим городам, можно заглянуть в музей (получивший такое название в честь **муз**, покровительниц **искусства** в греческой мифологии); а в **марте** (названном в честь римского бога войны **Марса**) вы, быть может, планируете уйти в отпуск.

Новости мы узнаем по радио. В **Европе** (получившей имя в честь Европы, смертной возлюбленной греческого бога Зевса) может полным ходом идти подготовка к Олимпиаде (современному аналогу спортивных игр, происходивших близ **Олимпа**, жилища древнегреческих богов); дипломаты в Лондоне обсуждают, что же делать с ракетами «**Тор**» (скандинавский **бог грома**), «**Титан**» (великан из греческих мифов) и «**Юпитер**» (римское имя Зевса).

Не исключено, что кто-либо из ваших знакомых или коллег вызывает у вас эротические (от Эроса, греческого бога любви между мужчиной и женщиной) помыслы. Но если в наши смутные времена вы попытаетесь обратиться с любовными предложениями к коллеге по работе, это может оказаться **ахиллесовой пятой** в вашей достойной карьере. Более того, перед вами может встать угрожающий призрак **венерической** болезни (от имени **Венеры, римской богини любви**). Да провались она в тартарары! (От **Тартара**, что в греческой мифологии означает «ад».)

Современные технологии позволяют почти мгновенно связаться с любой точкой земного шара при помощи телефона, факса или модема. Но где бы вы ни жили — во французском городе **Лионе** (названном в честь **кельтского солнечного бога Луга**), в **Афинах** или в канадском городе Гимли (от Гимли — «высочайшего из небес» — в скандинавской мифологии), — вы поддерживаете неразрывную связь также и с отдаленным прошлым: в этом вам помогают мифы.

Миф сам по себе представляет совершенно **уникальный способ использования языка**. Обычные слова, обозначающие конкретные вещи, употребляются в мифе для **описания понятий, превосходящих опыт наших пяти чувств**. Во многих культурах мы встречаем общий термин, обозначающий **силы, превосходящие человека**, либо **невидимые силы**, духовную мощь вещей и явлений, превосходящую наше понимание: «ваканда» (wakanda) — у индейского племени сиу, «оренда» (orenda) — у ирокезов, «мулунгу» (mulungu) — у банту, «нумен» (numen) — у древних римлян. Среди современных понятий эти термины стоят в одном ряду с термином «**высшая сила**».

Человек обычно чувствует, что не способен напрямую обращаться к этой силе. Древние римляне, обращаясь к **неизвестному божеству**, «**нумену**», называли его «*si deus si dea*» («будь ты бог или богиня»).

Любопытно, что, несмотря на значительные различия между разными культурами, этот общий термин, обозначающий персонифицированную высшую силу, устойчиво переводился христианскими миссионерами как относящийся к **Богу**. К примеру, имя финского небесного божества Юмала в настоящее время применяется финнами в качестве имени Бога. «Силы, которые существуют» стали обозначением монотеистического божества.

Антропоморфизм — это проекция человеческих черт или качеств на божество. Его можно назвать «созданием бога по образу и подобию человека». Верховный бог древних греков, Зевс, изображался в виде мужа под каблуком у своей жены, и не без причины: ведь он постоянно вступал в любовные связи с богинями и смертными женщинами.

Солнце было не просто небесным телом: оно **персонифицировалось** в виде бога, жизнь которого во многом напоминала человеческую. В греческой мифологии Солнцем сперва был бог **Гелиос** (по-гречески — «солнце»), а позже — **колесница, которой правил бог Аполлон**. Как мы увидим, во многих мифологиях жизнь возникает в результате брака между «отцом»-Небом и «матерью»-Землей.

Антропоморфные элементы вполне очевидны. Люди молились богам, которые выглядели так же, как они сами, действовали так же, как люди (иногда на очень низком уровне нравственности), и обладали вполне человеческими пороками — тщеславием, завистью, ненавистью и страстями.

Существовавший у иудеев запрет на создание идолов объясняется необходимостью отделить еврейского бога, стоящего вне всех человеческих определений, от антропоморфных богов соседних семитских и египетских народов. История о «**золотом тельце**» в библейской книге «Исхода» — это, вполне вероятно, выражение «**тероморфизма**», изображения божества в форме животного (в данном случае — египетского священного быка Аписа или богини Хатхор, изображавшейся в виде коровы).

Широко распространена была также **персонификация абстрактных понятий** в образах богов. Ника (Nike), имя греческой богини победы, по-гречески также означает «победу». Имя **Эриды** (Eris), греческой богини раздора, переводится с греческого как «**раздор**». Имя **Ириды** (Iris), греческой богини радуги, по-гречески означает «**радугу**» (так же, как и в современном испанском языке: arco iris). От этого слова происходит современное название цветка — «**ирис**» и, к примеру, название методики определения болезни по радужной оболочке глаза — «**ириодиагностика**».

Во французском языке глагол «*iriser*» означает «раскладывать цвета через призму». Греческое слово **Уран** (Ouranos) означало одновременно небесное **божество-«отца»** и, собственно, **небо**; то же можно сказать о **санскритском аналоге** этого слова — **Варуна**.

Язык для мифа представляет первостепенную **значимость**. Изреченное слово обладает **великой силой**. В Библии **Бог творит мир с помощью слова**. В талмудической истории сотворения мира буквы еврейского алфавита спорят за право стать первой из букв первого слова, произнесенного Богом в момент творения.

В персидской мифологии Ахура Мазда (благое божество) низвергает Ангро-Майнью (злое божество) в ад, произнеся одно-единственное **слово**. Имя Бога для евреев до сих пор столь священо, что они избегают произносить его, чтобы не осквернить.

Священный язык употребляется также для того, чтобы отделить **священное от профанного** (т.е. обычного, повседневного, бытового). **Католическая месса**, повсеместно читающаяся на **латыни**, символизирует единство внутри римской

католической церкви и отграничивает слова священнодействия **от слов повседневной жизни**.

Православные христианские церкви пользуются для этих целей **старославянским языком**. Нынешние евреи, в обычной жизни говорящие по-русски, по-английски или по-французски, продолжают молиться на древнееврейском «священном языке». Мусульмане в Англии и Индонезии читают Коран по-арабски, полагая, что именно на этом языке Аллах говорил с пророком Мухаммедом; в прочих жизненных ситуациях почти никто из них не пользуется арабским языком.

Немецкий ученый **Эрнст Кассирер** в своей книге «**Язык и миф**» рассматривает язык как показатель религиозного развития. На ранних фазах развития религии, так называемой примитивной стадии, наблюдается **недифференцированное понятие** «сил, которые существуют»; они требуют, чтобы с ними считались или поклонялись им.

На более позднем этапе, на стадии политеизма (греч. «многобожие»), происходит **выделение богов по функциям или персонификация объектов** наподобие Солнца. На этой стадии, к примеру, следует почитать богиню пшеницы, чтобы обеспечить хороший урожай.

Далее Кассирер отмечает, что размышления над религиозными вопросами и первые философские теории приводят к идее **монотеизма** (греч. «единобожие»), единого божества, которое стоит за всеми явлениями жизни.

Сначала этому божеству могут поклоняться точно так же, как более ранним богам. Однако затем отношения с богом (Богом) становятся более **личными**; человек начинает **искать «единения»** или «**личной связи**» с **Богом**, общаться с которым ему гораздо легче, чем со множеством разнообразных божеств.

Индусы говорят о Брахмане, Верховном Существо, как о «Великом Я». Христианин говорит о «сердце» как о жилище Святого Духа Господня. На этой стадии **божество становится субъектом**, живущим внутри человека.

5. Классификация мифов

Мифы можно классифицировать в соответствии с **доминирующей темой**, которую они изображают.

1. **Как начались вещи (космогонические мифы)**. Обычно это самый важный миф в культуре, миф, который становится моделью для всех остальных мифов. Он повествует о том, как начал существовать весь мир. Миф как описание модели мира разворачивается в **форме рассказа** о происхождении мира. **Космизация**, в частности, проявляется как:

- выделение суши из первичного океана,
- отделение неба от земли (они мыслятся как мужское и женское первосущества),
- как первоначальное появление небесных светил, растений, зверей и людей (из глины, костей, деревьев и т. п. или вышедших из под земли, подлежащих "доделыванию" и т. п.),
- как борьба поколений богов — младшего против старшего,
- как борьба богов или героев с чудовищами или великанами, которые мыслятся как воплощение сил Хаоса. К космизации относятся также и изготовление космических и культурных объектов (огня, орудий охоты и труда), введение обрядов и обычаев.

В некоторых повествованиях (в первой главе Книги Бытия) сотворение мира происходит **из ничего**. Мифы египтян, австралийцев, греков и майя также говорят о сотворении из ничего. Во многих случаях божество в этих мифах **всемогуше**.

Полинезийский миф сообщает о творении, происшедшем из скорлупы кокосового ореха. В Африке, Китае, Индии, южном Тихом Океане, Греции и Японии сотворение мира символизировано как **прорыв из плодородного яйца мира**. Яйцо – это потенциал всей жизни, и иногда, как, например, в мифе южноафриканского народа догон, нем говорится как о "плаценте мира".

Еще один вид космогонического мифа - **миф о родителях мира**. В вавилонской истории о творении "**Энума элиш**" родители мира Апсу и Тиамат рожают потомство, которое позже оказывается противостоящим собственным родителям. Потомство побеждает родителей в битве, и из жертвенного тела создается мир.

Первые герои мифа — это **боги-первопредки**, порождающие биологически-магические космические объекты, **демиурги**, изготавливающие те же космические объекты как ремесленники, и "культурные герои", находящие культурные (а отчасти и космические, в силу неразличения природы и культуры) объекты в готовом виде, часто где-то в иных мирах. "Культурные герои" иногда совершают также демонически-комические действия или им противостоят демонически-комические двойники, мифологические плуты (трикстеры), часто их братья-близнецы.

Древние мифы иногда более конкретизируются по содержанию, подразделяются на **теогонические**, повествующие о рождении богов, **космогонические**, в которых рассказывается о создании мира, **космологические** — мифы о строении мира, **антропологические** — мифы о сотворении человека, **этиологические** — мифы о происхождении природных объектов и предметов, **сотериологические** — мифы о спасении человека.

Формирование Космоса в мифе совершается в некое "раннее" мифологическое время, в котором сосредоточены основные события, происходящие в мифе, что отвечает его моделирующей функции. **События "раннего" времени** — это как бы кирпичики мироздания. Основные категории мифов — мифы творения, но к ним добавляются мифы эсхатологические (наоборот, о конце мира, часто временном), мифы календарные (о календарном обновлении природы как смерти-воскресении, т. е. по сути — эсхатология плюс творение) и мифы собственно героические, более поздние — о борьбе героев с силами Хаоса (драконами, великанами и т. п.). На этой основе постепенно возникают в рамках развитых религий более сложные мифологические системы.

2. Конец всех вещей (эсхатологические мифы) описывают конец света или приход смерти в мир. Мифы о конце света предлагают его сотворение нравственно божественным существом, которое в конце разрушает свое творение. В это время каждое человеческое существо судят по его делам и готовят к существованию в раю или к одной из вечных мук. Такие мифы присутствуют среди еврейских, христианских, мусульманских и зороастрийских. Вселенский пожар и последняя битва богов - это часть индоевропейской мифологии, наиболее полно описанные в германских ветвях мифологии. В мифологии ацтеков до сотворения мира людьми богами было создано и разрушено несколько миров. **Мифы о происхождении смерти** описывают, как смерть вошла в мир. В этих мифах смерть долгое время не присутствует в мире, но входит в него из-за **несчастливого случая** или из-за того, что кто-то просто забывает послание богов, касающееся человеческой жизни. В книге Бытия смерть приходит, когда люди преступают надлежащие границы своего знания.

3. Мифы о героях культуры. Такие мифы описывают действия и характер существ, ответственных за открытие определенного культурного объекта или процесса. В греческой мифологии Прометей, укравший огонь у богов, является прототипом фигуры такого рода. В культуре догон Прометею подобен кузнец, который крадет из житницы богов семена для человеческого сообщества. В Герамс, Индонезия также присутствует такая фигура — Хаинувеле. Она снабжает сообщество множеством необходимых и роскошных вещей из отверстий своего тела.

4. Мифы о рождении и возрождении. Обычно связанные с ритуалами инициации, мифы о рождении и возрождении рассказывают о том, как жизнь может быть **обновлена**, время повернуто вспять, а люди трансформированы в новые существа - как в реинкарнации.

5. Мессия. В мифах о приходе идеального общества (тысячелетние мифы) или **Спасителя** (мессианские мифы) эсхатологические темы сочетаются с темами возрождения и обновления. Тысячелетние и мессианские мифы обнаружены в племенных культурах

Африки, Южной Америки и Меланезии, а также в мировых религиях иудаизма, христианства и ислама. Мифы о Мессии, Помазаннике, Христе встречаются в теологии.

"Мессия" - еврейское имя обещанного избавителя человеческого рода, приписываемое Иисусу и данное ему христианами, хотя вера евреев утверждает, что Мессия еще только должен прийти. Изначально используемый в теологии термин "**Мессия**" стал применяться более свободно для обозначения любого ожидаемого **освободителя страны** или народа или предполагаемого спасителя в любой нехристианской религии.

6. Предопределение и судьба. В некоторых мифах божественная власть отмечена господством бога над роком.

7. Воспоминание и забывчивость. Мифы о памяти могут принимать форму коллективных воспоминаний. Решающая часть праздника христианского причащения - воспоминание.

8. Высшие существа и небесные боги. Небо везде считается священным и соотносится или идентифицируется с высшими богами.

9. Короли и святые. Мифы о королях можно найти только в традициях, которые знают форму освященной королевской власти. Считалось, что короли имеют союз с богинями. Это был "священный брак".

10. Трансформация. Эти мифы включают в себя ритуалы инициации и "**ритуалы превращения**" (рождение, достижение зрелости, брак, смерть), а также космическую трансформацию. Крещение – это трансформация ритуала превращения.

Контрольные вопросы для самоподготовки студентов:

1. Что такое миф?
2. Какую роль играл миф в древности?
3. Чем отличается миф древний и миф современный?
4. Как соотносятся наука и миф?
5. Что является почвой для современного мифа?
6. Какие темы лежат в основе классификации древних мифов?
7. О чем говорят космогонические мифы?
8. Что представляют собой эсхатологические мифы?

Литература: [1. С. 12-20; 2. С.12-18; <https://www.ruthenia.ru/folklore/meletinsky1.htm>].

Лекция 2. Мифология как исторический тип мировоззрения.

План

1. Понятие мировоззрения и специфика мифологического мировоззрения.
2. Религия как мировоззрение.
3. Философия как мировоззрение.

1. Понятие мировоззрения и специфика мифологического мировоззрения.

Первой общественной системой был первобытно – общинный строй. Само становление человека как *homo sapiens* проходило в границах определенного отношения его к миру, в котором он жил и действовал, т.е. происходил процесс его мировоззренческого становления. По сути дела, возник необходимый и неперемный атрибут человеческого существования – мировоззрение, как самая общая форма проявления человеческого интереса к миру и к самому себе.

Что же такое мировоззрение? Какова его природа и сущность? Может ли быть какое-либо знание не мировоззренческим?

Становление человека и превращение его в *homo sapiens* было связано, в первую очередь, с практическим отношением человека к миру, без которого было невозможно не только формирование ранних форм мировоззрения, но и существование самого человека. В основе этого практического отношения человека к миру «лежали» и «лежат» человеческие потребности и интересы людей, без удовлетворения которых их жизнь просто не возможна.

В учебниках и словарях определений как правило, указывается на «обобщающий характер» мировоззренческих представлений человека о мире. «**Мировоззрение** – это обобщенная система взглядов человека на мир в целом, на место отдельных явлений в мире и на свое собственное место в нем, понимание и эмоциональная оценка человеком смысла его деятельности и судеб человечества, совокупность научных, философских, правовых, нравственных, религиозных, эстетических убеждений и идеалов людей».

В родовом обществе отсутствовали соответствующие условия или основания для обобщенного миропонимания в рациональной или логико – понятийной форме. Мировоззрение исторически изменчиво.

Из этимологии самого слова «мировоззрение» ясно, что это понятие состоит из трех частей – «человек» – «мир» – «воззрение о мире».

Жизнь человека в обществе всегда носила и носит исторический характер. А само общество представляет собой сложный продукт взаимодействия людей, принадлежащих к различным, социальным образованиям или общностям людей (в первобытном обществе – это род, племя, семья, община; в классовых обществах – появляются классы, народности, нации и т.д.). И таким образом получается, что мировоззрение у людей бывает неоднородным, многоуровневым, «подвижным».

Историческими формами мировоззрения являются миф, религия, философия.

Мировоззрение как форма общественного сознания человека, через которую он воспринимает, осмысливает и оценивает окружающий его мир, определяет свое место в нем и выражает при этом свое специфическое отношение к миру и к самому себе позволяет сформулировать следующие вопросы:

- 1) какова природа и **сущность человека?**
- 2) что собой представляет **мир?**
- 3) какой фактор является связующим звеном между **миром и человеком?**
- 4) каковы особенности **восприятия, осмысления и оценки мира?**
- 5) какое место занимает **человек в мире?**
- 6) какова специфика выражения **отношений человека к миру?**

Поскольку взаимоотношения в системе мир и человек постоянно изменяются, то очевидно, что происходят изменения и развитие в человеке новых форм или уровней мировоззрения, т.е. получается, что само мировоззрение носит подвижный характер.

Поэтому необходимо понять особенности таких конкретно-исторических форм мировоззрения как миф, религия, философия.

В содержательном отношении мировоззрение носит интегральный характер: в него входят эмоции, чувства, настроения, ощущения людей; их знания (как повседневные, так и научные, философские и в целом – профессиональные). Кроме того, в структуре мировоззрения важное место занимают ценности, идеалы, вера и убеждение людей.

В каждой форме мировоззрения эти элементы представлены по-разному в том смысле, что одни из них являются ведущими, основными, определяющими, а другие – занимают второстепенную, не основную, определяемую роль. Это надо обязательно иметь в виду.

Кроме того, в различных формах мировоззрения, а точнее, в мироощущении, мировосприятии, миропонимании по-разному представлены эмоционально – чувственный и рационально – теоретический опыт людей.

Так, 1) **эмоционально – чувственный** опыт людей, в основе которого лежат настроения, чувства, эмоции, составляет содержание мироощущения;

2) опыт, в основе которого лежат **познавательные образы**, основывающиеся на наглядных представлениях о мире, составляет содержание мировосприятия;

3) **рационально – теоретический** опыт, основывающийся на сознательном, рефлексивно – теоретическом осмыслении мира, составляет содержание миропонимания.

Первой исторической формой мировоззрения был миф, оформившийся в виде мифологических представлений о мире.

Мифы имелись у всех народов мира, и они, как правило, носили многообразный характер – это были мифы о начале, происхождении и сущности мира, космоса, мировой гармонии; о будущем мира, его конце (эсхатологические), происхождении человека и т. д.

О мифологии можно говорить как о специфическом мировосприятии и миропонимании. Словосочетанием «мифологическое мировоззрение» мы объединяем целый комплекс различных психических явлений, феноменов сознания, а также ряд элементов, «практических», «деятельных» в виде системы ритуалов, обрядов, действий, которыми сопровождаются акты сознания, предания, рассказ о том, как это было впервые. Тем самым индивид вовлекается в жизнь рода, общины, обеспечивая мифу сохранность и трансляцию его следующим поколениям.

Таким образом, мифологическое мировоззрение содержит в себе два ряда: **словесно-повествовательный и деятельно-практический, событийный. Синкретичность** и недифференцированность такого мировоззрения, содержащего в себе элементы самых различных знаний, делают его неразложимым на составные части. По мнению многих отечественных авторов (А.С. Богомолова, А.Ф. Лосева, Е.М. Мелетинского и др.), в мифологическом мировоззрении вообще нет отчетливого разделения субъекта и объекта, вещи и слова, предмета и знака, существа и его имени и т.д.

В мифологическом мировоззрении мир мифа и реальный, действительный мир не отделены друг от друга. И тот и другой принимаются субъектом за подлинный, настоящий. Во многом это объясняется тем, что индивид не выделяет себя из окружающего мира и не отделяет себя от рода, Космоса. Более того, жизнь Космоса мыслилась, виделась им по аналогии с жизнью рода. Нерасчлененность, **недифференцированность мировоззрения**, нераздельная слитность эмоционального, аффективного и мыслительного, созерцательного и являются свидетельством слитности самой жизни.

Человек мыслит себя не столько как нечто самостоятельное, сколько как существо, всеми узами включенное, интегрированное в существующие общности людей – род, племя, община... Короче говоря, личностное, самостоятельное начало в нем отсутствовало; он не видел различия между «Я» и «Ты», между «Я» и «Мы». Все вещи и предметы представлялись в виде живых существ, включенных в родовые отношения. Он, человек, как бы переносил все свои первоначальные человеческие качества (эмоции, ощущения, чувства,

настроения т.д.) на весь окружающий мир, т.е. фантазия человека в этот период творила мир по своему образу и подобию в виде некоторого человеческого идеала. А это уже – антропоморфизм мифа. Мир мифа – мир родственников, большой общины. Миф – **социоантропоморфен**.

Мифологическое мировоззрение вбирает в себя и опирается не на индивидуальный опыт, а на опыт рода. «Миф, – пишет М. Мамардашвили, – это упакованная в образах и метафорах и мифических существах многотысячелетняя коллективная и безымянная традиция». Миф как бы говорит, что когда-то все это было, и в этом смысле оно представляется индивиду реальным, действительно имевшим место. Но будет ли оно иметь место в будущем, повторится ли, сказать трудно. Скорее всего нет! И потому событийный ряд воспринимается как чудо. События, о которых говорится в мифе, имели место как бы в далеком прошлом, от настоящего их отделяет большой временной интервал, что и позволяет их видеть как реальные, как ту первооснову, на которой вырастает все последующее. Таким образом, мифологическое мировоззрение приобретает значение парадигмы, образца для воспроизведения, выполняя тем самым регулятивную функцию и принуждая индивида следовать этому образцу.

В древнее время мифы не рассказывались исключительно в развлекательных целях, когда все племя собиралось вокруг костра, чтобы отдохнуть и прийти в себя после тяжелого дня. Мифы, прежде всего, являются хранилищем знаний, существующих в данной культуре. В них содержатся предписания о том, как нужно поступать в той или иной ситуации; как себя вести при встрече с лесными жителями (будь то животное, или дух), на какого зверя можно вести охоту, на какого — нет. В этом заключалась 1) **познавательная функция мифа**. Другой важной функцией мифа в обществе была функция сплочения коллектива или общностей людей. Мифы закрепляли принятую в данном обществе определенную систему ценностей и, тем самым, как бы регулировали отношения между людьми, т.е. выполняли 2) **регулятивно–ценностную функцию**. (Трудно найти в сказаниях рациональное объяснение тех или иных обычаев, норм и правил поведения. Как правило, объяснение всегда будет строиться по одному принципу, оно основано на традиции: так поступали наши предки. В каждом мифе описывается некое впервые произошедшее событие — прецедент, у которого не было аналогов в предшествующие времена, но после свершения это событие будет повторяться и повторяться людьми в память о героях и их свершениях. Прецедент становится образцом для подражания. Значит, в архаическом обществе были найдены способы, как закрепить в устной форме сказания социальные нормы, принятые в данном коллективе.

3. Точно таким же образом в форме мифических повествований говорилось о **табу**, запретах, а заодно и страшных наказаниях в случае их нарушения (духи могут наслать болезнь и смерть). То есть, на том историческом этапе древности, когда не существовало еще **права и юридического закона, их функции в обществе выполнял миф**. Но как же работали в социуме нормы, если они всего лишь высказывались в форме повествования? Достаточной причиной для выполнения правил была боязнь сверхъестественных сил. Этнографы зафиксировали случаи, когда человек, нарушивший предписания (даже если об этом никто не знал), сам изводил себя страхом и ожиданием мести со стороны духов, вплоть до полного истощения и смерти. Многие сюжеты обосновывают поклонение персонажам, являющимся прародителями племени. Рассказывается история их жизни, подвигов, но также

история любви. В таких мифах зашифрована информация о брачных нормах. 3) Это социальная функция.

4) миф объясняет, как возникло то или иное явление в природе, то есть, миф обладает этиологической (**объяснительной**) функцией. (Например, во многих сказаниях разных народов рассказывается, что некогда солнце и луна ходили по небу вместе. Мы должны угадывать в этом мотиве идею, что раньше не существовало дня и ночи, свет и тьма не сменяли друг друга, то есть, не было течения времени, как мы его сегодня понимаем. Но вот случается какое-то происшествие: либо светила-братья подрались и навечно рассорились друг с другом; либо солнце-жена ушло вперед, а месяц-муж, пока завязывал ленты на сандалиях, сильно отстал от супруги и никак догнать с тех пор не может. В результате два небесных тела ходят порознь, встретиться не могут, а в мире соответственно появилась суточная смена дня и ночи).

5) актуальным представляется психологическое значение мифологии (**компенсаторная функция**). Во-первых, когда люди узнают о причинах тех или иных явлений, событий, то сами эти события предстают уже не столь пугающими. Объяснить и понять нечто, значит, сделать его менее страшным. Принимается даже такое толкование, в котором стихийные бедствия, катастрофы посланы божествами в наказание за провинность. Во всяком случае, люди теперь знают, как исправить ошибку и что нужно сделать, чтобы задобрить богов, уменьшить свою вину. Во-вторых, если в личной истории человека случается какое-либо происшествие, ему гораздо легче перенести все удары судьбы, если он знает, что прецедент уже был. Еще лучше, если подобное приключилось с героем, предком или иным важным персонажем. К. Г. Юнг приводит пример психологического воздействия мифа при излечении от укуса змеи в Древнем Египте. Больного знакомили с мифом о солнечном боге Ра, которого ужалил громадный космический змей Апоп, и о дальнейшем выздоровлении с помощью чар богини Исиды. Рассказ о беде бога должен был успокоить пациента, кроме того, заставить его поверить в силу магии и волшебства — главных «медикаментов» той эпохи.

6) **Тотемистические верования** отражают самые первые попытки осознать свою природу, выяснить, что такое человек по аналогии со всеми окружающими живыми и неживыми объектами. В тотемизме осуществляется проекция на жизненно важный промысловый, обеспечивающий пищей образ животного, с которым человек ощущает свое родство. На этих стадиях подчеркивается близость природе, люди еще не противопоставили себя ей, не чувствуют своего превосходства и не стремятся господствовать над окружающим миром (идентификационная функция мифа).

Антропогенные мифы

Когда приходит понимание своей уникальности, возникает желание обозначить несходство с другими живыми существами, тогда появляются **антропогонические мифы** о сотворении людей богами. В этих сюжетах всегда акцентируется мысль, что люди сотворены в последнюю очередь и поставлены во главе всех иных тварей, созданных небожителями.

Идея божественного происхождения является большой провокацией для нарциссизма. Собственно, в мотивах сотворения людей богами отмечается разрыв с природой. Человек мыслит себя существом иного рода, иного плана, причастным к высшему существованию. Эти мотивы могут быть использованы для культурной идентификации. Правда, в этих сюжетах кровным родством с божественным прародителем связан не весь народ, а вождь — предводитель. Впрочем, в его образе персонифицирована вся община, недаром часто царя

называют отцом, бабушкой, а не просто владыкой. Сам же он обычно нечеловеческого происхождения, сын божественных родителей. Так, в Египте считали богиню Исиду и бога Осириса предками первого фараона. Потомками богов считают себя не только целые народы, но и отдельные важные персоны. Древнеримский писатель Светоний в своем труде «Жизнь двенадцати цезарей» сообщал о генеалогии императоров, ведущих родословную кто от Гермеса, кто от Геракла, кто от Марса, кто от Венеры.

То есть даже в исторические времена сознание пыталось **мифологизировать историю** собственного рождения, чтобы возвеличить свой род и утвердить собственное превосходство, даже если это стремление подсознательно. Возникает так называемый «инстинктивный расизм»: каждый народ только свой миф творения считает истинным, соответственно, полагает, что все заблудшие роды и племена должны быть в услужении и подчинении у знающей подлинного Бога и тайну Вселенной расы.

Для мифологического сознания характерно **ощущение сопричастности к природным стихиям**, обожествленным и персонифицированным в образах богов: Зевса (Юпитера), Геры (Юноны), Афродиты (Венеры) и пр. Все объясняется через их волю. Человек выступает в роли агента божественных сил, его деятельность всецело подчинена магическим обрядам, которые как бы консервируют так называемое сакральное (священное) время.

«**Сакральное** (священное) время в рамках мифа является превалирующим фактором мировосприятия. Оно противостоит **профанному** времени и задает некую схему функционирования человеческого сообщества, неизменную в своих базовых принципах». (Соотношение с вечностью) Для мифологического сознания характерен магический (колдовской, волшебный) способ взаимодействия с миром. Английский ученый Дж. Фрэнгер выделял т.н. «закон магической симпатии», объединяющий человека и предмет, с которым единожды, по крайней мере, он вступал в контакт. На основании этой магической сопричастности или симпатии можно воздействовать на волю другого человека помощью определенных обрядов и ритуалов. В целом мифологическое сознание крайне статично. Оно не знает идеи движения, прогресса. Изменения, протекающие вокруг, являются лишь проявлениями некоего неизменного и вечного порядка вещей, кажущегося и иллюзорного своей сути.

Мифология — система сказаний, преданий, легенд, при помощи воображения объясняющая происхождение и протекание природных и социальных процессов. В структуре мифа просматриваются:

- а) когнитивный (познавательный) компонент — миропонимание: этиология мира, происхождение есущего, вопросы первопричины, явленности из неевещности, богов, людей;
- б) нормативно-императивный (предписательно-побудительный) компонент — принципы жизнедействия: ценности, установки, идеалы, регулятивы;
- в) активистско-манипуляторский компонент: самоутверждение, ритуально-мистические, культовые акты, влияние на среду обитания.

Мифологическое сознание обладает уникальной способностью. Оно регламентирует поступление новых знаний, так как в нем превалирует система обрядов и ритуалов, систематизирующая приток новой информации о мире. И поэтому миф не разлагается в результате накопления знаний, он исчезает вследствие осознания человеком своей свободы. Миф не регулирует жизнь свободного человека. Он не способен на это. Поэтому, по мере осознания человеком своей свободы возникает иная картина мира, в основе которой лежит

уже не растворение индивида в реальности, в стихии природных процессов, а вычленение себя из нее, становление субъект-объектных отношений.

В целом же для мифологического сознания характерно:

- растворение человека в мире;
- полное отождествление человека с природой, ее обожествление;
- фетишизм, т.е. поклонение неодушевленным предметам;
- анимизм, т.е. вера в существование духов, в одушевленность всех предметов.

Миф стал и **самой ранней формой донаучного знания**. Мифология охватывала и отражала все стороны общественной жизни. Она была первой архаичной формой донаучного синтеза всего наличного знания, от которого в дальнейшем отпочковались важнейшие области человеческого познания и творчества – философия, искусство, наука, религия, этика, право.

Практическая ситуация, в которой находился первобытный человек, отличалась крайней сложностью. В ней было много случайного, непредвидимого: индивид был очень слаб, а бесконечно могущественная природа слишком сурова к нему. Коллектив (община) играл для человека роль среды. Именно через общину индивид приспосабливался в природе и к общественной жизни. Коллектив формировал систему правил и ценностей, а человек моделировал свое поведение с учетом существовавших условий общественной жизни. Постепенное овладение человеком силами природы, восхождение общественного сознания «от мифа к логосу» (т. е. от конкретно-образного к понятийному мышлению) делает возможным появление зачатков, элементов собственно философского и научного познания.

В мифе имеет место огромное **преобладание коллективного над индивидуальным**; здесь субъект как бы минимален, а мир – максимален.

Мифы обладали своей внутренней логикой и историей, в которой конкретно – эмоциональное преобладало над абстрактным, отвлеченным. Мифологическое сознание было устремлено на эмоционально–чувственное отражение мира.

Итак, **мифологическое мировоззрение – это эмоционально – чувственное восприятие и отражение мира**, в котором человек не отделяет себя от мира, а, наоборот, сливается с ним, наделяя его общечеловеческими, родовыми качествами. По сути дела человек рассматривал мир по своему образу и подобию. Поэтому связующим звеном между миром и человеком здесь был сам человек как эмоционально чувствующее существо. Мифологическое мировоззрение называют аналогизмом, подчеркивая тем самым, что человеку свойственно судить о мире по аналогии с самим собой, наделяя мир собственными свойствами, одушевляя его.

Мифологическая компонента первобытного сознания, ответственная за бессознательно-художественную переработку природы, с обуславливаемым ею буквальным, безусловным толкованием образов как самостоятельных сущностей, дает начало сакральной парадигме — мистико-символическому образу мироздания на основе засилья аналогий, оживотворения (**гилозоизм**), одухотворения (аниматизм), одушевления (**анимизм**) действительности, уподобления природных отношений человеческим (антропоморфизм) и общественным (родовой **социоморфизм**).

2. Религия как мировоззрение.

Кризис мифологического сознания был вызван рядом причин, но главная из них была – экономическая, которая привела к расширению связей и отношений с другими народами. Это

способствовало осмыслению сложной картины мира и самого человека, его внутренних и внешних состояний, изменчивой и в то же время достаточно постоянной природы.

Поэтому на смену мифу приходит **религия как новая, дуальная форма мировоззрения** (от лат. duo – два, двойственность).

Особенностью религии является то, что на место присущему первобытному мифологическому мировоззрению или осознанию убежденности в непосредственном тождестве человека и мира, человека и природы, появляется такая дуальная форма осознания мира, в которой противопоставляется естественный, природный, посюсторонний мир миру сверхъестественному, надприродному, потустороннему при определяющей роли второго. Таким образом, в религиозном сознании или мировоззрении, по сравнению с мифологическим, иначе предстал как сам человек, так и мир, а также их отношения между собой. В самом понятии «религия» (от лат. –religio набожность, святыня, связь) отразилось особое видение, особое ощущение и понимание мира, в котором культовая деятельность (или действия) опирается на веру в существование сверхъестественных сил, основной формой проявления которых является бог или боги.

В религиозном мировоззрении человек понимается двойственно: с одной стороны, он существо земное, естественное, посюстороннее, а с другой, он является результатом акта божественного творения. Связующим элементом между миром и человеком выступает Бог. В религиозном мировоззрении имеют место как элементы рационального (например, моральные наставления), так и иррационального (фантастические образы надприродных сил.)

Во всяком случае, религия является одной из древнейших форм общественного сознания, мировоззрения, в которой специфически фантастическим – для неверующего – образом отражается мир. Эти фантастические образы приобретают особую субъективную реальность через все элементы мировоззрения.

Этот момент отражен в полемике, которая возникла в 19в. между Ф. Энгельсом и Е. Дюрингом, немецким философом XIXв, который вообще предлагал «запретить» религию. Ф. Энгельс же, наоборот, утверждал, что ее устранить просто невозможно, потому что всякая религия является не чем иным как фантастическим отражением в головах людей тех внешних сил, которые властвуют над ними в их повседневной жизни, – отражением, в котором земные силы приобретают форму «не земных»

Таким образом, фантастические образы религии – это особая форма отражения действительности, присущая всем народам мира. Она являет собой необходимую ступень в историческом восприятии и понимании мира, обусловленным как его неоднозначностью, сложностью, так и неоднозначностью и сложностью человека, его мозга.

Религия, возникла в сознании людей в силу различных причин: это и проблемы социального бытия (трудности в его реализации в полном объеме, трудности познавательного процесса, потребности выхода из безвыходных ситуаций, эмоционального отношения к миру и.т.д.). Кроме того, в религии (а это, может быть, самое главное) мы обнаруживаем попытку человека ответить на вопросы, возникавшие в процессе осмысления сложной, противоречивой картины мира и своего собственного бытия – вопросы вечности.

Неотъемлемой частью любой религии является **культ как форма реализации**, в повседневной практической деятельности, символических действий в виде обрядов,

ритуалов, богослужения, постов, молитв и т.д., через храмы, церкви, священные реликвии и т.д.

Какие же **основные функции** в обществе выполняет религия?

1. Основной функцией религии является – компенсаторная. Для верующего человека, она компенсирует тяготы земного бытия человека, что обеспечивает «выход» из тяжелой действительности на уровень райской жизни, где существует свобода и равенство для людей. Главная идея любой религии – идея Бога, через которого компенсируются идеи гуманизма, человеческих отношений к Богу и людей друг к другу.

2. Мироззренческая функция религии состоит в том, что она, религия, стремится создать особую картину мира, картину мира особой социальной жизни, где подчеркивается место и роль человека в системе природы и общества, создать схемы разумного общественного бытия.

3. Регулятивная функция религии состоит в том, что она создает «свою» систему норм и ценностей, в которой вера в сверхестественное начало является абсолютной и незыблемой.

4. Интегративная функция религии нацелена на объединение в ней только одноверцев и единоверцев.

5. Коммуникативная функция религии означает поддержку связей между верующими через реализацию единства религиозных действий, особых отношений между верующими и т.д.

Главное то, что роль религии в обществе неоднозначна. Но тем не менее, сегодня историческая миссия религии как формы мировоззрения – формирование единства рода человеческого, актуализация всеобщности непреходящих общечеловеческих ценностей, и прежде всего – моральных.

3. Философия как мировоззрение.

В своем первоисточнике философия практически совпадает с религиозно-мифологическим мировоззрением. Последнее точно фиксировал Гегель, подчеркивавший в мифах наличие философов. Проблема первооснов сущего оказывается стержнем мифологем буквально всех народов мира.

Философия – особый, теоретический тип мировоззрения. (Теория с древнегреч. – исследование, учение). Впервые термин употребил Пифагор.

Мифологическая — дорефлексивная, дофилософская — стадия не дифференцировала мир и образ мира. Как результат — иллюзорные картины персонифицированной природы. Скажем: мы полагали бы, что некие атмосферные процессы прекратили засуху и вызвали дождь. Вавилоняне же, наблюдая сходные явления, «внутренне переживали их как появление гигантской птицы Имдугуд, явившейся им на помощь.

Она покрывала небо черными грозowymi тучами своих крыльев и пожирала Небесного Быка, чье горячее дыхание спалило посевы».

Философские трактовки мира объективированы, обезличены. Таковы демифологизированные начала мира: «вода» Фалеса, древнекитайское «дао» — «мать всех вещей», «глубочайшие врата рождения». Философское мировоззрение **неантропоморфично**, складывается и проявляется как неперенное рефлексивное различие бытия и мышления, материи и духа, действительности и сознания, реального и идеального. Исходно философия оформляется как модельное комбинирование коренных бытийных начал — оппозиций, как интеллектуальная (неассоциативная) техника опосредования пределов — крайностей.

Симптоматичен список из десяти вопросов, вызвавших многозначительное молчание Будды. Вечен ли мир? Или не вечен? Конечен ли мир? Или бесконечен? Тожественна ли душа с телом? Отлична ли душа от тела? Бессмертен ли познавший истину? Или смертен? Будет ли познавший истину одновременно и бессмертным, и смертным? Будет ли он ни бессмертным, ни смертным?

С позиций своей теоретико-познавательной основы **мифология суть грандиозная логика движения в образах**, крепящаяся на схеме конкретного исчерпания смысла жизненных реалий. Например, понятие «видения» дробится на созерцание, прозрение, знание, понимание, всеведение, задаваясь цепочкой односторонних мифопоэтических картин. «Одноглазый циклоп (великаны в древнегреческой мифологии) — это лишь простое внешнее ведение, но не знание. Ему противопоставляется Аргус — зрящий во все стороны тысячеглазый страж Ио (жрица Геры, влюбившаяся в Зевса, превратившего ее в корову). Видящий во все стороны — это не всевидящий. Все видит лишь Гелиос, у которого «что ни луч, то глаз». Этот ряд видения, но не ведения завершается Линкеем — героем, взор которого проникал сквозь все препятствия. Далее анализ захватывает пару Эдип — Тересий (слепой прорицатель в Фивах). Первый зряч, но слеп — действует как слепой, совершая предписанные судьбой преступления. Второй слеп, но зряч, получил от богов дар провидца, и глаза ему не нужны».

Философское освоение предметности **категориально**, предусматривает развертывание не образных, а абстрактно-понятийных форм.

Абстрактно-логическая демифологизация интеллекта проявлялась в категориальной реконструкции природы мира, порождаемого развертыванием вездесущих умопостигаемых первоначал, — первооснов — первоэлементов. Ригведа называет «нечто», дающее рождение всем существам. Ионийцы вводят начала, лежащие в основании всего сущего. Даосы, говоря о разнообразии вещей, уточняют, что все они возвращаются к своему началу. Элементы мира даны законам ума, не сакральны, а рациональны (рацио – разум).

Итак, философия возникла из мифо-поэтического комплекса за счет **рефлексивного преодоления образности**. Начинается **познание в понятиях**, а с ним — философия.

Философское мировоззрение отличается от религиозного и мифологического тем, что оно:

- опирается на четкие понятия и категории;
- основывается на знании (а не на вере либо вымысле);
- рефлексивно (имеет место обращенность мысли на саму себя);
- логично (имеет внутреннее единство и систему).

Философия включает в себя учения об общих принципах бытия мировоззрения (онтология, или метафизика), о сущности и развитии человеческого общества (социальная философия и философия истории), учение о человеке и его бытии в мире (философская антропология), теорию познания (гносеология), проблемы творчества, этику, эстетику, теорию культуры и, наконец, свою собственную историю, т.е. историю философии. Философия дает систему знания о мире как целом. Т.о., философия представляет собой высший уровень и вид мировоззрения, отличающийся рациональностью, системностью, логикой и теоретической оформленностью.

Контрольные вопросы для самоподготовки студентов:

1. Какие существуют исторические типы мировоззрения?
2. В чем специфика мифологического мировоззрения?
3. В чем проявляется синкретизм мифологического сознания?
4. В чем заключается антропоморфизм мифа?
5. В чем различия мифа и религии?
6. Какие функции выполняет религия и мифология в обществе?
7. Что характерно для философского мировоззрения?
8. В чем главные различия мифологического и философского мышления?

Литература

[1. С. 6-14; 2. С.34-46].

Лекция 3. Шумеро-аккадская мифология.

План.

1. Цивилизация древней Месопотамии.
2. Шумерская мифология.
3. Аккадская (вавилонно-ассирийская) мифология.
4. Эпос о Гильгамеше.
5. Миф о потопе.

1. Цивилизация древней Месопотамии. Месопотамией (Междуречьем) древнегреческие географы называли равнинную область между Тигром и Евфратом. Самоназвание этой области – Сennaар. Центр развития древнейшей цивилизации находился в Вавилонии. Северная Вавилония носила название Аккад, а южная – Шумер.

Не позднее IV тысячелетия до нашей эры на крайнем юге Месопотамии возникли первые шумерские поселения, постепенно они заняли всю территорию Месопотамии. Откуда пришли шумеры – до сих пор неизвестно, но согласно легенде, распространенной среди самих шумеров, с островов Персидского залива.

Шумеры говорили на языке, родственные связи которого с другими языками не установлены. В северной части Месопотамии начиная с III тысячелетия до нашей эры жили семиты, скотоводческие племена древней Передней Азии и сирийской степи, язык семитских племен назывался аккадским. В южной части Месопотамии семиты говорили на вавилонском диалекте ассирийского языка, а к северу – на ассирийском диалекте. В течение нескольких веков семиты жили рядом с шумерами, но затем стали продвигаться на юг и к концу III тысячелетия до нашей эры заняли всю южную Месопотамию, в результате этого аккадский язык постепенно вытеснил шумерский, однако он продолжал существовать как язык науки и религиозного культа до I века.

Месопотамская цивилизация – самая древняя в мире. Именно в Шумере в конце IV тысячелетия до нашей эры человеческое общество вышло из стадии первобытности и вступило в эпоху древности, что означает сложение культуры нового типа и рождение нового типа сознания. На территории Месопотамии в IV–III тысячелетии до нашей эры сформировались шумерские города-государства Эшнунна, Ниппур, Ур, Урук, Ларса, Лагаш, Киш, Шуруппак, Умма. В 23 веке до нашей эры Месопотамия была объединена под властью Саргона Древнего, основателя великой Аккадской державы. Важную роль в становлении и закреплении новой культуры древнего общества, помимо возведения городов и зиккуратов,

сыграла письменность, с появлением которой стали возможны новые формы хранения-передачи информации.

Месопотамская **письменность** в своей древнейшей, **пиктографической** форме появилась на рубеже IV – III тысячелетий до нашей эры. Полагают, что в ранней пиктографической письменности было свыше полутора тысяч знаков-рисунков. Каждый знак означал одно или несколько слов. Совершенствование системы письма шло по линии унификации значков, сокращения их числа, в результате появились клинописные оттиски. Одновременно происходит фонетизация письма, то есть значки стали употреблять не только в первоначальном, словесном значении, но и в отрыве от него.

Самые древние письменные сообщения представляли собой своеобразные ребусы. Развита же клинописная система, способная передавать все оттенки речи, выработалась лишь к середине III тысячелетия до нашей эры. Большая часть того, что известно о культуре шумеров, вавилонян и ассирийцев, была получена при изучении 25 тысяч табличек и фрагментов библиотеки ассирийского царя Ашшурбанапала. Древнемесопотамская словесность включает как памятники фольклорного происхождения, так и произведения авторские.

Самым выдающимся памятником является аккадский эпос о **Гильгамеше**, который повествует о поисках бессмертия, о смысле человеческой жизни. Огромный интерес представляют старовавилонская "**Поэма об Атрахасисе**", повествующая о сотворении человека и Всемирном потопе, и культовый космогонический эпос "**Энума элиш**".

2. Шумерская мифология. Шумерийцы – племена неизвестного происхождения, в конце IV тысячелетия до нашей эры освоили долину Тигра и Евфрата и образовали первые в Двуречье города-государства. Шумерский период истории Двуречья охватывает около полутора тысяч лет, он завершается в конце III – начале II тысячелетия до нашей эры так называемой династией города Ура и династиями Исина и Ларсы, из которых последняя была уже только частично шумерской. Ко времени образования первых шумерских городов-государств, видимо, сформировалось представление об антропоморфном божестве.

Божества – покровители общины являлись в первую очередь олицетворением творящих и производящих сил природы, с которыми соединяются представления о власти военного вождя племени-общины, совмещающей (сначала нерегулярно) с функциями верховного жреца.

Самые ранние собственно мифологические литературные тексты – гимны богам, списки пословиц, изложение некоторых мифов (например, об Энлиле). Но главная масса шумерских текстов мифологического содержания (литературных, учебных, собственно мифологических и других, так или иначе связанных с мифом) относится к концу III – началу II тысячелетия до нашей эры, к так называемому старовавилонскому периоду – времени, когда шумерский язык уже вымирал, но вавилонская традиция еще сохранила систему преподавания на этом языке.

Таким образом, ко времени появления письменности в Двуречье (конец IV тысячелетия до нашей эры) здесь зафиксирована определенная система мифологических представлений. Но в каждом городе-государстве сохранялись свои божества и герои, циклы мифов и своя жреческая традиция.

До конца III тысячелетия не было единого систематизированного пантеона, хотя имелось несколько общешумерских божеств: **Энлиль**, «**владыка воздуха**», «**царь богов** и

людей», бог города Ниппур, центра древнейшего шумерского племенного союза; Энки, владыка подземных пресных вод и мирового океана (позднее и божество мудрости), главный бог города Эреду, древнейшего культурного центра Шумера; Ан, бог неба, и Инанна, богиня войны и плотской любви, божества города Урук, Наина, лунный бог, почитавшийся в Уре; бог-воитель Нингирсу, чтившийся в Лагаше, и другие божества. Древнейший список богов из Фары (около 26 столетия до нашей эры) выделяет шесть верховных богов раннешумерского пантеона: Энлиль, Ану, Инанна, Энки, Нанна и солнечный бог Уту.

Древние шумерские божества и астральные боги, сохраняли функцию божества плодородия, которое мыслилось как бог-покровитель отдельной общины. Один из наиболее типичных образов – образ богини-матери (в иконографии с ней иногда связывают изображения женщины с ребенком на руках), которая почиталась под разными именами: Дамгальнуна, Нинхурсаг, Нинмах, Нинту, Мама, Мами.

Аккадские варианты образа богини-матери – Белетили («владычица богов»), та же Мами (имеющая в аккадских текстах эпитет «помогающая при родах») и Аруру – создательница людей в ассирийских и нововавилонских мифах, а в эпосе о Гильгамеше – «дикого» человека (первочеловека) Энкиду.

Не исключено, что с образом богини-матери связаны и богини-покровительницы городов: так, шумерские богини Вау и Гатумдуг также носят эпитеты «мать», «мать всех городов». В мифах о богах плодородия прослеживается тесная связь мифа с культом.

В культовых песнях из Ура говорится о любви жрицы «лукур» (одна из значительных жреческих категорий) к царю Шу-Суэну и подчеркивается священный и официальный характер их соединения. Гимны обожевленным царям III династии Ура и I династии Исина также показывают, что между царем (одновременно и верховным жрецом «эном») и верховной жрицей ежегодно совершался обряд священного брака, в котором царь представлял воплощение бога-пастуха Думузи, а жрица – богини Инанны.

Содержание произведений (составляющих единый цикл «Инанна-Думузи») включает в себя мотивы ухаживания и свадьбы героев-богов, нисхождения богини в подземное царство («страну без возврата») и замену её героем, гибели героя и плача по нему и возвращения героя на землю. Все произведения цикла оказываются преддверием драмы-действия, составлявшей основу ритуала и образно воплощавшей метафору «жизнь – смерть – жизнь».

В мифе об Энлиле и Нинлиле в роли умирающего (уходящего) и воскресающего (возвращающегося) божества выступает покровитель общины Ниппура владыка воздуха Энлиль, силой овладевший Нинлиль, изгнанный за это богами в подземный мир, но сумевший его покинуть, оставив вместо себя, жены и сына «заместителей». По форме требование «за голову – голову» выглядит юридической уловкой, попыткой обойти закон, незыблемый для любого, кто вошёл в «страну без возврата». Но в нём звучит и идея некоего равновесия, стремления к гармонии между миром живых и мёртвых.

В аккадском тексте о нисхождении Иштар (соответствует шумерской Инанне), равно как и в аккадском же эпосе об Эрре, боге чумы, эта идея сформулирована более отчетливо: Иштар перед воротами «страны без возврата» грозитя в случае, если ее не впустят, «выпустить мертвецов, поедаящих живых», и тогда «более живых умножатся мертвые», и угроза действует.

Собственно космогонические шумерские мифы неизвестны. В тексте «Гильгамеш, Энкиду и подземный мир» говорится, что некие события происходили в то время, «когда

небеса отделились от земли, когда Ану забрал себе небо, а Энлиль землю, когда Эрешкигаль подарили Куру». В мифе о мотыге и топоре говорится, что землю от небес отделил Энлиль. Миф о Лахар и Ашнан, богинях скота и зерна, описывает еще слитное состояние земли и небес («гора небес и земли»), которым, по всей видимости, ведал бог Ану.

Миф «Энки и Нинхурсаг» рассказывает об острове Тильмун как о первозданном рае.

О сотворении людей дошло несколько мифов, но полностью самостоятелен из них лишь один – об Энки и Нинмах. Энки и Нинмах лепят человека из глины Абзу, подземного мирового океана, и привлекают к процессу создания богиню Намму – «мать, давшую жизнь всем богам».

Цель создания человека – трудиться на богов: обрабатывать землю, пасти скот, собирать плоды, кормить богов своими жертвами. Когда человек изготовлен, боги определяют ему судьбу и устраивают по этому случаю пир. На пиру захмелевшие Энки и Нинмах начинают снова лепить людей, но у них получаются уроды: женщина, неспособная рожать, существо, лишённое пола, и т. д.

В мифе о богинях скота и зерна необходимость создания человека объясняется тем, что появившиеся до него боги ануннаки не умеют вести никакого хозяйства. Неоднократно проскальзывает представление, что раньше люди росли под землей, как трава. В мифе о мотыге Энлиль проделывает мотыгой дыру в земле и оттуда выходят люди.

Много мифов посвящено созданию и рождению богов.

Широко представлены в шумерской мифологии **культурные герои**. Творцами-демиургами выступают в основном **Энлиль и Энки**. Согласно разным текстам богиня Нинкаси – зачинательница пивоварения, богиня Утту – ткацкого ремесла, Энлиль – создатель колеса, зерна; садоводство – изобретение садовника Шукалитудды. Некий архаический царь Энмедуранки объявляется изобретателем разных форм предсказания будущего, в том числе предсказаний при помощи излияния масла. Изобретатель арфы – некий Нингаль-Папригаль, эпические герои Энмеркар и Гильгамеш – создатели градостроения, а Энмеркар – еще и письменности.

Эсхатологическая линия отражена в мифах о потопе и о гневе Инанны.

В шумерской мифологии сохранилось крайне мало рассказов о борьбе богов с чудовищами, уничтожении стихийных сил и т. д. (известно только два таких сказания – о борьбе бога Нинурты со злым демоном Асагом и о борьбе богини Инанны с чудовищем Эбих). Такие сражения в большинстве случаев – удел героической личности, обожествлённого царя, тогда как большинство деяний богов связано с их ролью божеств плодородия (наиболее архаичный момент) и носителей культуры (наиболее поздний момент).

Функциональной амбивалентности (двойственности) образа соответствует внешняя характеристика персонажей: эти всемогущие, всемогущие боги, творцы всего живого на земле, злы, грубы, жестоки, их решения часто объясняются капризами, пьянством, распущенностью, в их облике могут быть подчеркнуты бытовые непривлекательные черты (грязь под ногтями, выкрашенными в красный цвет, у Энки, растрепанные волосы Эрешкигаль и т. д.). Разнообразна и степень активности и пассивности каждого божества. Так, наиболее живыми оказываются Инанна, Энки, Нинхурсаг, Думузи, некоторые второстепенные божества. Самый пассивный бог – «отец богов» Ану. Образы Энки, Инанны и отчасти Энлиля сопоставимы с образами богов-демиургов, «носителей культуры», в чьих характеристиках подчеркиваются элементы комизма.

Единой для произведений урукского цикла внешней линией является тема связей Урука с окружающим миром и мотив странствия героев. **Тема путешествия героя в чужеземную страну и испытание его моральной и физической силы** в соединении с мотивами волшебных даров и волшебного помощника не только показывает степень мифологизации произведения, составленного как героико-исторический памятник, но позволяет вскрыть и стадильно ранние мотивы, связанные с обрядами инициации. Связь этих мотивов в произведениях, последовательность чисто мифологического уровня изложения сближает шумерские памятники с волшебной сказкой. Эпическая и внеэпическая традиция Двуречья имеет единое общее направление – представление об историчности главных мифоэпических героев.

Период III династии Ура, время, от которого дошла большая часть письменных мифологических источников, – это период выработки идеологии царской власти в наиболее законченной в шумерской истории форме. Поскольку миф оставался господствующей областью общественного сознания, ведущей формой мышления, постольку именно через миф утверждались соответствующие идеи.

3. Аккадская (вавилонно-ассирийская) мифология. С глубокой древности восточные семиты – аккадцы, занимавшие северную часть нижнего Двуречья, были соседями шумерийцев и находились под сильным шумерским влиянием. Во второй половине III тысячелетия до нашей эры аккадцы утверждаются и на юге Двуречья, чему способствовало объединение Двуречья правителем города Аккад Саргоном Древним в «царство Шумера и Аккада» (позднее, с возвышением Вавилона, эта территория стала называться Вавилонией).

История Двуречья во II тысячелетии до нашей эры – это уже история семитских народов. Однако слияние шумерского и аккадского народов происходило постепенно, вытеснение шумерского языка аккадским (вавилонно-ассирийским) не означало полного уничтожения шумерской культуры и замены ее новой, семитской. Ни одного раннего чисто семитского культа на территории Двуречья до сих пор не обнаружено. Все известные нам аккадские боги – шумерского происхождения или с давних пор отождествлены с шумерскими. Так, аккадский бог солнца Шамаш отождествился с шумерским Уту, богиня Иштар – с Инанной и рядом других шумерских богинь, бог бури Адад – с Ишкуром и т. д. Бог Энлиль получает семитский эпитет Бел (или Балу, или Баал), «владыка». С возвышением Вавилона все большую роль начинает играть главный бог этого города Мардук, но и это имя по своему происхождению шумерское. Аккадские мифологические тексты старовавилонского времени известны гораздо меньше, чем шумерские; ни один текст не дошел полностью. Все главные источники по аккадской мифологии относятся ко II-I тысячелетию до нашей эры, то есть ко времени после старовавилонского периода.

Если о шумерской космогонии и теогонии сохранились весьма отрывочные сведения, то вавилонское космогоническое учение представлено большой космогонической поэмой-эпосом «**Энума элиш**» (по первым словам поэмы – «**Когда вверху**»; наиболее ранняя версия датируется началом 10 века до нашей эры).

Поэма отводит главную роль в сотворении мира **Мардуку**, который постепенно занимает главное место в пантеоне II тысячелетия, а к концу старовавилонского периода получает всеобщее признание и вне Вавилона. В сравнении с шумерскими представлениями о мироздании новым в космогонической части поэмы является представление о последовательных поколениях богов, из которых каждое превосходит предыдущее, о

теомахии – сражении старых и новых богов и унифицирование многих божественных образов созидателей в один.

Идея поэмы – в оправдании **возвеличивания** Мардука, цель создания ее – доказать и показать, что Мардук – прямой и законный **наследник древних могучих сил**, в том числе и шумерских божеств. «Исконные» шумерские боги оказываются при этом молодыми наследниками более древних сил, которые они сокрушают. Он получает власть не только на основании законной преемственности, но и по праву сильнейшего, поэтому тема борьбы и насильственного свержения древних сил является лейтмотивом сказания.

Исследователи предполагают, что вавилонская поэма о сотворении мира «Когда вверху» была создана около 16 века до Р.Х. Появление данной мифологической поэмы было обусловлено политическим возвышением города Вавилона и, соответственно, необходимостью объяснения той особой роли, которую сыграл в истории мироздания вавилонский бог Мардук. Первую публикацию этой поэмы в 1876 г. осуществил Джорж Смит, который и нашел эту поэму на развалинах древней Ниневии. В течение столетий поэму читали в храме Мардука во время празднования Нового года. «Жрец уригаллу после ужина в конце дня прочтет поэму перед Мардуком от начала до конца.

В поэме «Энума Элиш» говорится о происхождении богов и вселенной и об устройении земного порядка.

Первоначально вселенная имела вид водного хаоса, содержащего в себе элементы пресных вод (Апсу), морских вод (Тиамат) и тумана, или облаков (Мумму). В то время еще не было богов, еще ничего не было названо и отмечено судьбой. В первичной стихии возникли боги Лахму и Лахаму, которые, возможно, олицетворяли первичный ил. После возникли Аншар и Кишар, породившие бога неба Ану и бога земли (или пресной) воды Энки. Рождение всех этих богов вызвало в мире неведомую ранее активность. Недовольный шумом и волнением Апсу выступил с советом уничтожить богов. Спасая свое существование, молодые боги решили защищаться. Энки убивает Апсу, пленяет Мумму. От своей супруги Дамкины Энки рождает Мардука. Мардук, вступая в борьбу с Тиамат, убивает ее и рассекает ее тело на две части. Из одной части он делает твердое небо, а из второй – землю.

Усмирится Владыка, оглядел ее тело.

Рассек ее тушу, хитроумное создал.

Разрубил пополам ее, словно ракушку.

Взял половину – покрыл ею небо.

Сделал запоры – поставил стражей, —

Пусть следят, чтобы воды не просочились.

Далее Мардук сделал небесные светила, расставил двенадцать звездных месяцев, начертив на небе рисунок дней года. Мардук определил время для луны и солнца. После устройства неба и земли Мардук, посоветовавшись с Энки, решает сотворить человека для помощи богам: «Пусть богам послужит, чтоб те отдохнули». Людей Мардук творит на крови повергнутого бога Кингу. Творение человека в поэме называется непостижимым деянием. Боги, обрадованные тем, что отныне их бремя понесут люди, возблагодарили Мардука и построили зиккурат, чтобы отдохнуть на нем. Заняв свои места, боги начали пировать. Мардук отложил свое боевое оружие, лук. Заканчивается поэма величанием Мардука.

Мифы о сотворении мира и рода людского в вавилонской литературе и мифах связаны со сказаниями о человеческих бедствиях, гибели людей и даже о разрушении вселенной. Как

и в шумерских памятниках, в вавилонских сказаниях подчёркивается, что причина бедствий – злоба богов, их желание уменьшить число всё растущего и надоедающего богам своим шумом рода человеческого. Бедствия воспринимаются не как законное возмездие за людские грехи, но как злой каприз божества.

Миф о потопе, в основу которого, по всем данным, легло шумерское сказание, дошел в виде мифа об Атрахасисе и рассказа о потопе, вставленного в эпос о Гильгамеше (и мало отличающегося от первого), а также сохранился в греческой передаче Бероса. О наказании людей рассказывает и миф о боге чумы Эрре, обманным путем отбирающем власть у Мардука. Этот текст проливает свет на вавилонскую теологическую концепцию некоего физического и духовного равновесия мира, зависящего от присутствия на своем месте законного владельца.

Традиционным для Двуречья (еще с шумерского периода) является и представление о связи божества со своей статуей: покидая страну и стацию, бог тем самым меняет местожительство. Это совершает Мардук, и стране наносится ущерб, а для вселенной создается угроза гибели.

Характерно, что во всех эпосах об уничтожении человечества главное бедствие – потоп, вызвано не наводнением с моря, но дождевой бурей. С этим связана и значительная роль богов бури и ураганов в космогонии Двуречья, особенно северного. Кроме специальных богов ветра и грозы, бури (главный аккадский бог – Адад), ветры были сферой деятельности различных богов и демонов. Так, по традиции, им, вероятно, был и верховный шумерский бог Энлиль (дословное значение имени – «дыхание ветра», или «владыка-ветер»), хотя в основном он бог воздуха в широком смысле слова. Но все же Энлиль владел разрушительными бурями, которыми он уничтожал врагов и ненавистные ему города. Сыновья Энлиля – Нинурта и Нингирсу, также связаны с бурей. Как божества, во всяком случае как персонифицированные высшие силы, воспринимались ветры четырех сторон.

Вавилонское сказание о сотворении мира, сюжет которого был построен вокруг личности могучего божества, дало начало теме бога-героя в вавилонской эпико-мифологической литературе (а не героя-смертного, как в шумерской литературе).

По аккадским понятиям, таблицы судеб определяли движение мира и мировых событий. Обладание ими обеспечивало мировое господство (в «Энума элиш» ими первоначально владела Тиамат, затем Кингу и, наконец, Мардук). Писец таблиц судеб – бог писцового искусства и сын Мардука Набу – также иногда воспринимался как их обладатель. Таблицы писали и в подземном мире (писец – богиня Белетцери); видимо, это была фиксация смертных приговоров, а также имена мертвых.

Если число богов-героев в вавилонской мифологической литературе по сравнению с шумерской преобладает, то о героях-смертных, кроме эпоса об Атрахасисе, известны только сказание (явно шумерского происхождения) об Этане – герое, попытавшемся взлететь на орле на небо, и сравнительно поздний рассказ об Адапе – мудреце, осмелившемся «обломать крылья» ветру и вызвать гнев бога неба Ану, но упустившем возможность добыть бессмертие, и знаменитый эпос о Гильгамеше – не простое повторение шумерских сказаний о герое, а произведение, отразившее сложную мировоззренческую эволюцию, которую вместе с вавилонским обществом проделали герои шумерских произведений.

Лейтмотив эпических произведений вавилонской литературы – недостижение человеком участи богов, несмотря на все его стремления, тщетность человеческих усилий в попытке получить бессмертие.

Монархически-государственный, а не общинный (как в шумерской мифологии) характер официальной вавилонской религии, равно как и подавление общественной жизни населения, приводит к тому, что черты архаической религиозно-магической практики постепенно подавляются. Со временем всё большую роль начинают играть «личные» боги. Представление о личном боге каждого человека, который облегчает ему доступ к великим богам и вводит его к ним, возникает (или, во всяком случае, распространяется) со времени III династии Ура и в старовавилонском периоде.

В период III династии Ура, когда царя рассматривали как защитника-хранителя своей страны, он принимал некоторые функции бога-защитника (особенно обожествленный царь). Считалось, что с потерей своего бога-защитника человек становился беззащитным перед злобным своеволием великих богов, легко мог подвергнуться нападению злых демонов.

Кроме личного бога, который должен был прежде всего принести удачу своему покровительствуемому, и личной богини, олицетворявшей его жизненную «долю», каждый человек имел еще своего духа-демона шеду (у шумеров, алад) – антропоморфизированную или зооморфизированную жизненную силу.

Кроме этих защитников, у жителя Вавилонии со II тысячелетия до нашей эры появляется и своя личная хранительница – ламассу, носительница его личности, возможно, связанная с культом плаценты. «Имя» человека или его «слава» (шуму) тоже рассматривались как материальная субстанция, без которой немислимо его существование и которая передавалась его наследникам.

Напротив, «душа» (напишту) – что-то безличное, она отождествлялась то с дыханием, то с кровью. Личные боги-хранители противостояли злу и были как бы антиподами злых сил, окружающих человека. Среди них – львиноголовая Ламашту, поднимающаяся из подземного мира и ведущая за собой всевозможные болезни, сами злые духи болезней, призраки, озлобленные тени мертвых, не получающие жертв, разного рода служебные духи подземного царства (утукки, асакки, этимме, галле, галле лемнуги – «черти злые», и т. д.), бог-судьба Намтар, приходящий к человеку в час его смерти, ночные духи-инкубы Лилу, посещающие женщин, суккубы Лилит или Лилиту, овладевающие мужчинами, и другие злые демоны.

4. Эпос о Гильгамеше.

О все видавшем до края мира,
О познавшем моря, перешедшем все горы,
О врагов покорившем вместе с другом,
О постигшем премудрость, о все пронизавшем
Сокровенное видел он, тайное ведал,
Принес нам весть о днях до потопа,
В дальний путь ходил, но устал и смирился,
Рассказ о трудах на камне высек,
Стеною обнес Урук.
На две трети он бог, на одну – человек он,
Образ его тела на вид несравненен.

Отрывок эпоса о Гильгамеше был впервые найден в завале ещё не разобранных клинописных табличек Британского музея в 1872 г. Открыватель, ассириолог-самоучка Джордж Смит прочел часть строки из XI таблицы "человек выпустил голубя" и испытал величайшее потрясение, поняв, что стоит у истоков библейского мифа о потопе. С этой находки, собственно говоря, и началась титаническая работа по восстановлению текста эпоса, его интерпретации и переводу на современные языки. Еще не перебрали всю землю с "холмов мертвых", в которой могут скрываться клинописные таблички или их обломки с текстами о Гильгамеше. Но эпос уже вошел в наше сознание как шедевр мировой литературы.

Гильгамеш, в шумерской и аккадской мифологии герой, чьим прототипом послужил один из правителей Урука. "Песнь о Гильгамеше", эпическое произведение о его подвигах, была записана на табличках четыре тысячи лет назад.

Гильгамеш – на две трети бог, на одну – человек. Он вел такой образ жизни, что обитатели Урука обратились к богам, чтобы те вразумили своенравного и буйного Гильгамеша. В ответ боги создали Энкиду, который, хотя и оказался еще более воинственным и распутным, стал другом Гильгамеша. Однажды боги повелели герою отправиться на битву с Хумбабой, или Хувавой, ужасным лесным чудовищем. Гильгамеш вызвал многорукого и многоногого стража горного леса на бой и копье верного Энкиду нанесло ему смертельный удар. Друзья сражались со свирепым быком, насланным на Урук богиней Иштар, чью любовь отверг Гильгамеш.

Боги разгневались и поразили Энкиду болезнью и смертью. Гильгамеш пришел в ужас и хотел найти секрет бессмертия. Он отправился на поиски Ут-Напишти, единственного человека, которому боги даровали бессмертие после спасения от потопа. Встретив Ут-Напишти, герой сказал: "Из-за моего брата блуждаю я. Как могу я успокоиться? Он превратился в прах, и я навечно лягу в землю". Ут-Напишти отвечал, что смерть необходима людям как сон и предложил ему не спать шесть дней и семь ночей. Гильгамеш согласился, но заснул, как только сел. Ут-Напишти рассказал Гильгамешу о чудесном растении молодости. Отважный герой нашел цветок, однако только наклонился, чтобы сорвать, как змей похитил его.

Эпос о Гильгамеше – сокровищница поэзии Двуречья – создавался на протяжении тысячелетий двумя народами – шумерами и аккадцами. Сохранились отдельные шумерские песни о Гильгамеше и Энкиду. У них один и тот же противник Хумбаба (Хувава), охраняющий священные кедры. За их подвигами следят боги, в шумерских песнях носящие шумерские имена, в эпосе о Гильгамеше – аккадские. Но в шумерских песнях отсутствует связующий стержень, найденный аккадским поэтом. Сила характера аккадского Гильгамеша, величие его души не во внешних проявлениях, не в противоборстве с богами, а в отношениях с естественным человеком Энкиду. Эпос о Гильгамеше – это величайший в мировой литературе гимн дружбе, которая не просто способствует преодолению внешних препятствий, но преображает и облагораживает.

О том, кто все видел до края Вселенной,
Кто скрытое ведал, кто все постиг,
Испытывал судьбы земли и неба,
Глубины познания всех мудрецов.
Неизвестное знал он, разгадывал тайны,

О днях до потопа принес нам весть,
Ходил он далеко, и устал, и вернулся,
И выбил на камне свои труды.
Стеною обвел он Урук блаженный,
Чистого храма, Эанны святой,
Золотил основание, меди прочнее,
И высокие стены, с которых жрецы не сходят,
Заклучил в них надпись на камне, лежащую там издревле.
Он прекрасный, сильный, он мудрый,
Божество он двумя третями, человек лишь одною,
Его тело светло, как звезда большая,
Но не знает он равных в искусстве мученья
Тех людей, что его доверены власти.
Гильгамеш, не оставит он матери сына,
Не оставит он жениху невесты,
Дочери герою, супругу мужу,
Днем и ночью он пирует с ними,
Он, кому доверен Урук блаженный,
Он, их пастырь, он, их хранитель,
Он, прекрасный, сильный он, мудрый.
Мольба их достигла высокого неба,
Небесные боги, владыки Урука, сказали Аруру:
“Вот, создала ты сына, и нет ему равных,
Но жесток Гильгамеш, днем и ночью пирует,
Жениху не оставит невесты и мужу супруги,
Он, кому доверен Урук блаженный,
Он, их пастырь, он, их хранитель”.

Внимает их просьбам Аруру,
К Аруру великой они приступают снова:
“Ты, Аруру, уже создала Гильгамеша,
Ты сумеешь создать и его подобье,
Пусть они состязаются в силе, а Урук отдыхает”.

И над другом своим Гильгамеш заплакал:
“Эабани, мой друг, мой брат, пантера пустыни,
Вместе бродили мы, вместе всходили на горы,
Победили Хумбабу, хранителя чащи кедровой,
И небесного быка умертвили;
Что за сон овладел теперь тобою,
Почему омрачен ты и мне не внемлешь?”
Но Эабани очей на друга не поднял,
Сердца коснулся его Гильгамеш, и сердце не билось.
Тогда он упал на друга, как на невесту,
Как рыкающий лев, он рванулся на друга,

Как львица, детеныша которой убили,
Он схватил его недвижимое тело,
Рвал одежду свою, проливал обильные слезы,
Сбросил царские знаки, скорбя о его кончине.

Утнапиштим говорит Гильгамешу:
“Навсегда ли мы строим дома? Трудимся навсегда ли?
Навсегда ли друг с другом расстаются братья?
Навсегда ли ненависть входит в сердце?
Навсегда ли реки заливают равнины?
Навсегда ли птицы увидели солнце?
Нет с давнишних пор па земле бессмертья,
Мертвый и спящий друг с другом схожи,
Оба не знают лика смерти.
Властелин и слуга равны пред нею,
Ануннаки, великие боги, ее скрывают,
Мамету, госпожа судеб, управляет с ними,
Жизнь или смерть они указуют,
Не дают угадать смертного часа”

Там, где светлый Евфрат воды к морю стремится,
Высится холм из песка. Город под ним погребен.
Имя ему Урук. Сделалась пылью стена.
Дерево стало трухой. Ржавчина съела металл.
Путник, взойди на холм, в синюю даль взглядишь.
Стадо овец бредет к месту, где был водопой.
Песню поет бедуин, нет, не о грозном царе
И не о славе его. Поет он о **дружбе людской**.

5. Миф о потопе.

Гильгамеш, герой великого эпоса, однажды встретил старика по имени **Утнапиштим**, который стал богом благодаря своим добродетелям и послушанию богам и спас человечество и животных от великого потопа. Утнапиштим поведал Гильгамешу свою историю. Боги пришли к Утнапиштиму, чтобы предупредить его о приближении ужасного наводнения. Они велели ему бросить всю работу, сжечь свой дом и немедленно приступить к строительству большого корабля, который должен был составлять 120 локтей в высоту и 120 локтей в ширину. Утнапиштим должен был вбить пробки от воды в корабль и просмолить его. Потом он должен был взять животных всех видов, мужского и женского пола, а также свою семью, пищу, золото, серебро и украшения. Когда Утнапиштим закончил строительство корабля, хлынул дождь.

Наводнение было таким ужасным, что испугались даже боги. Эа, бог воды, который устроил потоп, понял, что это получилось гораздо хуже, чем он рассчитывал. Иштар, богиня красоты, чьи гневные речи на собрании богов послужили причиной потопы, плакала при виде детей, «превращающихся в глину» в результате ее оплошности. Шесть дней и шесть ночей дул ветер, и наконец потоп прекратился. Когда воды схлынули, боги

увидели, что земля стала плоской и все живые существа исчезли. Утнапиштим склонил голову и заплакал. Корабль его остановился на вершине горы Нисир на севере. Через семь дней Утнапиштим выпустил голубя. Но голубю было негде опуститься, и он вернулся. Тогда Утнапиштим послал ласточку, но она тоже вернулась. Наконец, он послал ворона, и ворон не вернулся, поскольку нашел себе место для гнезда. И Утнапиштим понял, что может выйти из корабля.

Контрольные вопросы для самоподготовки студентов:

1. Какой представлена жизнь людей в шумеро-аккадской мифологии?
2. Как возникла земля, боги и люди согласно космогонии «Энума Элиш»?
3. Чем объясняется пессимистический характер представлений о человеческой судьбе?
4. О чем повествует эпос о Гильгамеше?
5. За что боги хотели наказать Гильгамеша?
6. Как Гильгамеш и Энкиду стали друзьями?
7. За что боги наказали Гильгамеша смертью Энкиду?
8. В чем заключена духовная трансформация Гильгамеша?

Литература

[1. С. 80-142.; 2. С. 213-320, 3. С. 133-134].

Лекция 4. Мифология Древнего Египта

План

1. Особенности мифологии Древнего Египта.
2. Мифы о творении богов и мира, солярные мифы.
3. Миф об Осирисе и Исиде.

На поверхности камня отражается власти сиянье

И со звездами царская близость.

Ваши лбы источают божественность

Дальней жизни, и святость, как прежде.

Невозмутима ваша краса.

Ее родина – вечность.

Герман Гессе

1. Особенности мифологии Древнего Египта. Древние греки рассказывали о каменной статуе египетского героя Мемнона, которая издавала звуки, как только её касалось лучами солнце. Такими поющими камнями оказались каменные статуи и плиты, испещренные письменами. Когда их удалось прочесть, они запели **гимны богам**, сотворившим небесные светила и землю, поведали о судьбах умерших в подземном мире.

К песням камня присоединили свои голоса египетские пески, сохранившие **папирусы** с письменами. Так раскрылась перед человечеством картина **фантастического мира**, в чем-то сходная с той, которая была ему известна из Библии и из творений греческих поэтов, но во многом и отличная от нее.

К несчастью, песни камней и песка часто обрываются на полуслове. То, что известно, – это **отрывки** богатейшей религиозно-мифологической литературы Древнего Египта. Немалые трудности при воссоздании цельной картины вызваны **противоречивостью египетских рассказов о** богах, обусловленной обстоятельствами многовековой истории египетского народа. На протяжении тысячелетий египтяне жили в отдельных, мало связанных друг с другом областях – **номах**. В каждом номе почитали своих богов. Подчас это были воплощения одних и тех же сил природы с разными именами. Так, **богом земли** в

одних номах был Акер, в других – Геб, **богиня-мать** в одном номе именовалась Мут, в другом – Исиды. Представления о боге с одним именем в разных номах были также противоречивы. Если в мифах нома Гелиополя бог Сет – злейший противник солнечных богов, то в мифах нома Гераклеополя он "очаровывающий Сет" – помощник **бога солнца Ра**. С необычайной текучестью представлений о богах связывалась также возможность изменения их родословной и отождествления одних богов с другими.

Характернейшей чертой мифологии является обожествление животных, возникшее в древнейшие времена и особенно усилившееся в поздние периоды истории Египта. Египетские боги и богини часто **выступали в облике животных, птиц, пресмыкающихся**.

Воплощённые в животных божества первоначально, как правило, считались покровителями охоты, с приручением животных некоторые стали божествами скотоводов. К числу наиболее почитаемых животных – воплощений различных божеств относились бык (**Апис**, Мневис, Бухис, Бата) и корова (**Хатор**, Исиды), баран (**Амон** и Хнум), змея, крокодил (**Себек**), кошка (**Баст**), лев (воплощение многих богов: **Тэфнут**, Сехмет, Хатор и др.), шакал (**Анубис**), сокол (**Гор**), ибис (**Тот**; прилёт ибиса-Тота в Египет связывали с разливами Нила) и др.

Позднее происходила **антропоморфизация** пантеона, однако зооморфные черты в облике божеств не были полностью вытеснены и обычно сочетались с антропоморфными. Например, **Баст** изображалась в виде женщины с кошачьей головой, **Тот** – в виде человека с головой ибиса и т. д.

Боги в образах быков и коров почитались во многих номах. Один папирус сохранил запись мифа о том, что сначала все боги и богини были быками и коровами с шерстью различного цвета. Потом, по велению верховного бога, все быки воплотились в одного чёрного быка, а все коровы – в одну чёрную корову. Культ быка, в глубокой древности связанный, вероятно, с почитанием **вождя племени**, с возникновением древнеегипетского государства стал сближаться с **культом фараона**. В ранних текстах царь назывался «**тельцом**». На палатке царя Нармера (ок. 3000 до н. э.) фараон в образе быка разрушает крепость врага (Нижнего Египта). Во время праздника «Хеб-сед» (тридцатилетнего юбилея фараона) к одежде царя сзади привязывали бычий хвост.

В Мемфисе, а затем и во всём Египте чёрный бык с белыми отметинами считался воплощением бога **Аписа**. В образе змей воплощались как добрые, так и злые божества. Главой всех врагов **солнца – Ра** считался огромный **змей Апоп**, олицетворявший мрак и зло. В то же время в образе змеи почитались богиня плодородия Рененутет, богиня – хранительница кладбищ Меритсегер, **Исиды и Нефтиды** – защитницы Осириса и, следовательно, любого умершего, богиня Уто – покровительница Нижнего Египта, охранительница Ра и фараона, и др.

Такой **зооморфизм** очень удивлял греческих путешественников, которые привыкли мыслить своих богов в человеческом облике. Греческий историк **Плутарх**, объясняя почитание египтянами бегемота и крокодила, писал, что это **следствие страха** перед этими самыми ужасными из диких животных. Но в Египте поклонялись и другим животным, не вызывавшим ужаса, например зайцу, газели, лягушке. Поэтому греки придумали и другое объяснение удивлявшего их облика египетских богов: чем-то напуганные, боги в страхе надели **звериные маски** и в них остались.

Современные исследователи доказали, что **культ животных у всех народов древнее почитания богов в человеческом облике**. Таким образом, стало ясно, что египетская мифология сохранила **черты глубочайшей древности**. Однако это отнюдь не свидетельствует о её примитивности. Религиозно-мифологическая система Египта отличается такой **изошренной доскональностью**, какой не знает ни одна из развитых религий древности.

Египет был страной древней земледельческой культуры, и героями египетских мифов становились **боги, покровительствующие земледелию: "кормилец Нил", солнечные**

божества Ра, Амон, Атон, – враждебные **богам** окружающих долину Нила **пустынь**, откуда дули губительные, иссушающие ветры и приходили племена, жадные до египетских богатств.

Героев-полубогов, типа месопотамского Гильгамеша, египетская мифология не знала, как не знала она ни их подвигов в борьбе с дикой природой, ни их благодеяний человечеству. Возможно, это связано с **характером политической системы**, когда "героическим" считалось **продвижение чиновника по бюрократической лестнице**.

Как и другие народы Переднего Востока, египтяне почитали юного **умирающего и воскресающего бога растительности**, называя его **Осирисом**. Любовь Осириса и его супруги **Исиды** – тема одного из главных циклов египетских мифов, отражающих **природный цикл (рождение, увядание, смерть, возрождение)**. С воскресением Осириса связывалась **возможность возвращения к жизни умерших при условии сохранения тела какместилища души**. Отсюда не имеющее параллелей по разработанности и затрате средств стремление уберечь человеческие останки от гниения с помощью **мумификации и сооружения гробниц из вечного камня**.

Культ вечности наложил отпечаток на все стороны египетской идеологии и культуры, в том числе и на мифологию.

В египетских мифах нашло отражение складывание **сословной общественной организации деспотичного государства**, равно как и **противоречия между "Двумя Землями"**, как египтяне называли вытянувшуюся с юга на север зажатую пустынями узкую долину Нила и обширную его Дельту. Некоторые **боги** становились **покровителями царей при жизни и охранителями нетленной мумии**. Но и сам находящийся под покровительством богов **царь мыслился богом**: при жизни – Гором, а после смерти – Осирисом.

Во всех мифологических системах, начиная с самых примитивных, почитались воды в виде речных духов, богов и богинь. Но ни одна из рек не занимает места, сопоставимого с тем, какое принадлежит в египетской мифологии **Нилу**.

Хапи (как называли реку египтяне) пронизывал не только страну, но и сознание её обитателей. Он **мыслился стержнем жизни и смерти**, существуя не только как зримая река, создающая плодородие, но и как **небесный поток, снабжающий водою все народы**. И в то же время **Нил протекал по полям подземного мира** и был связан с водами смерти, с умирающими и воскресающими богами, с похоронными обрядами. **Нил мыслился богом и отцом богов**.

Египет называют «даром Нила», потому что без разливов этой реки жизнь здесь была бы невозможна. В тех местах очень жарко, солнце палит беспощадно, дождей почти не бывает. Но каждый год разливается Нил, оставляя, после того как возвращается в свои берега, слой **плодородного ила**, на котором вот уже много тысячелетий выращиваются обильные урожаи.

Огромную услугу в понимании египетских мифов оказывают находящиеся в распоряжении науки **изображения богов на рельефах в гробницах и храмах**, статуи и статуэтки. Сохранившиеся изображения египетских богов – это **окаменевшие мифы**. Боги представлены в своем полуживотном-получеловеческом облике (с человеческими телами, но головами кошек, соколов, шакалов) с атрибутами своей власти. Создатели этих произведений удивительным образом донесли своеобразие духовной жизни египтян. Но **застывший язык форм и жестов настолько условен и символичен**, что его дешифровка не уступает по сложности дешифровке иероглифов. В египетских росписях и рельефах, несмотря на их реалистическую манеру, **нет ничего от иллюстрации к эпизоду мифа**. При этом загадочен как каждый элемент изображения, так и их сочетание.

Всем известны фотографии одного из чудес света — грандиозные **конусы египетских пирамид, усыпальниц фараонов** и каменное изваяние их стража — **Сфинкса**. Взгляд его, кажется, устремлен далеко в прошлое, во мглу тысячелетий, в те времена, когда по берегам

Нила жили древние египтяне. Древний Египет до сих пор во многом остается загадочной страной.

Древние египтяне были **великими строителями**. До сих пор поражают воображение руины грандиозных храмов богам, которые, как они верили, создали небо, и землю, и воду, управляют знойными, всеиссушающими ветрами пустыни. Растения и плодородие, любовь и ненависть, мрак и свет, болезни и смерть — все имело своих богов и духов.

Мифы о них возникли еще в те незапамятные времена, когда на месте пирамид была ровная, как стол, пустыня, а на месте Сфинкса — скала желтоватого песчаника. Лишь сложившаяся глубокая вера в богов позже могла подвигнуть многие поколения людей на строительство грандиозных храмов и усыпальниц. Мифы о богах и их деяниях — добрых и злых — египтяне записывали на свитках папируса, вырезали на камнях храмов, изображали на стенах подземных усыпальниц. Всего 200 лет назад французский ученый Ж. Ф. Шампольон сумел **расшифровать древнеегипетские иероглифы** и вернуть из забвения мифы, легенды, сказания древней цивилизации.

Многих богов египтяне страшились, потому что они, как и все силы природы, были жестоки к людям. А некоторых, слывших добрыми помощниками и защитниками, очень любили.

Мифология египтян неоднородна по сравнению, скажем, с греческой, что не удивительно, так как она более древняя. Обычным было наличие нескольких представлений об объекте. Так, **небо** изображалось в виде **крыльев коршуна**, поддерживаемых двумя **столпами, коровы** и т. д. Отсюда делается вывод, что **все представления рассматривались как символы**.

В египетской мифологии отсутствует логическая последовательность, что указывает на древность мифов. Каждый бог выполняет много функций, и сами боги часто замещают друг друга. То, что многие из них имеют **головы животных**, указывает на **тотемические корни** египетской мифологии. Такие боги – модификации тотемов отдельных поселений.

В доисторических мифологических представлениях фигурирует **первобытный океан**, из которого поднялся **земляной холм** «в виде пламени и породил **первое живое существо**. Это была **либо змея**, которую рассматривали как **первое тело**» любого местного божества в исторические времена, **либо жук**, впоследствии **ставший скарабеем** египетской религии». Эти представления перекликаются с **реальным** ежегодно повторяющимся **освобождением земли**, когда **нильское половодье идет на убыль**. Позже появилось представление о боге **Солнца Ра**, который **создал все на Земле и из слез которого появились люди**.

2. Мифы о творении богов и мира. Соляные мифы.

Атум – бог первотворения в древнеегипетской мифологии. Он символизировал первоначальное и вечное **единство всего сущего**. Атум возник из первичного хаоса в образе **змея**, но обычно изображается в виде человека с двойной короной на голове (его эпитет — «**владыка обеих земель**», то есть Верхнего и Нижнего Египта), иногда изображался в виде старика.

Согласно **гелиопольскому сказанию**, Атум, создавший сам себя, возник вместе с первозданным холмом (с которым он отождествлялся) из **первичного хаоса** — океана **Нуна**. Из вод хаоса выступил бугорок сырой земли. На нем появился **Атум, создатель**. Подобно остальным демиургам, он воплощает в себе как женское, так и мужское начало. Рука Атума — богиня **Иусат**. Когда вышел он из Нуна то не нашел места, куда бы он мог наступить, и создал он тогда первоначальную землю – **холм Бен-бен**. Сам себя оплодотворив (проглотив собственное семя) Атум встал на холм, родил, выплюнув (выдохнув) изо рта, богов-близнецов **воздух — Шу и влагу — Тефнут**. Но заблудились они среди хаоса-Нуна. Долго искал их Атум, но не смог найти. Послал он тогда на их поиски свое око – и оно нашло Шу и Тефнут. Когда они вернулись, **заплакал от радости бог Атум**, его **слезы** упали на холм Бен-бен и **превратились в людей**. Шу и Тефнут породили богов земли и неба **Геба и Нут**. **Гиб и Нут** — в мифологии древнего Египта – , **были близнецами**, детьми бога воздуха Шу и богини влаги Тефнут.

Нут — богиня неба, ее также называли «огромной матерью звезд, рождающей богов».

Геб — в древнеегипетской мифологии являлся богом земли.

Нут и Геб решили пожениться вопреки воле Ра. Разгневавшись, Ра приказал Шу разделить супругов.

Нут он поднял вверх — так образовалось небо, а Геба — оставил внизу — так появилась Земля.

Ра был так разгневан, что повелел, чтобы Нут не могла зачать дитя ни в один из месяцев года. Но бог Тот пожалел Нут, он пригласил Луну сыграть с ним в игру, а когда одержал победу, то взял лунный свет, чтобы создать пять новых дней. Потом в каждый из этих дней Нут зачала детей.

Детьми Геба и Нут были Осирис, Сет, Исида, Нефтида и Гор. Эта группа составила «гелеопольскую девятку»; позже Атум слился с богом Солнца Ра и стал называться Ра-Атум. А там, где появился первоначальный холм земли, в городе Гелиополе, египтяне построили храм и почитали в нем бога-творца Атума.

В другом мифе рассказывается о том, как **Нут помогла Ра удалиться от людей**, когда он разочаровался в их деяниях. Приняв **образ коровы**, она усадила Ра себе на спину и стала подниматься в небо. Но чем выше она поднималась, тем больше кружилась ее голова, и она призвала четырех богов, чтобы те держали ее ноги. Эти боги и стали **столпами небесными**.

Египтяне считали Геба добрым богом, ведь он охраняет живых и умерших от живущих в земле змей, на нем растут нужные и полезные людям растения, поэтому его иногда изображали с зеленым лицом.

Геб был связан с подземным царством мертвых, а его титул «князь князей» давал ему право считаться правителем Египта. Душа Геба воплощалась в боге плодородия Хнуме.

В **мемфисской версии** творцом мира является **Птах**, главный бог Мемфиса, а мир создается не физическим процессом, а **материализацией слов, являющихся следствием мыслей сердца**.

В самом начале не было ничего, был лишь один безбрежный и бездонный океан, в котором не было никакой жизни. И в этом бездонном океане появилась **мысль бога Птаха о том, чтобы возникнуть**, и как только появилась эта мысль, из океана появился сам бог Птах. Затем в **сердце бога возникла мысль о другом боге — Атуме**. Произнес тогда Птах имя «Атум», и в тот час же **появился бог Атум, сын Птаха**. И помогал бог Атум богу Птаху творить мир, создал он по приказу бога Великую девятку богов. А Птах наделил богов жизнью и мудростью, и сотворил весь остальной мир. Он **задумывался о какой-либо вещи, называл ее и эта вещь появлялись**. И назвали Птаха — **тот, кто сотворил все сущее и создал богов**. Он породил богов, создал города, создал статуи богов и их храмы, установил жертвоприношения. И вошли боги в свои статуи и приняли их облик. И была дана жизнь миролюбивому, и была дана смерть преступнику, и были созданы всякие работы и всякие искусства. Вот так бог Птах создал мир и установил в нем порядок.

С мифами о сотворении мира тесно связаны мифы о солнечных богах. **Соляные мифы** отражают две группы представлений: **о смене времён года** (более древние) и **о борьбе солнца с мраком и злом**, олицетворённым в образах чудовищ и различных страшных животных, особенно змей.

С прекращением приносящего засуху знойного ветра пустыни хамсина и оживлением растительности связан миф о **возвращении солнечного ока — дочери Ра Тефнут**.

Тефнут, поссорившись с Ра, царствовавшим в Египте, в образе львицы удалилась в Нубию, (по-видимому, в представлении египтян, её уход вызывал наступление засухи). Чтобы она вернулась в Египет, Ра посылает за ней Шу и Тота, принявших образ павианов. Они должны вернуть Тефнут к отцу, завлекая её пением и танцами.

В более раннем варианте мифа её заманивает в Египет бог охоты Онурис. Вернувшись, Тефнут вступает в брак со своим братом Шу, что предвещает рождение

природой новых богатых плодов. **Праздник возвращения любимой дочери Ра** отмечался и в исторический период. В египетских календарях он назывался «днём виноградной лозы и полноты Нила». Население Египта встречало богиню песнями и плясками.

В наиболее знойное время года солнце, считалось, **распалается гневом на людей**. С этим представлением связан **миф о наказании людей за их грехи по приказанию Ра**. Когда Ра состарился («его кости стали из серебра, его плоть из золота, волосы из чистой ляпислазури»), люди перестали почитать бога-царя и даже «замыслили против него злые дела». Тогда Ра собрал совет старейших богов во главе с прародителем Нуном, на котором было решено наказать людей. На них **напустили солнечное око**, любимую дочь Ра, называемую в мифе Сехмет или Хатор. Богиня **в образе львицы** стала убивать и пожирать людей, их истребление приняло такие размеры, что Ра решил остановить её. Однако богиня, разъярённая вкусом крови, не унималась. Тогда её хитростью напоили красным пивом, и она, опьянев, уснула и забыла о мести. Ра же, провозгласив своим заместителем на земле Геба, поднялся на спину небесной коровы и оттуда продолжал править миром.

С периодом, когда **жар солнца слабеет**, связан миф, в котором **Ра жалит змея**, насланная Исидой, пожелавшей узнать его сокровенное имя (египтяне верили, что знание имени даёт власть над его носителем). Исцелить Ра может только Исида, «великая чарами», «госпожа волхований», которая знает заговор против укуса змеи. В награду она требует от Ра назвать ей своё тайное имя. Ра выполняет условие, и Исида исцеляет его.

Миф о солнечном боге Ра и его заместителе боге Тоте. После того как был создан мир и установлен его порядок, наступило время, когда боги жили на земле вместе с людьми. Всем миром тогда правил **бог солнца Ра**. Ночь он проводил в Гелиополе, а утром взлетал в небо и щедро лил на землю свет и тепло. Ночи тогда были на земле черные, так как **на небе еще не было луны** и светили только лишь звезды. Тогда позвал Ра к себе своего **сына бога Тота** и сказал ему: – «**Будь моим лунным глазом на небе**. И будут говорить о тебе с почтением: «Это Тот, заместитель Ра». Так появилась на небе луна, и стал бог **Тот богом луны**. Светил он по ночам людям, **вел счет дням**, перешли к нему вместе со **счетом знания и письмо**, и стал бог **Тот богом мудрости**. Вел он записи обо всем, что происходит на земле, записывал судьбу человека. **Разделил он год на три сезона** (у египтян было не 4, как у нас, а 3 времени года, которые они называли: **Половодье, Всходы, Засуха**) и 12 месяцев.

Миф о борьбе Ра со змеем Апопом. А бог Ра вел войну со всеми черными силами, которые несли в мир беды и разрушения. Главным врагом Ра был огромный **змей Апоп**. Напал бог Ра на змея Апопа, долгой была борьба, и Ра победил. Но не смог он убить своего врага, а только ранил его. Раненый Апоп нырнул в Нил и уплыл в **подземное царство**. И там он живет и постоянно вредит Ра. Когда начинается ночь, спускается бог Ра в подземное царство и плывет по нему на ладье. В это время нападает на него Апоп, но Ра побеждает его, а змей бежит и прячется от солнечного бога.

3. Миф об Осирисе и Исиде — один из наиболее интересных и сюжетно разработанных в египетской мифологии. Известный русский востоковед Б. А. Тураев назвал его «**главным мифом египетской религии**, занимающим центральное место во всей культуре египтян». Миф об Осирисе в сравнительно полном виде был воспроизведен только Плутархом – греческим автором, жившем в начале уже нашей эры. Этот синкретический трактат был озаглавлен «Об Исиде и Осирисе». В нем элементы древнеегипетского предания были перемешаны с эпизодами древнегреческой мифологии. Но сохранились и Древнеегипетские источники.

Осирис — один из древних египетских богов, **бог возрождения, царь загробного мира** и **судья душ усопших, изначально божество плодородия**, которое было связано с зерном, ростом растений, паводком Нила.

Образ Осириса чрезвычайно сложен и многогранен. Это отмечали сами древние египтяне. В одном из древнеегипетских гимнов, посвященных Осирису, говорится: «Природа твоя, о Осирис, темнее, чем у других богов».

Символика Осириса. Осирис — солнечный и небесный бог; его цвет — голубой с красным или ярко-желтым. Его одежда — белые пелены, напоминающие о мумификации, на голове корона Верхнего и Нижнего Египта, в руках — плеть и крюк, символы наказания и притяжения, строгости и любви. На лбу у него находится урей (принадлежность головного убора), изображающийся в виде кобры, — **символ, имеющий индийские корни, означающий власть над жизнью и смертью**, внимание или пробужденное сознание. Этот бог — главный персонаж Мистерий (тайных священнодействий) Осириса.

Мумификация, последовавшая за расчленением и собиранием по частям его тела — **символ утраты человеческой природы ради выявления природы божественной**; поэтому почти всегда об «осирификации» говорится как о синониме мумификации. Ранний уход Осириса связывает его также с богами мертвых и с возможностью управлять оккультными мирами.

Установление родства с богом земли **Гебом** превратило Осириса в бога **земных глубин**, бога, держащего на своих плечах вселенную и **рождающего из пота рук своих Нил**. Впоследствии (с конца Нового царства) Осирис был связан с Ра и стал изображаться с **солнечным диском** на голове.

Сын бога земли Геба и богини неба Нут **Осирис** стал **первым царем Египта**.

Осирис, став царем, решил, что прежде всего нужно дать народу знания. Это было нелегкой задачей, но Осирис успешно с нею справился. Он отучил людей от дикарского образа жизни и людоедства, разъяснил людям, какие поступки благородны, а какие нет, установил с помощью бога **Тота (бога мудрости и знаний)** справедливые законы, научил египтян строить плотины и ирригационные каналы, чтобы земледельцы могли в засушливые годы орошать поля. Это избавило страну от засух и голода. Он научил египтян обрабатывать землю и печь хлеб, выращивать виноград и делать вино, добывать из-под земли руду, строить города, лечить болезни, играть на музыкальных инструментах, поклоняться богам. Осирис с помощью Тота правил, не допуская насилия и кровопролитий.

Люди полюбили Осириса и восхваляли его силу и благость. В одном из гимнов они пели: О, Осирис, ты — луна, находящаяся на небе. Ты становишься юным по собственной воле. Ты и Нил великий на берегах в начале Нового года. Люди и боги дышат влагой, какую ты из себя изливаешь.

Сет — древнейшее божество, связанное с наиболее глубокой **Тайной и Тьмой**. Будучи в родстве с Осирисом и его светлым и благим аспектом, **Сет символизирует мрак, засуху, бесплодную почву**.

Более поздние греческие версии превратили Сета в **Тифона**, «злого брата» Осириса и **зло вообще**, изображаемое в образе **гиппопотама**. Однако важно помнить, что в Древнем Египте зло представляли не как самостоятельную сущность, а лишь как **тень добра**, искаженного при воплощении.

Итак, Сет, или Сет-Тифон, как его называли впоследствии — это **лишенная сознания материя, темная и слепая, способная быть как хорошей, так и плохой**. В мифологии Древнего Египта Сет — бог ярости, песчаных бурь, разрушения, хаоса, войны и смерти, входил в гелиопольскую Эннеаду (девятку богов). Изначально почитался как «защитник солнца-Ра», покровитель царской власти.

Итак, брат Осириса, злой и коварный Сет, решил его погубить. Тайком он измерил рост Осириса и приказал сделать по мерке **саркофаг** с красивой отделкой. Потом он пригласил Осириса к себе на пир. Гости на этом пиру были сообщниками Сета, втянувшего в заговор семьдесят два человека. По его наущению они стали восхищаться коробом, и Сет сказал, что подарит его тому, кому он придется по росту. Все по очереди начали ложиться в короб, но никому он не был впору. Когда пришел черед Осириса и он лег в короб, сделанный по его мерке, Сет захлопнул крышку, запер замок, а его сообщники отнесли короб к Нилу и бросили в воду. **Саркофаг** является в этом фрагменте исключительно важным элементом, он играл роль **судна, переправившего Осириса в мир мертвых**.

Исида (Изида) — величайшая богиня древности, которая стала образцом для понимания египетского идеала женственности и материнства. Она научила людей жать, растирать зерна. Исида была самой почитаемой и любимой богиней в Египте и далеко за его пределами. В античном мире ее называли «**та, у которой тысяча имен**».

Исида изображается на темном (обычно темно-красном) фоне, напоминающем животворящую кровь. Как аспект Космической Матери, Исида является Праматерью, божеством Любви, порождающим Жизнь. Богиня изображается в виде женщины, часто сидящей и **кормящей грудью младенца Гора, своего сына**. По своей природе она связана с **праздниками весны и лета, изобилия, материнства**.

На спинке ее трона изображена **лестница**, символизирующая **посредничество между Землей и Небом**, так же об этом посредничестве свидетельствует факт ассоциации богини с Луной. Ее **корона** имеет форму **лунных рогов**. Исида имеет и другие атрибуты, например, узел, или **пояс Жизни**, и сistr (ударный музыкальный инструмент), который отгоняет злых духов своими магическими звуками.

Исида – жена Осириса была его сестрой, они полюбили друг друга еще во чреве матери. В Древнем Египте брак между кровными родственниками не был редкостью, и египтяне почитали Исиду как воплощение верной, самоотверженной жены.

Узнав о гибели мужа, Исида отправилась на поиски его тела, чтобы похоронить достойным образом. Волны вынесли короб с телом Осириса на берег возле города Библ. Над ним выросло могучее дерево, скрыв короб внутри своего ствола. Местный царь приказал срубить дерево и сделать из него для своего дворца колонну.

Исида достигла города Библ, извлекла из колонны тело Осириса и увезла его на лодке в Дельту Нила. Там в уединении, среди болот, стала она оплакивать мужа. **Плач Исиды** по Осирису перевела **Анна Ахматова**:

«...Тьма вокруг нас, хотя Ра в небесах,
Небо смешалось с землей, тень легла на землю.
Сердце мое горит от злой разлуки.
Сердце мое горит, потому что стеною
Отгородился ты от меня...»

По одному из египетских поверий, **разлив Нила** происходит оттого, что его переполняют **слезы Исиды**.

Ночью, когда Исида уснула, злобный Сет выехал поохотиться при лунном свете. И случилось так, что на пустынном берегу он увидел тело своего ненавистного брата. Сет рассек тело Осириса на четырнадцать частей и разбросал по всему свету.

Горестная Исида снова отправилась на поиски тела своего мужа. В ее странствиях ей помогали люди и звери, змеи и птицы, и даже крокодилы не причинили ей вреда, когда плыла она по болотам на папирусной лодке. Египтяне верили, что в память о великой богине крокодилы никогда не тронут того, кто плывет на лодке, сделанной из папируса.

В одном варианте мифа Исида похоронила найденные части тела Осириса в разных местах. Этим объясняется то, что в Египте было **несколько гробниц Осириса**.

Анубис (древнеегипетский бог погребальных ритуалов и мумификации, бальзамирования, «**страж весов**» на суде Осириса в царстве мёртвых, знаток целебных трав. Воскликнул согласно мифу: «Я могу их (части тела) срастить при помощи снадобий и целебных трав. Давайте же не будем медлить и отправимся на поиски. Пусть каждый из нас, найдя какую-либо часть, поставит надгробную плиту в том месте. Чем больше будет плит, тем труднее потом Сету будет найти настоящую могилу. К тому же эти плиты будут напоминать людям, какой добрый бог правил ими раньше и какой злодей царствует теперь. Люди перестанут приносить жертвы Сету и понесут их к надгробиям Осириса».

Из египетских источников можно узнать, что **умер** замурованный в саркофаге **Осирис** не сразу, а только на **четырнадцатый день**. Это отсылка к **природным циклам**. Смерть Осириса древние египтяне связывали с **ежемесячным убавлением луны**. Ведь именно

четырнадцать дней проходит от полнолуния до новолуния. В этот срок **луна как бы умирает**, подобно Осирису.

Нужно было собрать тело Осириса по частям. Поиски останков Осириса продолжались двенадцать дней. Анубис обошел пустыню, Нефтида — горы, Исида же смастерила папирусную ладью и плавала в ней по рекам и болотам. С тех пор крокодилы из почтения к великой богине колдовства не нападают на рыбаков, плавающих в папирусных челноках. Когда останки Осириса были собраны, Анубис их срастил и смазал труп бога специальными маслами и снадобьями, предохраняющими от тления. И вот умерший бог лежал на погребальном ложе. Это была **первая на земле мумия**. С тех пор у египтян появился **обычай мумифицировать умерших**, причем жрец, наблюдавший за процессом бальзамирования, должен был быть в **маске Анубиса — пса или шакала**, иногда склоненного над ларцом и стерегущего папирус так называемой «**Книги Мертвых**».

Этот бог — **проводник душ**; он руководит душами, покинувшими тела и душами посвященных, закончившими человеческий этап эволюции.

Сочинения античных авторов содержат также упоминания о частях тела Осириса — священных реликвиях святилищ. Сердце его хранилось в Атрибии, позвоночник — в Бусирисе, шейная часть — в Летополе, а голова — в Мемфисе. Число божественных частей тела Осириса, как это бывает в подобных случаях, чудесным образом умножилось. Голова его, к примеру, оказалась захороненной одновременно в Абидосе и Мемфисе.

Верная супруга **Осириса Исида**, когда нашла тело мужа, извлекла чудесным образом скрытую в нем жизненную силу и зачала от мертвого Осириса **сына**, названного **Гором** (Хором).

Есть и иная версия. Найдя мертвое своего мужа Осириса, Исида птицей воспарила над ним, и удары крыльев ее рождали ветер, а сияющее оперенье излучало свет. Своими «**словами власти**» она **воскресила мертвое тело**. От их объятий во время этой встречи родился Гор. Исида растила и воспитывала его в тайном убежище в тростниковых топях.

Таким образом, согласно этой версии, **Гор был зачат уже после воскрешения Осириса**. А само воскрешение явилось результатом магических манипуляций Исиды, получившей поддержку от бога неба — Тоты.

Еще один вариант в — “Золотой ветви” Фрезера. По этой интерпретации, когда тело Осириса было найдено, Исида с Нефтидой устроили поминальный плач.

Причитания сестер не пропали даром. Сжалившись над их горем, бог солнца Ра послал с небес бога Анубиса с головой шакала, он составил из кусков тело мертвого бога, спеленал его полотняными повязками и совершил над ним все обряды, которые египтяне совершали над телами покойников. После этого Исида подняла остывшую пыль взмахом своих крыльев, Осирис ожил и **стал править в царстве мертвых**. Там он носит титулы Господина Подземного Мира, **Хозяина Вечности и Владыки Умерших**. Там в обществе сорока двух советников восседал он в великом зале двух истин и **судил души умерших**, которые торжественно исповедовались перед ним, и, после того как **сердце их было взвешено на весах справедливости**, получали вечную жизнь в награду за добродетель или надлежавшую кару за грехи свои.

Гор, возмужав, отомстил за своего отца, победил Сета и стал **царем Египта**. А Осирис сделался владыкой загробного мира и небесным судьей.

Сын Исиды вступил в битву с силами мрака. В одном из сражений с Сетом Гор (Хор) **теряет око**. Взамен боги даруют ему **Уджат — глаз внутреннего зрения**. Хор побеждает Сета, а с помощью Уджата, **возрождает отца** своего Осириса.

Глаз Хора становится **одним из основных символов Египта — символом справедливых действий, сострадания и милосердия**. Сын Исиды Хор был последним из богов, правивших на Земле. С его уходом на небо **заканчивается век царствования богов**. Пройдут тысячелетия, прежде чем появится первый исторический фараон и земная власть перейдет к **земному царю**.

Как мститель и «воскреситель» Осириса, Гор стал **символом воскрешения** для всех людей — **Внутренний Гор, ведущий битву с темными сторонами своей личности**. Аллегорически он представляет видимое **Солнце разума**, которое своим светом разгоняет все тени.

Гора чаще всего изображают в виде **человека с головой сокола**, короной и атрибутами или без них. Обычно его рисуют на золотисто-желтом фоне; иногда он несет посох Анубиса, чтобы ориентироваться в темноте, и жезл — символ власти и устрашения физических и психических чудовищ.

Будучи солнечным божеством, Гор поддерживает силы Человека движущегося по Пути. Часто он изображается в виде **лодочника** (это один из образов путешественника по миру), **убивающего копьем крокодила** — символ опасности и препятствий на Пути. Он изображается сидящим на корточках в Солнечной ладье, и прокладывающим дорогу с помощью **анха** (Ключа Жизни или Молота Гора, представляющего букву тау); этот молот **воскрешает мертвых** и будит спящих. Очищающая вода из сердаба (погребальной камеры в мастабе-гробнице), извлеченная из Нила, жертвовалась Осирису, но взывая к помощи Гора. Сам **Дом Бальзамирования назывался Домом Гора**.

Осирис — это прежде всего **бог-царь, покровитель и защитник людей**. Но, кроме того, он считался **богом растительности, производительных сил природы**. В храмах, посвященных Осирису, устанавливали деревянную раму, повторяющую контуры его тела, засыпали плодородной землей и засеивали зерном. Весной «тело Осириса» прорастало молодыми всходами.

Функции бога-царя и бога растительности не противоречат друг другу. По представлениям древних народов, вождь или **царь племени** был **магически связан с земным плодородием**. Этим объясняется обычай, по которому царь должен был принимать участие в земледельческих работах при начале и окончании годового цикла.

Сложной для понимания является роль Осириса как владыки загробного мира. Египтяне верили, что каждый **умерший, воскресший за гробом**, не просто уподобляется Осирису, а как бы превращается в него.

Фараон после смерти тоже уподоблялся Осирису и получал вечную жизнь. Вера в божественную силу царя получила свое в архитектуре и искусстве. Грандиозные усыпальницы фараонов – пирамиды воплотили в себе дух египетской культуры и явились ее своеобразным **символом вечности**.

Сказание об Осирисе и Исиде возникло, вероятно, в период Древнего царства (III тыс. до н. э.). Различные его варианты содержатся в магических надписях на стенах пирамид и саркофагов. Наиболее полное и законченное его изложение было сделано в начале нашей эры греческим писателем **Плутархом**.

Египетское мифологическое сознание нашло отражение в культуре Древнего Египта. Монументальность, грандиозность, статичность, размеренность, сдержанность, переходящая в сумрачность в архитектуре. Образцом его до сих пор служит пирамида Хеопса и сфинкс. Это самые крупные в мире творения в каменной архитектуре и скульптуре. Внутри пирамиды Хеопса может поместиться ватиканский собор Святого Петра. Нужно было почувствовать **уникальность своего телесно-духовного единства**, чтобы содрогнуться перед порогом **смерти**. Тогда-то и поставили ей **заслон в виде мумии, саркофага, гробницы, сфинкса**, наполнив последнее обиталище человека предметами быта и ритуала. **Забота об устройении «дома вечного»** приучала древних египтян и к **украшению «жизни скоротечной»**. Но **корень культуры** покоился на **«гробовом входе»**.

Духовные и материальные силы государства были направлены на обеспечение **вечности для фараона**, как условия, обрести спасение подданным. От культуры Древнего Египта идет традиция создавать грандиозные сооружения, **символизирующие абсолютное духовное величие государства и его вождя**. Угрюмая торжественность мавзолеев, пантеонов и крематориев — это прямое продолжение в веках древнеегипетского художественного стиля.

Контрольные вопросы для самоподготовки студентов:

1. В чем своеобразие гелиопольской и мемфисской космогоний?
2. Перечислите главных богов Древнего Египта.
3. В чем своеобразие древнеегипетской мифологии?
4. Что такое зооморфизм? Проиллюстрируйте зооморфизм египетской мифологии.
5. Какую роль играет в жизни и мифологии Древнего Египта река Нил?
6. Какое место в мифологии Египта занимают боги Осирис и Исида?
7. Что думали древние египтяне о посмертном существовании?
8. Какие явления и силы олицетворяют египетские боги?

Литература

[1. С.25-33, С. 94-110; 2. С. 34-86].

Лекция 5. Мифология древней Индии.

План

1. Веды – древнейший памятник Индии. Особенности древнеиндийской мифологии.
2. Космологические мифы древней Индии.
3. Главные божества ведийского пантеона.
4. Представление о карме и сансаре.
5. Буддизм – мировая религия.

1. Веды – древнейший памятник Индии. Индия – один из древнейших очагов мировой цивилизации. **Веды** – древнейший литературный памятник Индии. Веды написаны на древнеиндийском языке (ведический санскрит); само слово "веда" буквально означает "знание", "ведение". Согласно установившейся традиции вся ведическая литература делится на четыре группы:

Самхиты,
Брахманы,
Араньяки,
Упанишады.

Такое членение отражает историческую последовательность развития данной литературы: древнейшими являются Самхиты, а произведения остальных групп представляют собой комментарии и дополнения к Самхитам, составленные в более позднее время. Поэтому Самхиты называют собственно Ведами. В широком же смысле слова Веды – это все четыре группы, весь комплекс ведической литературы. (Движение от мифологии к философии).

Во второй половине второго тысячелетия до н.э. в Индии, в долине реки Ганг и в областях, примыкающих к ней с юга и юго-запада, складывалось классовое общество. Вопрос о том, что конкретно представляло собой это общество, до сих пор остается нерешенным. Хотя рабство в Индии было явлением весьма распространенным, оно не играло решающей роли в способе производства, как это имело место, например, в Древней Греции или Риме.

С усилением общественного неравенства, по мере роста и углубления классовых противоречий в Индии прежде равноправные свободные стали делиться на четыре группы, или варны (брахманы, кшатрии, вайшьи и шудры), различавшиеся по своему общественному положению, правам и обязанностям. Варну брахманов составили жрецы, варну кшатриев – преимущественно воины, варну вайшьев – земледельцы, ремесленники, торговцы. Низшую группу этой социальной организации составили шудры. К этому же времени относится, по видимому, возникновение государства в Индии.

Следовательно, тысячелетняя эпоха, в которую складывалась ведическая литература, характеризуется существенными изменениями в устройстве общественной жизни населения Древней Индии. Различные ступени этого развития древнеиндийского общества нашли свое отражение в **Ведах**.

Ведийский пантеон складывался тысячелетиями. Индийская мифология, как и многие другие разветвленные мифологические системы, напоминает большой странноприимный дом на перекрестке дорог. Состав его обитателей постоянно менялся. Одни, едва поселившись, исчезали, оставив лишь имена в книге для гостей, другие, ютившиеся в помещении для слуг, переселялись в господские покои. К старым богам, незримым спутникам арьев в «страну обетованную», присоединялись новые, которых почитали аборигены. И это означало не просто увеличение числа небожителей, но и изменение представлений о них, придание им нового облика и свойств. Наиболее могущественные прежние боги порой уступали новичкам, становясь их слугами. Их черты размывались. Общее число богов оставалось загадкой даже для древних знатоков религии. Встречаются цифры 3339 и 33, и при этом ни одна из них не соответствует сведениям, содержащимся в ведах и комментариях к ним. Вообще число 33 было священным, поскольку в нем имелись три десятки и тройка.

Среди богов ведийского пантеона мы встречаем соответствия богам древней и средневековой языческой Европы и Ирана: Дьяус–Питер (бог–владыка, бог–отец) — Юпитер; Параджани, бог грозы — литовский Перкунас, славянский Перун; Ушас — латышское Усинын, славянское Утро и т. д.

Самой ранней **Ведой** по времени ее составления и самой большой по объему (1028 гимнов, более 10500 стихов, что равно "Илиаде" и "Одиссее", вместе взятым) является **Ригведа ("Веда гимнов"; "риг" – хвалебный стих, песнь, гимн)**. Она делится на десять книг, или мандал (букв. "круг", цикл).

«Ригведа» отражает мифологию и культы арийских племен, пришедших в Индию в середине и на исходе II тысячелетия до н.э.

Гимны Ригведы складывались в отдельных родоплеменных группах и в ранних редакциях представляли собой, вероятно, плод коллективного творчества. Стихотворцы сочиняли "риги" (хвалебные стихи), в которых воздавали хвалу богам и силам природы. Явления природы рассматривались как могущественные, мудрые, милосердные, всеведущие, вездесущие, справедливые божества. К ним обращались с просьбами и мольбами, в надежде их умилоствления приносились жертвы. Считалось, что жизнь человека, его благополучие и долголетие, успех и богатство, блаженство и счастье полностью зависят от этих **жертв**.

Индиец эпохи вед обожествлял силы природы, одушевлял растения, горы и реки. Позднее на основе этого оформилось **учение о переселении душ**. Чтобы завоевать расположение богов, индийцы приносили им жертвы, молили о помощи, потомстве и богатстве.

Другие самхиты имеют гораздо меньшее самостоятельное значение, чем Ригведа. Так, вторая самхита – **Самаведа ("Веда напевов")** – это сборник мелодий, сочиненных преимущественно на стихи Ригведы: 1474 стиха из общего числа 1594 имеются уже в Ригведе. Третья самхита – **Яджурведа ("Веда жертвоприношений")** – также во многом дублирует Ригведу. Четвертая самхита – **Атхарваведа ("Веда заклинаний")** – значительно отличается от остальных. Ее гимны носят характер заклинаний.

Согласно ведийской традиции первые три самхиты считаются наиболее "авторитетными", подлинными Ведами. Атхарваведа же, по мнению ряда ученых, была оформлена позднее и возникла в другой социальной среде. Если в Ригведе речь идет о периоде покорения арийскими племенами неарийских племен, то Атхарваведа повествует о том времени, когда происходило "смещение арийских и неарийских идеалов", т.е. были синтезированы воззрения различных народностей. Атхарваведа может служить источником для изучения эволюции философских и религиозных идей на протяжении первого периода ведической литературы.

В гимнах Ригведы мы находим попытки древних индийцев постичь тайну бытия, первые **проблески философского мышления**. В индийских космогонических мифах явственней и ярче, чем в каких-либо других, формируется первоначальная форма **логического мышления**, уводящая человеческий ум от конкретного к абстрактному и направляющая его к выявлению скрытых от непосредственного наблюдения связей между человеком и миром, в котором он живет, и стоящими за этим миром могущественными силами. Эти проблески философии звучат в вопросах авторов гимнов Ригведы: "Почему солнце, ничем не подпертое, ни к чему не прикрепленное, не падает?", "Где солнце ночью?", "Куда деваются звезды днем?", "Откуда ветер и куда? Почему он не поднимает пыли на небесных дорогах?" и т.д. Это были первые поиски причинно-следственных связей в природе.

Авторы гимнов высказывают мысли о **существовании вещества**, из которого произошел ("сделан") окружающий человека мир. Как же они мыслили себе это вещество? "Что это было за дерево, что за лес, из которых они, [боги], соорудили небо и землю?" На этот вопрос древние мудрецы не дают единодушного ответа: в качестве исходного вещества они называют воду, воздух, огонь и прочее .

2. Космологические мифы древней Индии. Одним из самых интересных в философском плане гимнов Ригведы следует считать космогонический гимн 10, известный под названием гимна **Насадил**. В простейшем, первичном состоянии сущее, по мысли авторов гимна, представляет собой нечто **единое**, аморфное, **нерасчлененное**, лишенное конкретного содержания, и в этом смысле нельзя сказать о нем ни что оно существует, ни что оно не существует:

Текст.

Тогда не было ни сущего, ни не-сущего;
Не было ни воздушного пространства, ни неба над ним.
Что в движении было? Где? Под чьим покровом?
Чем были воды, непроницаемые, глубокие?

Тогда не было ни смерти, ни бессмертия, не было
Различия между ночью и днем.
Без дуновения само собой дышало Единое,
И ничего, кроме него, не было.

Вначале тьма была сокрыта тьмою,
Все это [было] неразлично, текуче.
От великого тапаса зародилось Единое,
Покрытое пустотою.

И началось [тогда] с желания – оно
Было первым семенем мысли.
Связку сущего и не-сущего
Отыскиали, воспримля в сердце, прозорливые мудрецы.

Единое, говорится в гимне, дышало "без дуновения", само собою, т.е. без внешнего толчка, без воздействия со стороны какой-либо внешней силы. Не есть ли это догадка о том, что движение – свойство самой природы?

Первым внутренним импульсом, положившим начало становлению "мира различий", мира конкретных предметов или явлений, в гимне названо желание: желание было "первым семенем мысли". Единое делится на противоположности: сущее и не-сущее, низ и верх, день и ночь, смерть и бессмертие и т.д. Что же касается богов, то они появились "после". Бог "на высшем небе", замечают авторы гимна, в лучшем случае "знает", как возникло все сущее, да и то вряд ли ("А если не знает?").

Еще на ранней стадии религиозно–мифологического развития арьев прослеживается тенденция к выделению **высшего божества**, творца всего мира — богов, людей, установителя культа, создателя добра и зла. Это Праджапати, первым своим выдохом («бхух») сотворивший землю, вторым («бхувах») — воздушное пространство, третьим («свах») — небо. Первым принеся жертву, он сам едва не стал жертвой сотворенного им Агни (огня) и для прокормления последнего создал на земле растительность, а для ее произрастания и распространения — еще двух сыновей: Сурью (Солнце) и Вайю (Ветер), а затем и дочь Ушас (Зарю), дающую росу. Как и другие индийские абстрактные божества, Праджапати наделялся некоторыми человеческими свойствами — чувством страха, хитростью. Ведомы ему и усталость: после утомительной работы по сотворению мира у него отвалились руки и ноги.

Текст. Вначале было яйцо

Вначале были только воды, неоглядное море вод. И овладело ими желание творить. Они столкнулись, и запылал жар, отчего возникло золотое яйцо.

Не существовало тогда точного времени, и плавало яйцо так долго, как долго длился год. И за время этого года появилось в яйце живое существо. Это был **Праджапати**. И если женщина, корова, кобылица производят жизнь в течение года, следовавшего за зачатием, то это потому, что Праджапати родился в течение года, следовавшего за появлением золотого яйца.

Он взломал его скорлупу, но, поскольку не было никакой точки опоры, золотое яйцо долго еще колебалось во мраке, пока длился год. И возникло в течение этого года у Праджапати **желание** что–нибудь произнести. И он испустил звук «Бхур» — и появилась Земля, «Бхувас» — и появилось Пространство, «Сувар!» — и появилось Небо.

И если верно то, что у ребенка возникает потребность говорить в течение года вслед за рождением, то это потому, что Праджапати заговорил в течение этого года. И если ребенок, впервые заговорив, произносит лишь слова, состоящие из одного или двух слогов, то это потому, что Праджапати, впервые заговорив, произнес слова лишь из одного и двух слогов. Из пяти слогов, которые он произнес, сотворилось также пять сезонов — и именно поэтому сезонов существует пять.

На протяжении года Праджапати выпрямился и встал на ноги, чтобы утвердиться в созданных им мирах. И если ребенок в течение года желает встать на ноги, то это потому, что подняться на ноги захотел в течение года Праджапати.

Праджапати рождался на тысячелетие: подобно тому как с берега реки издали виден противоположный берег, точно так же и он видел издали противоположный берег своих лет. Охваченный жаждой творчества, он шагал, напрягая мускулы и распевая гимны. Он вложил в свою **душу творческую силу** и из своего рта сотворил богов. Он создал их, чтобы заселить **небо**, отсюда и их название — **боги**. И поскольку он создал их для того, чтобы заселить небо, это стало для него как **свет, сияющий днем**.

Затем, подув вниз, он создал **асуров**, чтобы заселить землю. И когда он их таким образом создал, чтобы заселить землю, они сделались для него как **мрак** (тьма).

И он сказал себе: «Поистине я сотворил нечто дурное, поскольку это возникло, пусть это будет для меня так, словно сделалось темно». И он **поразил их злом**, и они от этого перемерли. Именно поэтому нужно считать ложными рассказы или легенды, касающиеся соперничества богов и асуров: ведь Праджапати порастил асуров злом и они немедленно погибли. Именно об этом поет риши:

Не имел ты противников, освободитель. На сраженье с тобою кто бы мог выйти? Состязаться с тобой кто бы захотел? Никогда ты соперников не имел.

Между тем из того, что было для него светом дня, когда он создал богов, он создал День, а из того, что было для него как мрак, когда он создал асуров, создал он Ночь. И было положено начало дню и ночи. Вот какие боги созданы Праджапати: Агни, Индра, Сома, кроме сына его Парамештхин.

Рождены они на тысячелетие. И как с берега реки виден издали противоположный берег, так и боги видели издали противоположный берег своих лет.

Они шагали, напрягая мускулы и распевая гимны и делая усилие. Между тем сын Праджапати, Парамештхин, имел видение — **жертвоприношение**, которое должны предложить дни Полной и Новой луны. Празднуя их, он пожелал: «Пусть станет для меня возможным сделаться всеми вещами в этом мире».

И стал он Водами, ибо Воды относятся ко всем вещам здесь внизу в той мере, в какой они находятся повсюду, даже в самых отдаленных местах. И в самом деле, если углубиться в любом месте на Земле, несомненно, найдешь воду. Что же касается Парамештхина, то он изливается дождем со своего верхнего местопребывания, то есть с Неба.

Когда сын его стал водами, Праджапати пожелал: «Пусть стану я всеми вещами в этом мире».

Миф о Пуруше.

Древние индийцы верили, что жертвоприношение, сопровождаемое соответствующим гимном, имеет магическую силу, способную умиловить богов и природу. Гимны или отдельные акты или виды жертвоприношения были распределены по временам года, по месяцам, по часам дня. Самой природе приписывались элементы культа: солнце – это своего рода огонь, огонь домашнего очага, возжженный на небе; дождь – жертвенный напиток; гром – небесная песнь, гимн. Природа, ее явления рассматривались как непрерывный процесс жертвоприношений.

Каким же было **первое жертвоприношение**? Кто его совершил? На эти вопросы отвечает гимн Пуруше.

Пуруша, согласно гимну, – это олицетворение космического начала, "вселенский" человек. От него – вся Вселенная, все прошлое, настоящее и будущее. Боги как бы извлекли из него и космические миры, и животный мир, и людей. Особый интерес представляют 11 и 12 стихи гимна; они излагают миф о происхождении варн: из уст Пуруши созданы брахманы (жрецы), из рук его – кшатрии (воины), из бедер его – вайшьи (земледельцы, скотоводы, ремесленники), из ног его – шудры (бесправные люди, находящиеся в услужении трем "высшим" варнам).

В индийской мифологии Пуруша – олицетворение человеческой души в форме маленького человечка, не толще большого пальца, сидящего в самой середине человека, в сердце, где слышно его движение, и откуда он управляет животными силами. Этот человек может сделаться еще меньше и пролагать себе дорогу через артерии (биение пульса); его также легко можно увидеть в центре глаза, в зрачке (собственное отражение смотрящего).

Впоследствии в философской школе Санкхья под Пурушем понимается и **мировая душа**, а в Веданте – **высшее существо**, "ясное, как бездымное пламя, властвующее над прошлым, настоящим и будущим, которое есть сегодня и будет завтра". В позднейшие времена Пуруша является синонимом верховного бога Брахмы, отождествляемого с душой мира и самим миром.

Почти такого же Пурушу, но ослепительно яркого, можно видеть в солнце – сердце и оке мира.

Текст. Гимн Пуруше

Тысячеглавый, тысячеглазый и тысяченогий пуруша.

Он закрыл собою всю землю и [еще] возвышался над ней на десять пальцев.

Пуруша – это все, что стало и станет.

Он властвует над бессмертием, [над всем], что растет благодаря пище,

Огромно его величие, но еще огромное [сам] Пуруша.

Четвертая часть его – все сущее, три [другие] части – бессмертное в небе.

На три четверти вознесся пуруша в вышину, четвертая часть его осталась [здесь].

Родившись, он распростерся на запад и на восток.

Боги, совершая жертвоприношение, приносили Пурушу в жертву,

Весна была его жертвенным маслом, лето – дровами, [а] осень – [самой] жертвой.
Этого перворожденного пурушу освятили как жертву на жертвенной траве,
Им приносили жертвы боги, [те], кто были садхьи (космические боги жертвователи) и
риши (мудрецы, которым боги открыли гимны).

Из него, принесенного в жертву, было получено жертвенное масло,
[Его] обратили в те существа, которые [обитают] в воздухе, в лесу и селениях.

Стихотворные размеры возникли от него, яджусы (священные жертвенные формулы)
от него возникли.

От него возникли лошади и [другие животные] с верхними и нижними зубами.

Коровы возникли от него, от него возникли козы и овцы.

Когда разделили Пурушу, на сколько частей он был разделен?

Чем стали уста его, чем руки, чем бедра, ноги?

Брахманом стали его уста, руки – кшатрием,

Его бедра стали вайшьей, из ног возник шудра.

Луна родилась из мысли, из глаз возникло солнце.

Из уст – Индра и Агни, из дыхания возник ветер.

Из пупа возникло воздушное пространство, из головы возникло небо.

Из ног – земля, страны света – из слуха. Так распределились миры.

Вокруг него положили семь поленьев, трижды семь поленьев было приготовлено,

Когда боги, совершая жертвоприношение, связывали Пурушу, [как вяжут] жертвенное
животное.

Жертвой совершали боги жертвоприношение...

Таким образом, **через первое жертвоприношение в мир приходит смерть**, которая
становится архетипической для всех последующих смертей. Здесь **смерть являет собой
порог для входа в мир и ухода из мира и возвращения к своему Истоку**. Поэтому, в
данном контексте явление смерти не репрезентируется трагическими переживаниями, ведь,
как известно, atman (душа) не умирает.

В одном из гимнов «Ригведы» небо и земля мыслились как две наложенные друг на
друга чаши мироздания, а воздушное пространство между ними отдавалось Сурье.

Таковы «три мира» в их классическом понимании, образующие замкнутый шар. Все,
что за их пределами, — находится вне поля зрения поэта, создавшего гимн. «Три мира»
скреплены не своими краями (они размыты, как и границы греческого космоса), а связаны
осью — горой Меру, опорным столпом мироздания.

Меру мыслилась в виде пирамиды, каждая из граней которой имела свой цвет и была
обращена к четырем сторонам света горизонтальной плоскостью, разделенной на две
половины: одна ориентировалась по северному, другая — по южному полюсу. Меру— место
обитания богов; в то же время сама гора — русло для спуска на землю священных небесных
рек и лестница, по которой достойные души поднимаются на небо. В индийской космологии
упоминается, вне какой-либо связи с Меру, также «пуп земли» — место, куда Всеведущий
поместил мудреца Бхригу и где Агни совершает свои жертвоприношения.

С моделью двуединого мира вед, видимо, связано представление о двух группах
могущественных сверхъестественных существ — **асурах и богах**, борьба между которыми
рассматривается как основополагающая концепция ведийской мифологии. Как уже
говорилось, асуры (asura) и боги (devah) уходят своими корнями в индоевропейскую
древность.

В религии иранцев термин asura входит в имя верховного бога Ахурамазды, дэвы же
— это класс враждебных Ахурамазде не-богов, демонов. В ведийской религии, напротив,
devah — боги, а asura — их противники, наделенные демоническими чертами, однако не
являющиеся порождением зла. Это **соперники богов** в еще не оформившемся космосе, а
порой и их союзники, как, например, в мифе об обретении бессмертия.

И более того — **асуры древнее богов**. Они подчас мыслятся отцовской почвой, из
которой выросли боги. В одном из гимнов «Ригведы» Агни и Сома — сыновья древнего отца

Вритры, отождествляемого с асурой, настолько тесно связанные с ним, что знают о его коварных помыслах и могут предупредить о них Индру. С другой стороны, у Индры встает проблема, как убить Вритру и не причинить вреда Агни и Соме.

Могущественное космическое божество Варуна колеблется в выборе статуса: одной ногой он находится в мире асуров, другой — в мире богов. Когда его помыслы склоняются к девам, Индра предлагает ему власть. И эта двойственность выходит за рамки вед. В «Махабхарате», где уже мир мыслится поделенным между богами, Варуна описывается находящимся в подземном дворце в окружении прислуживающих ему асуров.

И при этом асуры трактуются как непримиримые противники богов, вынесенные за пределы освоенного богами мира. Они — могущественные боги изгнания, обладающие собственными твердынями, словно бы оставленные для того, чтобы богам было на ком проявлять свое могущество.

3. Главные божества ведийского пантеона. Важнейшим из божеств считался **Варуна** — верховный хранитель справедливости и судья, а также **бог** мировых вод, хранитель, как и Митра, (бог дружбы, согласия, договора), универсального миропорядка, **вечного закона (риты)**, небесный судья, карающий отступивших от правды и изменивших долгу. Поэтому в обязанности того и другого входило устранение погрешностей в жертвоприношениях. Женами Варуны считались обитательницы вод, и сам он представлялся живущим в водах, что при последующем перераспределении между богами трех миров — «верхнего», «среднего» и «нижнего» — обеспечило ему власть над «нижним» — водной стихией. Как бог дождя, прокладывающий путь потокам, Варуна наполнял море водой, следил за течением рек, пребывал в реках, в море; реки – его сестры (их семь). Он обладал чудесной **колдовской силой (майя)** и не столько посылал блага людям, сколько наблюдал за ними, **защищая от злого начала**, а также выступал против несправедливости, болезни, смерти, колдовства и даже даровал долгую жизнь. Варуна – **воплощение мирового порядка** и истины. Он искал виновных, карал их (например, насылал на грешников водянку) и отпускал грехи.

Наибольшим могуществом веды наделяют **бога-грозовика Индру**, самого антропоморфного из индийских богов. В эпоху создания «Ригведы» он превзошел своих соперников, будучи младшим из них, и принял функции Праджapati, став Махендрой («Индрой Величайшим»).

Его победа над Вритрой — нечто большее, чем преодоление засухи. Это космогонический акт освобождения изначальных вод. В этой же функции он отрезает у гор крылья, чтобы они, спускаясь при перелетах на землю, не давили ее своей тяжестью. Как в победе над Вритрой, так и в других своих деяниях, **Индра — бог брани**. Он дает арьям победу над местными племенами, сокрушает их крепости, громит их, а также и демонов своим страшным оружием ваджрой, в которой можно видеть громовую стрелу. Бог-убийца, он наделяется также чертами целителя, не раз спасая раненых мудрецов (риши) и возвращая им жизнь.

Индре близок **Рудра**, обитатель горных высот, пастух, покровитель пастухов и в то же время — воплощение буйства неконтролируемых сил природы. Сыновья Рудры маруты считались воплощением грома и молнии. Это юноши, восхищающие красотой и в то же время внушающие ужас. Относясь к классу архаических божеств, они впоследствии были отданы в услужение Индре.

Значительную эволюцию претерпел первый из богов — **Агни**, постепенно превратившийся из олицетворения огня — небесного, земного и подземного — в божество алтаря, своего рода посредника между людьми и богами, защитника человеческого жилья от холода, от ракшасов и иных порождений мрака. Близкими к Агни, богу жертвоприношений, считали Сому — обожествленный жертвенный напиток. Перенесшись, подобно многим божествам, на небо, Соме стал мыслиться луною, господином неба и звезд, первым творцом, стимулирующим могущество солнца и подвластное ему творческое вдохновение людей, прежде всего певцов и сказителей.

Среди ведийских богов имеется и Гибель (Ниррити), но миф о гибели мира развертывается в рамках мифа о мировых эпохах («югах»), сходного с греческим мифом о четырех поколениях — с тем же соединением **судеб космоса с падением добродетелей**. Превращению космоса в хаос предшествует нарушение нравственных норм («дхармы») в человеческих взаимоотношениях.

При этом уничтожается не только космос со всеми его обитателями, но и сам творец мира Брахма.

Веды уделяют мало внимания судьбе человека после смерти. В одном из гимнов поздней, десятой, книги «Ригведы» можно прочитать, что взор умершего обращается к солнцу, дыхание — к ветру, речь — к огню, а кровь — к воде. Таким образом, первоначальные четыре элемента человеческого организма как бы растворяются в четырех стихиях, соответствующих четырем богам. Из других гимнов видно, что душа представлялась уносимой ветром или дымом погребального костра на небо, где соединялась с себе подобными. Путь же на небо первым указал дух первого из умерших — Ямы. Представлений о подземном царстве мертвых, подобном греческому Аиду, в ведах первоначально не было. При последующем разделении мира на четыре части мир мертвых, помещенный на крайнем юге, был отдан богу смерти Яме.

Брахма, в индуистской мифологии творец и правитель мира, отец богов и людей; в классическом индуизме он входит в божественную **триаду, тримурти** верховных богов наряду с Вишну и Шивой. Создатель вселенной, он противостоит Вишну, который ее сохраняет, и Шиве, который ее разрушает. Согласно одному из мифов, Брахма создал из своего тела богиню Сатарупу. Она была так прекрасна, что он не мог оторвать от нее глаз. Когда Сатарупа отходила в сторону, избегая его взгляда, у него появлялась новая голова, повернутая в ее сторону. Наконец Брахма убедил красавицу стать его супругой. Они провели в уединенном месте сто священных лет, по окончании которых родился Ману, первый человек.

Другой миф повествует, как сначала вселенная была погружена во тьму. Блуждавшее в космическом океане семя породило золотое яйцо: «В этом яйце Брахма провел год, затем силой мысли разделил яйцо пополам». Из одной половины он создал небо, божественную сферу, из другой — землю, материальную сферу, а между ними поместил воздушное пространство; далее появились пять элементов — вода, огонь, земля, воздух, эфир — затем мысль, боги, звезды, время, горы, равнины, моря, реки, люди, речь, страсть, гнев и т.д. Наконец, из яйца появился бог Брахма и разделился на две части — женскую и мужскую. Эти существа породили все остальное.

По иной версии, Брахма вышел из яйца в виде первосущества Пуруши. У него была тысяча ног, тысяча ступней, тысяча рук, тысяча глаз, тысяча лиц и тысяча голов. Древние полагали, что Брахма живет сто "собственных" лет, равных 311 040 000 000 "человеческих" лет. Затем огонь, вырывающийся со дна океана, уничтожает вселенную и самого Брахму, а после ста божественных лет хаоса рождается новый Брахма. В некоторых источниках Брахму называют Нараяной, или «вышедшим из вод». В этом облике он лежал на листе лотоса, плывущем по первозданным водам, и сосал палец ноги — символ вечности. Падение величия Брахмы объясняется в мифе о происхождении Шивы.

Согласно преданию, Брахма и Вишну поспорили, кто из них могущественнее. В разгар спора огромный фаллос, символ Шивы, поднялся из мирового океана, охваченного пламенем. Когда Брахма и Вишну стали рассматривать фаллос, он раскрылся. В нем боги обнаружили Шиву и вынуждены были признать его превосходство. Брахму часто изображают с четырьмя головами и руками, в которых он держит Веда, священные индийские трактаты, жезл, сосуд с водой из Ганга и гирлянду роз, восседающем на гусе или лебедь. Супруга его — красавица Сарасвати, богиня учения и покровительница искусств, наук и красноречия. На приведенном выше изображении — Брахма — творец и правитель мира, отец богов и людей, он противостоит Вишну, который сохраняет вселенную, и Шиве, который ее разрушает.

Вишну («всеобъемлющий») – хранитель мироздания; величественный и одновременно ужасный, но менее грозный, чем Шива. Согласно одному из мифов, из пупа Вишну возник цветок лотоса – и восседающий в центре цветка Брахма начал акт созидания. Главная функция Вишну – способствовать победе добра над злом.

Шива («приносящий счастье»), – не только добрый защитник, но и грозный бог, обитающий на полях сражений и у погребальных костров. Нередко его изображали с веревкой, на которую нанизаны черепа. Шива – **бог-творец** и вместе с тем **бог времени**, а следовательно, и **разрушения**, бог плодородия и в то же время аскет, подавивший желания и обитающий высоко в Гималаях на горе Кайласе. Иногда он даже выступал как двуполое существо. Эти взаимоисключающие качества символизировали божество, вобравшее в себя все противоречия мира, которому отведена **роль уничтожителя мира и богов в конце каждой кальпы**, периода, равного 8 640 000 000 человеческих лет.

Считалось, что в качестве «царя танца», Шива регулирует мировой порядок. Устав танцевать, он останавливается, и во вселенной воцаряется хаос. Так вслед за периодом созидания приходит разрушение. Однажды Шива явился 10 000 мудрецам-риши, чтобы они поклонились ему. В ответ риши прокляли бога и наслали на него свирепого тигра. Шива ногтем содрал со зверя шкуру и сделал себе накидку. Риши наслали змею, но Шива надел ее на шею как ожерелье. Риши сотворили злого карлика и вооружили его дубинкой, но Шива, встав на спину карлика, начал танцевать. И риши бросились к его ногам. Созидающая сила бога воплощена в его основном символе – линге-фаллосе, мужском детородном органе.

Сурья, в ведийской и индуистской мифологии солнечное божество, всевидящее Око богов, особенно Митры и Варуны, иногда Агни. Согласно мифам, он – всезнающий и всевидящий, озирающий весь мир, вззирающий на добро и зло, у него быстрый взгляд. Он рожден на Востоке, приветствуемый певцами; бог выходил из небесных врат и в течение дня обходил землю и небо, ограничивая день и ночь. Сурья двигался по небу без коней, хотя некоторые мифы упоминают семерку его скакунов.

Основное действие Сурьи – изливание света; им он озарял мир и разгонял тьму, уничтожал болезни, врагов. Путь Сурьи указан адитьями, юными солнечными богами, которые соотносились с двенадцатью месяцами.

Отец Сурьи – **Дьяус**, воплощение неба, мать – прародительница богов **Адити**. **Ушас**, божество утренней зари, упоминается как его жена.

4. Представление о карме и сансаре. Религия в Индии прошла долгий путь формирования. Первым ее этапом была ведическая религия, обожествлявшая силы природы. В I тыс. до н.э. ее сменил брахманизм с его триединством главных богов — Брахмы, Вишну, Шивы. Брахма — главный, он создатель и управитель мира, Вишну — охранитель мира, Шива — его разрушитель.

Древнеиндийские эпосы составляют следующий пласт индуистской литературы. Это прежде всего Махабхарата и Рамаяна. Часть Махабхараты – Бхагавад-гита, представляет собой священное писание кришнаизма.

В **индуизме**, основой стало учение о **перевоплощении душ (сансара)**, происходящем в соответствии с **законом воздаяния (карма)** за добродетельное или дурное поведение.

В индуизме, как и других религиях этой цивилизации, важную роль играют **идеи вечного повторения**, скоротечности и незначительности человеческой жизни в сравнении с космической историей. Ни в одной другой религии **посмертная судьба человека не обусловлена столь жестко его собственными действиями и помыслами, его кармой**. **Карма наследуется** от предыдущих существований, обуславливающих настоящее существование, а настоящее моральное поведение человека определяет последующую карму. Взаимодействие бесчисленных карм **вращает колесо жизни — сансару**. Круг сансары не ограничивается лишь земным миром. В него входят и круги ада (подземное царство мучений) и сферы райского блаженства (небесное царство). Вечное возвращение, или круговорот жизни (сансара), будет продолжаться до тех пор, пока человек не освободится от всех

желаний. Карма в конечном итоге определяет прогресс или регресс живого существа по отношению к главной цели – освобождению от цепи перерождений. Основной закон кармы: "что посеешь, то и пожнешь".

Фундаментальная концепция индуизма – **тождество Атмана и Брахмана**. Атман – это душа человека, его истинное и высшее Я, высший уровень самосознания. Атман, душа человека есть частичка великого Абсолюта – Брахмана. Следующее понятие – Дхарма как извечный порядок вещей. Способность личности к восприятию дхармы – истины ограничена понятием сансары. Человек часто идет на поводу своего Эго, обусловленного желаниями и, соответственно, становится обреченным на сансару – круг перерождений, перевоплощений (в образе бога, животного, человека). Следующее перевоплощение или реинкарнация зависят от накопленной кармы. Карма – одно из ключевых понятий не только в индуизме, но и в джайнизме и в буддизме. Кармические последствия меняют судьбу не только на протяжении одного воплощения, но и в будущих жизнях. Любой поступок человека откладывается в его глубинной памяти и запечатлевается на его тонком теле – лингашарире. При благоприятных обстоятельствах данная информация проявляется. Убийца в одном из следующих воплощений сам будет убит.

Прекращение действия закона кармы и освобождение от круга сансары есть конечная и высшая цель индуиста. Она именуется – **мокша («освобождение»)**. Достичь этой цели можно разными путями. Выделяются три основных пути. Первый путь – карма - марга, т.е. **«путь деяний»**, который заключается в следовании своей дхарме и означает действие без расчета на результат, **бескорыстное действие**. Другой путь – джняна-марга, **«путь знания»**. Он предполагает размышление над священными писаниями и постижение высшей мудрости, запечатленной в них. Третий путь – бхакти-марга, **путь всепоглощающей преданности и любви к богу**. Также для индуиста существуют ограничивающие правила – ямы и ниямы – качества, которые надо в себе воспитывать. Ямы: а) ахимса – отказ от применения насилия и убийства живых существ; б) сатья – отказ от лжи; в) астейя – отказ от воровства; г) брахмакарья – воздержание от чувственных удовольствий, д) апариграха – не проявление корыстолюбия. Ниямы: 1) чистота; 2) довольство; 3) полная сосредоточенность; 4) ученичество; 5) служение Богу. Каждый индуист должен следовать дхарме как всеобщему закону и выполнять свой личный долг. Этот долг зависит от принадлежности к определенной варне. Выделяется, как говорилось ранее, четыре варны: брахманы – жрецы, кшатрии – воины, правители, вайшьи – торговцы, шудры – рабы, неполноправные жители общины.

Важнейшим практическим путем к освобождению человека в индуизме была **индуистская йога**. Йога рассматривается как путь обретения духовного просветления человека путем психофизических методик **регуляции сознания**. Сознание само по себе есть сочетание **трех гун**: саттва, раджас, тамас. **Саттва** – уравнивающая, гармонизирующая и одухотворяющая сила; **Раджас** – страсть, возбуждение, деятельная и побуждающая сила, нарушающая прежнее равновесие; **Тамас** – бездеятельная, тормозящая и негативная сила, которая тянет вниз к невежеству.

5. Буддизм – мировая религия.

Во второй половине VI — первой четверти V в. до н. э. возникло еще одно религиозно–философское учение, вступившее в открытое противоборство с ведийским религиозно–мифологическим мышлением, проявившимся в ведах и эпосе. Оно связано с проповедями религиозного деятеля Северной Индии Сиддхартхи Гаутамы (623–544 гг. до н. э.), призывавшего к религиозному очищению человечества, к его освобождению и к переходу от созерцания истины к внутреннему перерождению.

Ведическая традиция уже подготовила индийцев к мысли, что человек может быть озарен огнем божественной истины и поставлен рядом с богами. В Будде ощущается аскетизм и религиозная сосредоточенность отшельников индийского эпоса. Рассказы о его жизни, полные фантастических деталей, сочиненных благочестивыми почитателями, воспринимаются не как обычная биография, а как священная история обретения религиозным мыслителем нового видения жизни, нового слова, нового мировоззрения. И сам

образ Будды, обросший мифами, как днище идущего сквозь века корабля ракушками, сформировался под непосредственным воздействием брахманской мудрости.

Воинствующий **аскетизм** соединился в нем с глубочайшим религиозным сосредоточением. Однако, согласно буддийской традиции, вскоре после смерти вероучителя его ученики и последователи собрались в Паталипутре — столице государства Магадхи, и один из ближайших учеников Просветленного воспроизвел хранившиеся в его памяти наставления о монашеской жизни (Виная—питаку), тогда как другой ученик огласил свод проповедей учителя (Вутта—питаку), свидетельствующий о традиции. Только через сто лет после смерти Будды его последователи вновь сошлись, чтобы разрешить возникшие разногласия в понимании учения. Но это им не удалось.

Третий собор буддистов в Паталипутре проходил под предводительством царя династии Маурьев Ашоки, о религиозной деятельности которого можно судить по множеству его указов, так называемых «Надписей Ашоки», высекавшихся на скалах, на колоннах и на стенах пещер.

В царствование Ашоки (273–237 г. до н. э.) буддизм не был государственной религией, но пользовался необычайной популярностью. Количество памятников, связанных с верованием Будды и его почитанием от времени Ашоки до 200 г. до н. э., превосходит все оставшееся от брахманизма и джайнизма, вместе взятых. Надписи свидетельствуют о пожертвованиях в пользу буддийских монастырей от царей и частных лиц. Во многих местах Индии появляются буддийские святыни, из которых поныне наибольшей сохранностью славится монастырь у деревни Санчи.

Для понимания **специфики буддийской мифологии** наиболее **типичны** так называемые **ступы** — символические и мемориальные сооружения, хранилища реликвий из камня или земли, как правило, в форме башни. Таковы, например, знаменитая ступа в Санчи или ступа в Бхархуте, рельефы которой воспроизводят эпизоды жизни Будды таким образом, что сам Будда в них не присутствует.

Буддисты всячески подчеркивали полную самостоятельность и новизну своего учения. Такая позиция характерна для любого ответвления древней религии, стремящегося к самоутверждению. Однако применительно к буддизму объективное сопоставление его с установками упанишад — а именно с ними буддисты спорят чаще всего — показывает, что как раз ряд главных положений (прежде всего идея кармы, закона перерождения, представления об иллюзорности индивидуального существования) заимствован у последних. Совпадают также понимание высшего назначения человека (в брахманизме — мокша, в буддизме — нирвана), отношение к монашеству и многое другое. Различными были акценты, нюансы, которым сами буддисты придавали решающее значение, и это опять-таки характерно для вновь возникающих религий (и идеологий), ответвляющихся от первоначального ствола. Буддизм не ниспровергал богов, и это сближало его с христианством, принявшим Ветхий завет с его представлением о высшем и единственном божестве. Из брахманизма в буддизм вошли боги Брахма, Индра (под именем Чакра), Вишну, Ганеша и другие. Но допущенные в буддийскую догматику и мифологию, старые боги утрачивают не только свое могущество, но и первоначальную специфику и отныне действуют в соответствии с предписаниями Будды, выступающего и для них в роли учителя, освободителя, спасителя.

Буддийская мифология.

Понимание **человека как вершины цепи бесконечных перерождений** (сансары) изменило характер буддийской мифологии. **Центром ее становится Бодхисатва** — существо (человек, зверь, растение), становящееся **в последнем рождении Буддой**, чтобы спасти от страданий все живое. Все другие существа — боги, асуры, герои — участники грандиозного психологического действия, лишённые, однако, возможности вырваться из порочной цепи бытия (для этого они должны были бы стать обычными людьми). В буддийский пантеон включены многие боги брахманизма, действующие под своими или

новыми именами. В народном буддизме — они реальные существа, а в философском — создания человеческой психологии.

Буддийская мифология сохраняет и космогоническую систему брахманистской мифологии, переосмысливая ее под углом зрения собственной концепции. Все элементы мироздания умножаются до бесконечности. Бесчисленное количество миров группируется в огромные мировые системы, которых, по образному выражению буддийских текстов, больше, чем песчинок в Ганге. Мир в отдельности представляет собой плоский диск. Воздух же является частью пространства. Как прежде, в центре мира высится окруженная семью горными хребтами **гора Меру**, вокруг нее вращаются Солнце, Луна и звезды. Остающиеся части диска занимали четыре континента, к каждому из которых примыкал архипелаг из 500 островов, омываемых мировым океаном.

Континенты были населены людьми, отличавшимися временем жизни и способностями. На востоке располагался континент Пурвивидеха, на западе — Апарагодана, на севере — Уттаракору, на юге — Джамбудвипа. Последний, по описанию, наиболее близкий к Индии, был населен людьми, обладавшими благочестием, мудростью и мужеством. Там время от времени появлялись будды и идеальные справедливые цари (чакраватины — «поворачивающие колесо»). Каждый из них обладал семью сокровищами: летающим по воздуху диском, могущим перенести в любой из миров целое войско, слонем и конем, наделенными человеческим разумом, драгоценным камнем, бросающим свет на далекое расстояние, красавицей царевной, мудрым советником и талантливым полководцем, чаще всего из числа ста его сыновей.

На материке Уттаракору у людей не было собственности, зерно на полях выросло само собой, без труда. Боги, возглавляемые Индрой, находились на горе Меру и в небе над нею. Они считались смертными, подчиненными дхарме, но были наделены долголетием, используемым для наслаждения благами духовного созерцания. Брахма считался обитателем иной высшей сферы, разделенной на четыре части. Он мог оказывать некоторое влияние на ход событий, но мир развивался по своему, не зависящему от него закону. Сохранялись представления об асурах (им были отданы пещеры горы Меру), о претах — душах умерших, соединяющихся при выполнении их родственниками определенных ритуалов с питарами (духи, которые населяют воздух, землю и небеса). Местом обитания претов мыслились земные глубины. Еще ниже находились различные круги ада.

Индуизм, выросший в почву Индии всеми своими корнями на протяжении многих веков, в конце концов вытесняет буддизм, который подхватывают обитатели Ланки, Бирмы, Сиамы, островов Индонезии и, наконец, Китая. Главной же страной, воспринявшей буддизм в форме махаяны, стал Тибет, постепенно покрывшийся сетью буддийских монастырей. Здесь была создана строгая иерархия, а вероучитель окончательно превращается в верховное существо без начала и конца — в Адибудду.

За свою историю буддизм мог несколько раз становиться государственной религией в той или иной азиатской стране. Где-то его поддерживали, где-то изгоняли, а через несколько столетий начинали вновь поддерживать. Буддизм как мировая религия перетерпел множество трансформаций, расщепившись на множество школ и течений, в количестве которых с ним не сравнится ни одна другая мировая религия. Возможность трактовать вероучение буддизма по своему усмотрению позволила ему объединиться с коренными религиями многих стран, превратившись в **ламаизм в Тибете или дзен-буддизм в Китае**. Экзотичность буддийского вероучения наконец привела его в Европу и Америку, где он был активно подхвачен людьми, которых уже не удовлетворяло христианство.

Контрольные вопросы для самоподготовки студентов:

1. В чем специфика мифологии Древней Индии?
2. Перечислите главных богов Древней Индии
3. Назовите основные памятники письменной культуры Древней Индии?
4. Какое мифологическое объяснение дается существованию варн в Древней Индии?.

5. Какую роль играет жертва в мифологии древней Индии?
6. В чем общее и различие индуизма и буддизма?
7. Что такое колесо сансары?
8. Как в учении о сансаре отражаются нравственные понятия древних?

Литература: [1. — С.162-164; 238-239; 2– С.318-330; 3 — С.202-240; 4 – С. 2-19].

Лекция 6. Древнегреческая мифология.

План

1. Особенности греческой мифологии и ее переодизация.
2. Карта космоса и щит Ахилла.
3. Космогонические и теогонические мифы.
4. Человечество в древнегреческой мифологии.
5. Мифы о человечестве, о Прометее и о Пандоре.
6. Мифы об обществе.

1. Особенности греческой мифологии и ее переодизация. Слово «античная» в переводе с латинского (*antiquae*) значит «древняя». Античную мифологию наряду с библейской по праву считают наиболее значительной по степени ее **влияния на дальнейшее развитие культуры** многих народов, в особенности европейских. Под античной мифологией понимается, общность греческих и римских мифов, поэтому иногда можно встретить термин «греко-римская мифология», хотя основой для римской мифологической системы была все же именно греческая.

Древнейшие человеческие цивилизации в большинстве своем возникали в бассейнах крупных рек –таких, как Тигр, Евфрат, Нил, Инд, Ганг или Янцзы. И почти все они были цивилизациями **монокультурными**, то есть цивилизациями одного народа и одной культуры; это справедливо и для египтян, и для индийцев, и для китайцев. Что же касается цивилизации, создавшей такой исторический феномен, как **Европа**, цивилизации, породившей европейскую культуру, – она сложилась не в дельте какой-либо реки: ее колыбелью стало **Средиземное море**. И, в отличие от других древнейших цивилизаций, эта цивилизация была не монокультурной, а **синкретической**, впитавшей в себя культуры **множества народов**, которые обитали в Средиземноморье; синтез этих культур произвел на свет то, что принято называть **культурой классической**.

Вдобавок, в представлении современного человека классическая мифология – прежде всего мифология греческая и римская, поскольку «Илиада», «Одиссея», «Энеида» и другие античные тексты мифологического содержания за минувшие тысячелетия прочно вросли в европейский культурный дискурс (кстати сказать, вплоть до XIX столетия после Р. Х. в Европе были известны только античные мифы).

Периодизация греческих мифов. Первое произведение мировой литературы, которое является изложением, представлением греческой мифологической традиции, — «Илиада» и «Одиссея». И другое произведение, по времени примерно тогда же созданное, как полагают, и это «как полагают» очень важно, потому что у нас нет никаких твердых, точных сведений о том, что это было именно в эти века создано, — я имею в виду «Теогонию» Гесиода, или поэму о происхождении богов. Эти важнейшие памятники, в которых содержится первое изложение, представление мифологии, сами по себе уже **являются толкованием** и попыткой периодизации мифологической традиции. Хотя созданы они были в эпоху предписьменную — в эпоху, когда главное представление мифа, представление тех сюжетов, которые мы впоследствии будем знать как сюжеты, **было изобразительным, предметным**. Вот этот **камень — это пупок Зевса**. И мы должны понимать, что это его пупок. А вот это поле, на котором растут пионы, небольшие горные **пионы**, — **это брови Зевса**. А весь этот **мир — это тело Зевса**. Это представление первично по отношению к сюжетам, которые связаны с Зевсом, или с Герой, или с каким-то другим божеством.

А под землей, под горой, под представлением о том, что происходило с Зевсом и

другими олимпийскими богами, оказывается еще более **древняя эпоха**, когда боги выглядели не так, как люди — как думали впоследствии, как мы знаем из античной скульптуры или из живописи Нового времени, — а представляли собой каких-то **чудовищ**. Эта фаза чудовищ, змей, драконов — **тератоморфная эпоха**, — как полагают, предшествовала представлению о человекообразных богах.

А за тератоморфной эпохой... Тут возникает вопрос: а что было раньше, до того? И оказывается, что до того, до чудовищ в представлении носителей так называемого мифологического сознания были **абстрактные категории**. Абстрактные категории с точки зрения современного человека — **порождения более позднего времени**. Греки на самой ранней стадии своего развития представляли себе темноту и свет, ночь и день как мифологические существа, они **оживляли в своем сознании, в своем воображении, в своей фантазии** то, что мы сейчас называем абстрактными категориями.

Миф ускользает от периодизации. Представление о том, что когда-то давно **боги** были **чудовищами**, а потом им на смену приходят **человекообразные боги**, а потом боги сходятся с людьми, **появляются герои**, а за веком героев следует **век обычных людей**, уже оторвавшихся от богов, — сама эта **схема** представляет собой попытку вписать периодизацию мифологии в понятные нам рамки истории, легенд. Мифолог вынужден считаться с тем, что в каждом сюжете, в каждом повествовании одновременно присутствует сжатый, сплюснутый или в виде напластований неразличимо **слились самые разные эпохи** — иногда в одном образе.

Мифы могут быть **многослойными** по смыслу, например, **миф о Минотавре и лабиринте**. Внутри этого сюжета есть и **тератоморфная фаза** — ужас от страшного чудовища, сына Пасифаи от быка. А с другой стороны, вся эта история — это история о цивилизаторской миссии, о **Дедале — строителе лабиринта**, о замечательном **открытии архитектуры**, которая на наших глазах происходила на Крите.

2. Карта космоса и щит Ахилла. Если верить мифам, ни один из воителей, как ахейских, так и троянских, не имел такого великолепного щита, каким обладал **Ахилл**, сын Фетиды. Его не было даже у небожителей, которые порой сходили со своего многоснежного Олимпа на землю, чтобы встретиться с любившимися им людьми или вступить в битву, защищая своих любимцев. Для описания этого щита Гомеру потребовалось сто двадцать пять строк, тогда как для всего остального оружия, выкованного Гефестом по просьбе Фетиды, хватило и шести.

Почему **Гефесту** пришлось в голову изобразить на щите всю землю, небо и звезды, не говоря уже о многочисленных эпизодах сельской и городской жизни? Ведь воину, каким был Ахилл, важно было не то, как разрисован щит, а крепок ли он и сумеет ли противостоять ударам вражеских копий, дротиков и стрел!

Недоумение рассеется, если знать, что Фетида была не смертной женщиной, а богиней, и не просто богиней, а приближенной к прародителю богов Океану, первенцу Геи и Урана, рожденному задолго до Крона, — к быстротечному глубокому Океану, окружавшему землю и море. Она знала не из вторых рук, как устроен мир, и попросила **бога-кователя** запечатлеть на щите **карту космоса** и обитаемой земли — ойкумены. По ней Ахилл мог бы отыскать не только землю мирмидонян, где правил его смертный отец Пелей, но и **Трою**, куда он прибыл во главе отряда, чтобы вместе с другими ахейцами отстоять честь Менелая и наказать его оскорбителей.

Как **щит Ахилла** (подобно любому другому щиту) имел **центр** с небольшим возвышением, так и **земля**, имевшая форму щита, обладала в представлениях древних народов **срединной горой**, которую называли «**пупом земли**». В силу слабо развитых географических представлений и уверенности каждого народа в его превосходстве над другими народами греки искали «**пуп земли**» в **своей собственной стране**. Они поместили его на месте знаменитейшего **храма Аполлона в Дельфах**, посещавшегося не только греками, но и чужеземцами. Оставалось только объяснить с помощью мифа, что центральное положение храма — не людская выдумка, а факт, установленный самими богами. За этим дело

не стало! Появился миф, будто Зевс послал с востока и запада двух орлов, которые встретились в воздухе прямо над Дельфами. В знак того, что Дельфы являются «пупом земли», там позднее, когда уже землю представляли в форме шара, был установлен **мраморный шар с двумя золотыми орлами по сторонам**.

Через срединную гору, или «пуп земли», у греков, как и у многих других народов, была мысленно проведена **мировая ось**, верх которой упирался в **Полярную звезду**, а нижняя часть уходила под землю, где располагалось **царство мертвых – аид**, а еще глубже – **тартар**, находящийся на таком же расстоянии от земли, как сама земля от небесной дали. В многосумрачном тартаре залегали **корни земли и моря – все начала и все концы**, и именно туда были низвергнуты **побежденные Зевсом титаны**.

Щит Ахилла помогает нам разобраться в казалось бы хаотических представлениях древних греков о том, что **мы называем миром**, а они именовали «**космосом**». Мы уже на пороге нашего путешествия в страну мифов узнаем, каким было пространство, где разворачивалось великое мифологическое действо, **великая трагедия**, участниками которой были **богини и боги, титаны, гиганты, смертные мужчины и женщины**, иногда удостоенные встречаться с небожителями, вступать с ними в брак и рождать от них героев.

Действо развивалось не только в пространстве, но и во времени; **мир богов, построенный по образу и подобию мира людей, знал свою историю**.

Спартанки, провожая своих сыновей на войну, напутствовали их: «Со щитом или на щите». Щит Ахилла может быть для нас не только пропуском в страну мифов, но своего рода **компасом**, который не даст заблудиться среди сложных и запутанных лабиринтов древних сказаний. И с самого начала он поможет нам усвоить, что **миф – не сказка, а донаучное объяснение мира**, соответствующее тому времени, когда возможности человека понять природу и историю были ограничены. С его помощью можно понять, что миф сориентирован не только по странам света, а теснейшим образом привязан к местности, острову, городу, и без этой привязки он теряет почву, лишается своеобразия.

Существуют не мифы Эллады вообще, а мифы отдельных ее этнических групп, городов-государств (полисов), хотя и имевшие повсеместное хождение. Возвращение богов и героев на породившую их географическую, этническую, общественную почву – едва ли не единственный путь для выявления исторической основы мифа.

3. Космогонические и теогонические мифы. Миф о происхождении мира (космоса) из первобытного хаоса, рассказанный **Гесиодом**, относится к типу космогонических мифов, согласно которым мир постепенно развился из некоего первоначального бесформенного состояния, но в него вплетены теологические и антропологические сюжеты. На формирование этого греческого мифа, как установлено современной наукой, **повлияли более древние восточные религиозные системы** (вавилонская, хеттская) с их учениями о поколениях богов и борьбе между ними, о закреплении за богами отдельных стихий, о различии между богами и людьми.

Космогония Гесиода не была единственной в греческом мире. Одновременно складывалась и завоевывала признание в низах населения **орфическая космогония**, связанная с культами **Деметры и Диониса**. В ней немало общего с космогонией Гесиода: «Орфей пел и рассказывал, что некогда небо, и земля, и море были соединены в одно, но потом рассорились и разделились». Но в этой космогонии Зевс побеждает не Кроноса, а Фаисеса (Свет или Любовь), а люди мыслятся состоящими из двух начал – дионисийского и титанического (благого и злого).

Для орфизма характерно нетрадиционное толкование происхождения богов. В этом отношении орфики выступают как критики гесиодовской «Теогонии». Эпименид признавал за начала Воздух и Ночь, из брака между которыми возникли Тартар и пара богов, породивших мировое яйцо. У Гесиода нет ни слова о мировом яйце, но в ходячей греческой мифологии мировое яйцо присутствует. Оно связано с мифом о Леде, к которой явился Зевс в облике лебедя, и она снесла после связи с ним два яйца, из которых вылупились Елена и Диоскуры.

Другой орфик – Ферекид (V в. до н. э.) – начинал свою «Теогонию» словами: «Зевс и Хронос (время) и Хтония, также ей имя Земля». Здесь появляется неизвестная Гесиоду триада богов, среди которых **Хронос** – переосмысление гесиодовского Кроноса (этимологически Кронос и Хронос не связаны). **Появление времени** как безначальной категории вместо Кроноса, этапа в истории космоса у Гесиода, – явление знаменательное в плане развития греческой мысли.

Главное в орфизме – это подчеркивание **центральной роли Диониса**, с гибелью которого от рук титанов связывается начало **истории человечества**. В мифическом образе **расчленения Диониса на части** с последующим его воображаемым соединением воплощается орфическое представление о судьбе человечества, повторяющего судьбу Диониса. В этом пункте орфизм смыкается с **христианским вероучением**.

В начале всего был бесформенный, неопределенный в своих размерах **Хаос**, затем появились широкохолмая **Гея** (Земля), глубоко залегающий в ее недрах сумрачный **Тартар** и извечная, существовавшая еще до них **сила влечения** – **Эрос**. Этим же словом греки называли божка любви, сопутствовавшего богине любви Афродите, но Эрос, стоявший в начале мироздания, исключает то, что понимается самим Гесиодом под словом «любовь»: «Девичий шепот любовный, улыбки и смех и обманы, сладкая нега любви и пьянящая радость объятий». Он исключает какое бы то ни было чувство – было бы странным представить себе, что метеорит, летящий к земле, направляется силой любви. **Эрос** – это то, что мы назвали бы **силой тяготения**, существующей в мировом пространстве **как закон**. И эта сила **приводит в движение** и Хаос и Землю. Хаос производит женское начало – **Ночь** и мужское начало – **Мрак** (Эреб).

Порождения Ночи – и мрачные, беспощадные божества смерти: **Кер** (уничтожение), и **Танат** (Смерть), и **Сон** (Гипнос), и целая толпа сновидений, и бесстрастные **мойры**, в чьих руках с появлением человеческого рода сосредоточится **людская судьба**, и грозная богиня возмездия **Немесиды**, и **Обман**, и **Старость**, и воплотившая в себе соперничество и раздоры **Эриды**, которая принесла еще не возникшему человечеству свое недоброе потомство – **Изнурительный труд**, **Голод**, **Скорби**, **Битвы**, **Убийства**, **Лживые слова**, **Судебные тяжбы** и **Беззакония**, но принесла и непреклонно справедливого Орка, карающего всякого, кто дает лживую клятву.

А из соединения **Ночи с Эребом** рождаются легкий прозрачный Эфир и сияющий День. **Свет из Тьмы!** Этот образ известен и восточной мудрости: «И увидел Бог свет, что он хорош, и отделил свет от тьмы, и назвал Бог свет днем, а тьму назвал ночью». Но в греческой картине сотворения мира в отличие от библейской **нет Бога, который творит, испытывая от этого радость**. Эрос, занимающий место творца, соединяет и разъединяет, но сам не ощущает ни красоты, ни безобразия. В мире еще **нет чувств**, но уже **существует Закон**.

Пробуждается и широкохолмая **Гея**. Сначала ею рожден был **Уран (Небо)**, чтобы дать богам прочное и вечное жилище, затем поднялись из недр ее Горы, чтобы могли найти там бессмертные временный приют, заполнили лесистые их склоны рожденные ею **нимфы**, разлилось по равнинам возлюбленное ею детище **Море (Понт)**.

Уран – олицетворение мужского начала («небо» в греческом языке мужского рода). Породила его Гея равным себе по величине, и Уран, по словам Гесиода, «точно покрыл землю» – мифологический образ, вызванный иллюзией, будто **чаша неба** точно накрывает лежащее под ней **плоское блюдо земли**. Покрытие Небом Земли, понимавшееся как соединение Мужчины и Женщины, привело к появлению **богов первого поколения** – их было **двенадцать**: шесть братьев и шесть сестер, могучих и прекрасных.

Не единственными они были детьми от союза Геи и Урана. Производит Гея на свет также трех огромных уродливых Круглоглазых (киклопов) с большим оком посреди лба, а вслед за ними еще трех надменных великанов – Сторуких. Но лишь титаны, взяв в жены своих сестер, заполнили просторы Матери-Земли и Отца-Неба своим потомством: они дали начало великому племени богов самого древнего поколения.

У старшего из них, могучего **Океана**, которого поэты называли «**началом всего**», было три тысячи дочерей, прекрасноволосых **океанид**, и столько же пронизавших всю сушу звонких речных потоков. Смертным никогда не запомнить их имен, как не вычерпать их вод, питаемых Океаном. Об истоках потоков-братьев Нила, Эридана и Истра знают лишь живущие на краю света суровые киммерийцы, блаженные эфиопы и черные человечки пигмеи, неустанно ведущие войну с журавлями. Какой смельчак найдет к ним пути? А если найдет, сумеет ли вернуться назад? Дано это лишь **Гелиосу (Солнцу)**, порожденному вместе с **Селеной (Луной)**, **Эос (Зарей)** и многочисленными Звездами другой парой титанов, занявшей высоты мироздания, да, может быть, быстролетным **ветрам Борею, Ноту и Зефиру** – крылатым внукам третьей их пары.

Младшим сыном Геи и Урана был **Крон**, дерзкий и нетерпеливый. Не захотел он выносить не только высокомерного покровительства старших братьев, но и власти собственного отца.

Может быть, и не решился бы он поднять на него руку и посягнуть на верховную власть, если бы не мать Гея. Поделилась она с возмужавшим сыном давней обидой на супруга: возненавидел Уран за уродство сыновей – Сторуких великанов и заточил, опутав цепями, в ее не знающие солнечного света глубины. Встретив в сыне поддержку, выбросила Гея из своих недр твердый сплав железа адамант, превратила его сильными руками в острый **серб** и передала Крону, чтобы навсегда лишил он отца возможности иметь потомство, раз тот не умел любить своих детей, какими бы они ни являлись на свет.

Подкравшись к Урану под покровом Никты, недрогнувшей рукой оскотил его Крон и захватил отцовскую власть. Взяв в жены сестру свою Рею, Крон положил начало новому племени, которому люди дали имя богов. Но, поднявший руку на отца, опасался коварный Крон своего потомства и, чтобы никто не лишил его власти, стал проглатывать собственных детей, едва они рождались.

Горько жаловалась Рея на свою печальную участь Матери-Земле и получила от нее совет, как спасти очередного младенца. Как только ребенок появился на свет, Гея сама укрыла его в одной из тех недоступных пещер, которых так много в ее необъятных недрах, а Рея передала супругу запеленатый камень.

Тем временем **Зевс** – так назвала счастливая мать спасенного младенца – стал расти в скрытой от глаз глубокой пещере на склонах лесистой Иды, самой высокой горы острова Крита, лежащего посреди виноцветного моря. Там охраняли его юноши куреты и корибанты, заглушая детский плач ударами медных щитов и бряцанием оружия, а благороднейшая из коз **Амалфея кормила его своим молоком**. За это Зевс, заняв впоследствии подобающее место на Олимпе, постоянно заботился о ней, а после смерти вознес ее на небо, чтобы вечно сияла она в созвездии **Возничего**. Впрочем, шкуру своей кормилицы Зевс решил оставить себе, изготовив из нее **щит – знак высшей власти**. Этот щит так и называли «**эгидой**», от греческого слова «**коза**». По нему Зевс получил один из самых своих распространенных эпитетов – **эгидодержавный**. А рог, который Амалфея как-то раз по неосторожности сломала еще во время своей земной жизни, владыка богов превратил в **рог изобилия** и отдал своей дочери Эйрене, покровительнице мира. Возмужав, Зевс стал сильнее отца и не хитростью, как Крон, а силой поборол его и заставил извергнуть из чрева проглоченных братьев и сестер. Это были **Аид, Посейдон, Гера, Деметра и Гестия**. Приближался конец эры титанов, которые заполнили к этому времени несколькими своими поколениями небесные и земные просторы. Начиналась эра богов, но им предстояло еще победить своих могучих предшественников.

Согласно греческой мифологии, кроме детей **Хаоса, Титанов и Олимпийских богов**, землю населяли и много других божеств, олицетворяющих силы природы. Так, в реках и ручьях жили нимфы **Наяды**, в море - **Нереиды**, в лесах - **Дриады** и **Сатиры**, в горах - нимфа **Эхо**. Жизнь человека распоряжались три богини-Судьбы - **Мойры** (Лахесис, Клото, Атропос). Это они пряли нить человеческой жизни от рождения до самой смерти и могли её оборвать, когда хотели...

4. Человечество в древнегреческой мифологии.

Создали прежде всего поколение людей золотое
Вечноживущие боги, владельцы жилищ олимпийских...

Гесиод (пер. В. Вересаева)

Нашлось в Космосе место и человечеству. Но вело оно свое происхождение не от Крона. Творцом рода человеческого большинство поэтов считало **Прометея**, сына титана Иапета и одной из океанид. Именно он взял мягкую глину из тела Земли, давшей жизнь поколению титанов, замешал ее с водой речных потоков, быстротечных сынов Океана, и вылепил людей как земное подобие богов, ибо общая с бессмертными у них Мать-Земля. Первые люди не знали ни изнурительного труда, ни иссушающих забот, ни горестей: неистощенная земля, не терзаемая ни плугом, ни мотыгой, давала им все в изобилии. Стоило протянуть руку, чтобы в ней оказался сладчайший плод. Хлеб родился без пахоты и посева. Животные не боялись человека и давали ему свое молоко. Свирепые хищники, может быть, где-то и жили, но они не беспокоили людей. Не знали люди старости и недугов. Смерть, наступавшая после долгой жизни, была безболезненна, как сон. Время жизни первых людей называли **золотым веком**.

Исчезло это поколение, когда низвержен был в тартар Крон. Но Зевс не изгнал людей золотого века вместе с титанами с лица Матери-Земли. Превратились они волей могучего бога в невидимых покровителей новых людских поколений, сколько их ни будет рождено, в безмолвных свидетелей правых и неправых дел.

Второму человеческому поколению, названному **серебряным**, жилось намного хуже, чем первому. Но оно не ведало об этом, ибо **не дали ему боги разума**. Сто лет люди росли несмышлениками в домах своих матерей и тешили себя детскими забавами. Едва достигнув зрелости и набравшись кое-какого ума, они вскоре умирали, так и не успев насладиться полноценной жизнью. Не видя от этого поколения ни послушания, ни почестей, **не находя** в нем какой-либо **пользы**, Зевс упрятал его глубоко под землю.

Третье людское поколение, созданное Зевсом, называли **медным**. Люди с малолетства были вооружены копьями с медными наконечниками, носили медные доспехи, обитали в домах с медной кровлей и непробиваемыми медными стенами. Были они **могучи телом и свирепы духом**. Питались же мясом животных, не ведая вкуса хлеба. Каждый видел в соседе врага. Они вели бесконечные **войны**, и никто из них не мог объяснить из-за чего. Зевс побаивался этих людей и спустил их в самую глубокую и страшную область подземного мира, чтобы никто о них не слышал и не знал их имен.

Четвертое поколение обитателей земли оказалось справедливее и лучше первых трех. Это были **герои, или полубоги**, потому что происходили от богов или богинь, вступивших в связь со смертными людьми. Многие герои полегли в сражениях под стенами Фив или Трои, перебив друг друга, или погибли при возвращении на родину. Уцелевших Зевс переселил на острова, омываемые Океаном, и дал им **блаженную жизнь людей золотого века**.

Пятое поколение, появившееся после Троянской войны, греки называли **железным** и описывали его жизнь в самых мрачных тонах, предрекая при этом еще более суровое будущее:

Дети с отцами, с детьми – их отцы сговориться не смогут.
Чуждыми станут товарищ товарищу, гостю – хозяин.
Больше не будет меж братьев любви, как бывало когда-то,
Старых родителей скоро совсем почитать перестанут...
Правду заменит кулак. Города подпадут разграбленью...
Стыд пропадет. Человеку хорошему люди худые
Лживыми станут вредить показаньями, ложно кляняся...
Скорбно с широкодорожной земли на Олимп многоглавый,
Крепко плащом белоснежным закутав прекрасное тело,
К вечным богам вознесутся тогда, отлетевши от смертных,
Совесть и стыд. Лишь одни жесточайшие тяжкие беды

Останутся людям... .

Здесь в миф вторгается современность, социальный и личный опыт поэта, противопоставившего свое злое время мифологическому прошлому. О бедах людей железного века, однако, говорится в будущем времени, которое наступит, если люди не останутся в своих злодеяниях и не восстановится утрачиваемое почитание родителей детьми, товарищество, братство.

Подобное пророчество появляется в греческой литературе впервые у Гесиода. Оно имеет в качестве источника мощную струю древневосточной, прежде всего шумеро-вавилонской и иудейской литературы, использовавшей задолго до Гесиода ту же формулу критики современных социальных и моральных устоев.

5. Миф о человечестве, о Прометее и Пандоре.

Согласно греческому мифу, боги существовали до человека. Миром правили боги, жившие на многовершинном Олимпе, сильные и красивые, всеведущие и всемогущие. Всего у них было в достатке. Сытые и веселые, они считали, что все блага должны принадлежать им одним. И не было у олимпийцев соперников, кроме более древних властителей – титанов, порожденных Землей и Небом. Посланцем мира между богами и еще не поверженными тогда титанами был юный Прометей, сын вольнолюбивого титана Иапета.

Душа появляется только с появлением человека. Это прежде всего человеческая душа. И появляется она потому, что без нее у богов не получалось создать людей. Об этом говорится у разных авторов — от Гесиода до Платона. В диалоге Платона «Протагор», главные герои которого, Сократ и Протагор, обсуждают, как вообще понимать главное в человеке, Протагор рассказывает о происхождении души. И говорит он, что в создании человека принимали участие два персонажа. Титаны, то есть представители старшего поколения богов, сыновья Иапета, дядья Зевса. Они уже подчинены Зевсу и выполняют приказы Зевса. И им было дано поручение — создать человека.

Когда это поручение было дано, Эпиметей — в переводе с греческого его имя означает «крепкий задним умом» — решил распределить разные свойства среди всех живых существ, не только среди людей, которых еще и не было — их из глины налепили, обожгли, они как горшки пустые стояли, а когда начинали действовать — разбивались, враждовали друг с другом, не знали, как вести себя. И Эпиметей решил всех наделить свойствами. Но он так увлекся, распределяя эти свойства среди разных животных — кому-то дал шерсть, чтобы это животное не мерзло, какому-то животному дал способность плавать в воде, — разделил всех так, что пищевая цепочка, о которой мы знаем, была достаточно гармоничная, и только одно существо он не наделил ничем. Это существо — человек. Тогда люди не знавшие Огня бродили стадами по лесам и долам, собирая случайную пищу или нападая на диких животных. Если охота была удачной, они разрывали зверя на части и съедали мясо сырым. С наступлением темноты они валились на землю, зарываясь с головой в листву. Убежищами им служили пещеры, во мраке которых они жили вместе с летучими мышами и откуда убегали без оглядки, если пещеру облюбовал какой-нибудь опасный хищник.

Когда пришел Прометей, увидел, что наделал его брат Эпиметей, он понял, что нельзя обойтись без одной божественной сущности. Но эта божественная сущность ему недоступна, потому что она находится в руках у сына Зевса и Геры Гефеста, который был величайшим мастером и принадлежит к богам. А штука эта называется **Огнем**.

Прометей был наделен чутким сердцем и храброй душой. Не раз по дороге на Олимп он встречал людей, дрожащих от холода, страдающих от болезней и невежества. И хотя люди никому не жаловались, Прометей их пожалел и не побоялся облегчить им жизнь вопреки воле богов.

Как вестник мира Прометей поднимался на Олимп с жезлом в руке. Боги к этому привыкли, не заметив, что однажды Прометей пришел к ним с похожим на жезл полым тростником. Незаметно положил Прометей в тростник тлеющий уголек из очага богов. Спустившись на землю, он засыпал его у людского становища золой. Нашли люди огонь и

взяли его к себе. Они кормили его сухими ветками, защищали от сильных порывов ветра. Они делились друг с другом его теплом. С помощью огня человек изгнал из пещер хищников, научился жарить на углях мясо, обжигать горшки, варить пищу, плавить руду и изобрел многое другое, необходимое для жизни.

Но **огонь**, который украл Прометей у богов для человека, на самом деле и есть та **субстанция**, благодаря которой люди могут **взаимодействовать**. Им **обожжены тела, вовнутрь** помещено то, что мы называем **огнем**. . Две линзочки – глаза. И человек, заглянувший в эти линзочки, в глаза другого человека или животного, видит там подобную своей душе. Это некий общий котел, который существует где-то на небесах, которым пользуется Гефест, чтобы что-то создать. Боги пользуются этим огнем, умеют им пользоваться, это тонкое пламя. И этим тонким пламенем оказались наделены люди.

Боги возмутились поведением Прометея. Увидели, что человек наделен чем-то, чем он не умеет как следует пользоваться. Он узнает другого и благодаря этому узнаванию понимает, что **другой такой же, как я**. Но свою собственную сущность понять, познать никак не может.

Благодаря наличию этого огня, этой огненной субстанции души человек может пожелать что-то, что ему не присуще, например бессмертие, как у богов.

А этого ему не положено.

Взглянул однажды отец богов Зевс на землю и удивился. Люди больше не бродили стадами, а жили семьями в хижинах и домах. Они определяли время по небесным светилам, овладели искусствами, и если бы не смерть, против которой они были бессильны, их можно было принять за богов. И стал Кронид в ярости громыхать и швырять куда попало стрелы молний, когда же опустел его колчан, он вызвал к себе послушных слуг Силу и Власть, приказал им отвести Прометея в холодную землю скифов и приковать его там к скале. Вместе с ними он отрядил **бога-кователя Гефеста** с огромным молотом и толстыми железными цепями.

Был долог и медлен скорбный путь. В страхе перед идущими скрывались люди, звери и птицы. Смолкали цикады, сторали травы, переставали звенеть по камням ручьи. Наконец, показались осыпи камней и уродливые, словно застывшие в судороге, морщинистые скалы. С ледяных вершин Кавказа повеяло вечным холодом.

– Остановитесь, – сказал Гефест своим спутникам, но от одного взгляда на непреклонные лица Силы и Власти осекся, поняв, что жестокая воля Зевса для них закон.

– Здесь! – молвила Власть, указывая на плоский утес. – Вот вечное место его мук. Приступай к делу, Гефест!

Гефест медлил, с содроганием глядя на свой молот, который по воле Зевса должен стать орудием казни.

– Поторапливайся! – приказала Сила. – И помни, что бывает с ослушниками.

Тяжко вздохнув, Гефест повалил Прометея на утес и прикрепил последние звенья цепей острыми клиньями. Отведя взгляд, чтобы не видеть пылающих, как угли, глаз Прометея, Гефест остановил его на ладони титана. «Нет, это не рука вора, похитившего огонь, – подумал он. – Рука мастера, и обречена она на тысячелетия бездействия! Какого бы прекрасного помощника обрел я в кузнице, не приди ему в голову отдать огонь людишкам».

– Возьми! – послышался резкий голос Власти, и Гефест ощутил холодное прикосновение металла. – Возьми и пробей ему этим грудь.

Гефест закрыл глаза и не глядя вбил **острие в грудь титана**. Дрогнув Прометей, но ни один стон не вырвался из его уст. И только когда удалились мучители, он закричал – и так громко, что его мог услышать на противоположном краю земли его брат Атлант, поддерживающий небесный свод.

– Я не жалею, что принес людям Огонь. А Зевс пусть знает, что власть его не вечна. Будет он свергнут с Олимпа, и ведомо лишь мне одному, как мог бы он избежать падения, но не вырвать ему из моих уст этой тайны!

Донеслись гордые слова на многовершинный Олимп. И послал встревоженный Зевс быстролетного вестника богов Гермеса, угрожая узнику небывалыми карами, если не захочет он раскрыть своей тайны. Но не испугали титана угрозы, непоколебим он в гордом презрении к владыке богов и его покорному прислужнику.

Снова стал Зевс в ярости громыхать и метать молнии. Но захохотал в ответ Прометей, и лишь эхо разнеслось по земле. Тогда обрушилась по воле Зевса скала с титаном на долгие столетия в вечную тьму, а когда был возвращен Прометей на землю, ждали его новые муки.

Отправил громовежец на Кавказ своего орла, приказав, чтобы хищник раздирал когтями тело титана и клевал его печень. За ночь страшная рана затягивалась и печень отрастала. На заре же над Кавказом вновь слышался плеск гигантских крыльев, заслонявших солнце. Орел опускался на грудь Прометея, и его муки возобновлялись. Веками длились страдания Прометея. Но столь же долгой была людская благодарность. Гончары и **люди** других огненных профессий **почитали Прометея как бога**. Поэты всех времен и поколений прославляли в своих творениях Прометея как борца с несправедливостью и освободителя человечества.

Узнав о передаче людям божественного огня, Зевс не ограничился страшным наказанием Прометея, но продумал план мести и людям, поднятым титаном из мрака.

Пандора

Человечеству приходится **расплачиваться не только за собственные ошибки и преступления, но и за оказанные ему благодеяния, которые приближают его к богам**. Так может быть осмыслен миф. Как и миф о Пандоре, которая в своем ларце держала все возможные болезни, страхи, несчастья.

Гефест, узнав, что его требует Зевс, бросив молот и наковальню, полетел на Олимп. Его поразила куча земли, возвышавшаяся у трона, и он вспомнил, что гнев отца был вызван забавами несчастного Прометея над этим грязным и непрочным материалом.

– Вот, – сказал Зевс, показывая на глину. – Возьми и вылепи прекрасную деву, чтобы она ни в чем не уступала богиням.

Гефест поскреб пятерней затылок.

– Тебе что-нибудь неясно? – нахмурил брови Зевс.

– Видишь ли, отец, у меня от молота огрубели пальцы, а это тонкая работа, и еще...

– Что еще? – перебил Зевс.

– Ты говоришь – не хуже богинь? Но они не похожи друг на друга. С кого лепить? Ведь если с моей супруги, Гера и Афина обидятся.

– Это верно! – кивнул Зевс. – Чтобы избежать ссоры, возьми у Афродиты губы, у Афины – руки, а у Геры... Впрочем, у Геры ничего не бери.

Через день Гефест явился со своей работой. Богини и боги откуда-то узнали, что Гефест лепит прекраснейшую из дев, и уже ожидали его появления. Обступив статую, они внимательно рассматривали ее.

– Какие у нее чудесные губы! – произнесла Афродита. – Эта глиняная девушка создана для любви.

– А я думаю, – возразила Афина, – что самое лучшее у нее – руки. Прекрасная будет работница.

– Ты права, Афина! – сказала Гера. – Именно руки! Зачем ей красивые губы? И так на свете слишком много дев, умеющих завлекать мужей.

– Почему она молчит? – спросил Гермес. – Служанка должна говорить, хотя бы немного.

– Это верно! – прогудел Гефест. – Но о голосе мне не было сказано, а сам я не решаю.

– Ничего страшного! – отозвался Гермес. – Я поделюсь своим голосом. Меня ведь слышно издали.

– Зачем красивой деве грубый голос глашатая? Ей нужен голос музы! – вмешался Аполлон. – Я об этом позабочусь.

Дождавшись, когда каждый из богов вручил глиняной девушке свой дар, Зевс пододвинул к себе плоское блюдо, на котором скрючившись, как раки, лежали какие-то существа, и сказал, обращаясь к богам и богиням:

– Каждый из вас одарил эту девушку всем, чем счел нужным. Теперь моя пора. Всовывая в мягкую глину груди первого рачка, он сказал:

– Это хитрость!

Вставляя остальные, он приговаривал:

– Это коварство! Это завистливость! Это заносчивость! Это предательство!

– **Зачем же такому чудовищу красивая внешность? – возмутилась Афродита.**

– Тем вернее она привлечет смертных! – сказал Зевс после короткого раздумья. – Ведь их взгляд поверхностен. **Красота для них – как яркий свет для мотыльков.** Они летят на нее и гибнут.

Сказав это, он обнял глиняную девушку, приложил к ее губам свои божественные уста и выдохнул воздух из могучей груди. Глиняная дева открыла глаза и, улыбнувшись, прошла между богинями, вызывая их зависть юной красотой.

– Иди ко мне, **Пандора!** – сказал Зевс.

Догадавшись, что зовут ее, дева обернулась.

– А что это значит – Пандора? – спросила она. Голос у нее был удивительной красоты и мелодичности.

– **Одаренная всеми!** – отозвался Зевс. – Каждый из нас вложил в тебя свой дар. Но я приготовил для тебя еще это.

Зевс поднял сосуд, закрытый крышкой, и когда та прижала его к груди, пояснил:

– Это твое приданое.

– А что такое приданое? – спросила Пандора.

– Отец и мать на земле, – проговорил Зевс, – готовя девушку к семейной жизни, собирают дары для того, кто станет ее супругом. Поскольку я задумал тебя, приданое даю я.

– А кто мой будущий муж? – с любопытством поинтересовалась Пандора. – Он такой же бог, как ты?

Зевс яростно повел плечами.

– Он сын могучего титана. Его зовут **Эпиметей**. Найди его и вручи этот сосуд неприкосновенным.

Пандора так и сделала. Она нашла Эпиметея. Он был так восхищен ее красотой, что согласился бы взять в жены и без даров. Сосуд, который ему вручила Пандора, стал для Эпиметея неожиданностью.

– Откуда он у тебя? – встревоженно спросил титан.

– Его передал мне Зевс.

Лицо Эпиметея испуганно вытянулось. Он вспомнил, что Прометей умолял его не принимать от Зевса никаких даров.

Взяв сосуд, он отнес его в кладовую, решив, что посоветуется с Прометеем, как быть. Но любовь не оставила для этого времени. Пандора же все время помнила о своем приданом. Улучив момент, когда супруг уснул, она проникла в кладовую и открыла сосуд. Оттуда роем вылетели несчастья и беды, которые Зевс загодя приготовил для человечества. На дне осталась одна надежда.

Несчастья и напасти и охватили человека. Душа же осталась единственной сущностью, которая могла помочь людям — и каждому отдельному человеку, и всем вместе — этим напастям как-то противостоять. Как — это уже другой вопрос. Но первый и основной источник понимания, что эта **огненная сущность — единственное**, что держит человека и позволяет ему **сохранять в себе божественное**, — это понимание лежало в **основе греческого мифа о душе**. Хотя увидеть ее так же невозможно.

Здесь возникает проблема, о которой часто вообще не хотят задумываться. Эта проблема — **как соотносятся душа и тело**. Мы знаем о телесной выраженности греческой культуры, что через тело, через воплощение любой абстрактной, отвлеченной идеи в мифе, в

предании и выражает себя эта культура. Но вместе с тем, особенно учитывая, например, христианскую традицию, где предпочтение отдается душе перед телом, потому что душа бессмертна, а тело смертно. Душа — это то, что делает человека человеком в высшем смысле этого слова. Это, например, прекрасно выражено в русской поэзии. Вот замечательное четверостишие Владислава Ходасевича:

Пробочка над крепким йодом,
Как ты скоро перетлела,
Так вот и душа незримо
Жжет и разъедает тело.

Душа здесь — та самая огненная, едкая, разъедающая сила, которая сама по себе бессмертна. И, покинув тело этого человека, опять погружается в свое Солнце, в общий огненный мир, где находятся и другие души, очищается там от жизни этого человека. Но при этом человек исчезает навсегда. Это «Я» уходит. Отсюда очень развитая в греческом мифе тема диалога, собеседования человека с собственной душой, моего «Я» со мной самим. Это «Я» может быть Одиссей, который разговаривает со своим сердцем, и это сердце на гомеровском языке тоже душа. Это «Я» может быть Марк Аврелий, который говорит сам с собой. Это «Я» может быть Прометей, который проклинал свой подвиг, свое дарование души человеку, когда Зевс приковал его к Кавказу, к этой горе где-то в краю скифов. И каждый день его печень клевал орел, и каждый день эта печень отрастала.

А что такое печень? Печень — это железа, которая порождает мембрану, внутри которой и живет, по-видимому, душа. Но где она на самом деле живет, где она находится — в сердце, в печени, в голове, в какой части человеческого тела, — на этот вопрос греческая мифология нам ответа не дает. Но не дает нам его и наука психология.

6. Мифы об обществе

Миф — это предание прежде всего об отношениях богов и об отношениях богов и людей, богов как сообщества и людей как сообщества.

В основе этого отношения лежит представление о том, что у богов есть все: у них есть бессмертие, у них есть люди, которые поставляют им жертвоприношения, например воскурения или возлияния, а то и просто дают им попробовать жареное мясо, причем лучшие куски, — все у них есть. В их жилах течет не какая-то такая кровь, которая у людей, а ихор — божественная кровь. Боги питаются амброзией и нектаром — это их пища, это их питье. У них все другое, это, так сказать, сообщество, которое наслаждается бессмертием.

Но есть только одно свойство, которое греки называли завистью богов. Боги завидуют людям в одном отношении. Хотя люди смертные, чему завидовать? Но люди обладают страстями, то есть такой болью, которая может быстро превратиться в наслаждение, и таким наслаждением, которое не боится боли. Само понимание жизни как сущности, которая прерывается, составляет основу нашего существования. Боги этого не знают, они вечные, им скучно. И зависть как основа отношений между людьми и богами — это социальное явление. И это социальное явление описывает нам греческая мифология — это одна сторона.

Другая сторона — сам человек. Когда мы говорим, что в этом большом мире отношения между людьми и богами, отношения между самими богами иногда представлены комически, карикатурно, — это и есть социальность в сознании древнего человека. Мы не должны забывать, что и внутри каждого человека происходит социальная жизнь. Почему внутри каждого? Потому что каждый существует отдельно как отдельное живое существо, но каждое живое существо еще и социально. Оно собирается на празднество, оно собирается для совместных жертвоприношений, оно собирается для того, чтобы наиболее разумным образом продлить род — именно этот, чтобы эти люди дали потомство и следующее поколение выросло с их ценностями, с их представлениями. Поэтому первичное представление о так называемом родовом проклятии, которым проникнута вся древнегреческая литература и мифология, которое возникает в силу прегрешений старшего

поколения и потом разворачивается в следующих поколениях, — это тоже представление об **обществе**, совершающем какую-то **ошибку** и потом за эту ошибку **расплачиваемся**.

Наконец, представление о том, что общество — это два, три, четыре человека, разговаривающих между собой, укоренено в очень ранних греческих мифах. Например, в мифе о рождении Гермеса и о том, что должен был сделать Гермес, для того чтобы исправить ошибки, допущенные при создании человека Прометеем и Эпиметеем. Когда Прометей и Эпиметей сделали, сварганили человека и этот человек начал существовать, действовать, **Зевс захотел** каким-то образом внедрить в человеческое сообщество свойства, которые **удержали бы это сообщество от всемогущества**, излишнего, избыточного всемогущества, и вместе с тем это должны быть свойства, которые позволяли бы людям жить **гармоничной жизнью**, ведь **боги**, согласно этому представлению, **зависят от людей**. Как же сделать так, чтобы жизнь людей, с одной стороны, их всех как массу немножко ослабляла, а с другой стороны, позволяла им иногда, забыв о заботах, приходиться в гармоничное состояние и, наоборот, чувствовать себя всемогущими? И тут приходит бог **Гермес**, бог-воришка, который украл коров Аполлона, который, вообще говоря, с самого момента своего рождения отличается чрезвычайным **хитроумием** и вместе с тем обладает каким-то необыкновенным **даром создавать из ничего**, например, музыкальные инструменты. Он же **придумал лиру**, он придумал инструмент, который потом выменял у него хозяин коров Аполлон, и потом **Аполлон подарил этот инструмент Орфею**, способному с его помощью и с помощью своих прекрасных песен покорять весь мир, заставляя предметы двигаться, заставляя людей то просыпаться, то пробуждаться.

Орфей и есть символ человека, способного с помощью изобретения вора Гермеса **умиротворять людей обманом**, завораживать их.

Это представление о том, что **общество может и должно быть заморожено высшими** силами или каким-то хитрецом, чрезвычайно **важно**. Хитрец как управляющий, например, войском, — вот вам Одиссей — замечательный персонаж, страшный, грозный, но отличающийся таким же хитроумием, как и Гермес.

Одиссей олицетворяет такое удивительное свойство человека, как понимание обмана, и все-таки действие внутри этого **обмана как единственно спасительного**. Когда женихи сватались к Елене, Одиссею удалось уговорить всех во избежание вражды в том случае, если кому-то не понравится выбор Елены, объединиться против любого, кто оспорит решение Елены. И когда Елена выбрала себе в мужа Менелая, все остальные женихи оказались связанными клятвой идти на защиту Менелая в том случае, если кто-то посягнет на Елену, покусится на нее. Этим объясняется, почему греки были вынуждены отправиться в поход на Трою: они были связаны **клятвой помощи Менелая**. Это социальный момент.

Здесь общество — это общество, собирающееся в поход на войну, и, к сожалению, нужно сказать, что все наиболее интересные греческие мифологические циклы имеют дело с **обществом** в первую очередь как с обществом **разбойников**, которые нападают на какую-то другую страну, которые отправляются в далекий поход, чтобы похитить там что-то, которые **идут за золотым руном или которые идут на Трою**. Это общество чрезвычайно интересное, но далеко не все общество.

Есть и мифы о **ячейке общества — о семье**. И эти мифы о семье представляют собой, наверное, главный фонд сюжетов всей мировой литературы. Что такое семья? Это отец, мать, брат, сестра, жених сестры, внезапно возникающий какой-то путник, который приходит издалека и уводит эту сестру от законного жениха, — сколько таких сюжетов. И вот вам, пожалуйста, миф о Минотавре. Мы каждый раз выхватываем из этого сюжета какой-то один интересующий нас образ, например самого Минотавра — этого несчастного получеловека-полубога, сына Пасифаи от быка, который на самом деле был не бык никакой, а просто Зевс, принявший вид быка. И Минос — царь, давший половину имени Минотавру, законный муж Пасифаи — попросил Дедала изготовить корову, в которую должна была залезть Пасифая, для того чтобы сойтись с быком, потому у нее было вожделение к этому быку.

То есть здесь множество каких-то жутких подробностей, в основе которых вместе с тем **представление о культе верховного божества, и этому верховному божеству Минос приносит в жертву свое супружеское счастье.** Но у него есть еще и дочь Ариадна, которая ненавидит Минотавра, своего брата, потому что специально для Минотавра выстроен целый дворец, лабиринт, Минотавру приносят жертвы из Афин на Крит, и она хочет смерти этого человека, этого полубожества-полузверя. Но она его сестра, и вот она с помощью Тезея, которому дает нить, убивает Минотавра. Потом вроде бы должна стать его женой, и Тезей даже берет ее с собой в Афины. Проплывая мимо Наксоса, они останавливаются на Наксосу, и там Тезей бросает Ариадну. Но ее находит другой бык — Дионис, и она там, на Наксосу, становится невестой уже Диониса. Потом она погибнет в страшных мучениях, повесившись на чем-то, на шнурке, удивительно напоминающем ту нить, которую она дала в свое время Тезею.

Вот семейная история, **страшная семейная история.** Это история общества, в котором **есть любовь, есть месть, есть любовь, не знающая границ, есть месть, не знающая границ;** история общества, в котором есть правила, которые должны соблюдать народы и государства, например жертвоприношения, которые должны афиняне как налог платить Криту, — все это есть, и вся эта страшная социальность представлена в мифе.

Музы

Древние греки считали, что каждая сфера их жизни, которую они считали наиболее важной, имеет свою покровительницу, музу.

В соответствии с их представлениями, список муз древней Греции выглядел следующим образом:

Каллиопа – муза эпической поэзии;

Клио – муза истории;

Мельпомена – муза трагедии;

Талия – муза комедии;

Полигимния – муза священных гимнов;

Терпсихора – муза танца;

Эвтерпа – муза поэзии и лирики;

Эрато – муза любовной и свадебной поэзии;

Уrania – муза науки, астрономии.

Девять муз – результат длительного религиозно-мифологического развития.

Первоначально, как и другие боги-множества, музы не имели ни индивидуального облика, ни личного имени. Лишь постепенно в отдельных уголках Греции стали выделяться более ограниченные группы муз, мало похожих на тех, к которым мы привыкли, и имевших совсем другие имена. Древние поэты называют их «старшими», «доолимпийскими». Так, на Геликоне почитались Мелета, Мнема и Аэда, в Дельфах – Нета, Меса и Гипата, в Сикионе – несколько муз (от одной из них дошло имя – Полиматия), на Делосе существовал культ семи муз, чьи имена не сохранились.

Девять муз появляются впервые в «Одиссее», а Гесиод уже называет их имена. В это время они – обитательницы Олимпа, что не мешало им и на земле сохранить за собой излюбленные местности – гору Парнас в Дельфах и гору Геликон в Беотии. В начале поэмы «Теогония» («Происхождение богов») Гесиод обращается к музам Геликона, предстающим не как абстрактные, безликие вдохновительницы поэта, а как очаровательные быстроногие девы, кружащиеся в хороводе на склоне горы вокруг алтаря Зевса. Поэт любит их нежными ступнями, чистой кожей, омытой в роднике Гиппокрены, и слышит их голоса, обращенные к пастухам, пасущим овец на том же Геликоне.

Матерью муз Гесиод называет **Мнемосину**, богиню **Воспоминания**, а отцом – **Зевса** с его царским девятилетним циклом власти:

Девять ночей сопрягался с богинею Зевс промыслитель,

К ней далеко от богов восходя на священное ложе.

Очередная ночь давала одну из муз, и можно думать, что первоначально муза воспринималась как **покровительница каждого года**. По наиболее вероятному значению греческого слова «муса», или «муза», – это «размышляющая, помышляющая, мыслящая», что, видимо, объясняет, почему в качестве матери муз фигурирует **Мнемосина (Память)** – необходимый элемент размышления.

На Парнасе (горный массив, место прибывания муз) с музами был связан Кастальский источник (священный источник бога Аполлона и муз), в котором черпали вдохновение поэты. Это способствовало тому, что музам придали облик нимф и постепенно переориентировали их **из сферы мысли в сферу искусства**. Специализация муз как покровительниц отдельных видов искусства стала возможной лишь с появлением этих искусств.

Во времена же Гесиода еще не было утрачено восприятие муз как «мыслящих», «вспоминающих»: ведь именно музы вместе с богинями поют те **мудрые песни о мироздании**, которые поэт будто бы услышал на склонах Геликона и пересказал в «Теогонии» – поэме о происхождении богов.

Дух греческого мифа, так же как и бытия, – **агон (состяжание)**. И у муз были соперницы – **девять дочерей македонского царя Пиероса**. В то время как музы воспевали в своих песнях победы богов над титанами, **Пиериды** высмеивали трусость небожителей, превратившихся из страха перед Тифоном в зверей (Тифон в греческой мифологии могущественное чудовище, порожденное Геей; олицетворение огненных сил земли и её испарений с их разрушительными действиями. По одной версии мифа, Тифон был рожден Геей и Тартаром, по другой – его породила богиня Гера, ударив рукой по земле. Она сделала это в отместку Зевсу, который сам породил Афину.) Судьи состязания **нимфы**, избранные музами, присудили им победу. Пиериды, не признав этого решения, набросились на Муз, пытаясь оскорбить их действием, и тотчас были превращены в сорок. С тех пор они оглашают леса и поля резкими криками, не дают покоя ни птицам, ни людям.

Контрольные вопросы для самоподготовки студентов:

1. В чем своеобразие древнегреческой мифологии?
2. Назовите известных богов древнегреческой мифологии.
3. Как в мифе описывается человеческая душа?
4. Почему боги были разгневаны действиями Прометея?
5. Как в мифе отражена общественная жизнь греков?
6. Каков смысл греческого мифа о Пандоре?
7. Зачем на щите Ахилла изображение земли?
8. Как в древнегреческом мифе отражается состязательное начало «агон»?

Литература: [1– С.143-153; 188-193; 197-202; 2 – С. 232-262; 3 — С.87-96, 111-112; 199-204 ; 4 – С. 21-212].

Лекция 7. Мифология Древнего Рима.

План.

1. Особенности религии древних римлян.
2. Влияние этрусской и греческой мифологии. Миф о богине Мании.
3. Миф о римском левше (Сцеволе).
4. Легенда об основании Рима. Ромул и Рем.

1. Особенности религии древних римлян. В Италии не было подобного Олимпу обиталища богов. Не было и нескольких поколений богов, стремившихся его занять. Римско-италийские боги порой даже вообще не имели своих имен и вели себя иначе, чем греческие. Они не вступали друг с другом и прекрасными смертными мужами и девами в брачные связи,

и у них не было сыновей– героев, очищающих мир от чудовищ и пользующихся поклонением признательного человечества.

Люди здесь не витали в облаках в поисках связанных с богами тайн. Они хорошо знали, что им нужно от богов. Они выработали свою систему отношений с ними, предусматривающую взаимные обязательства и строгое соблюдение правил. Для того чтобы эту систему понять, нужно изучить рассказы римлян о прошлом своего народа, заменившие им то, что греку давало чтение «Илиады», «Одиссеи», «Теогонии», трагиков и первых историков. В этих повествованиях отразился **религиозный менталитет, превративший римлян во владык мира.**

Римлянин понимал под религией связь человека (и общины) с миром сверхъестественных сил, включая знания об этом мире и о способах, с помощью которых можно было на него повлиять или от него себя обезопасить. Римлянин, попав на Восток, в Сирию или Иудею, при виде людей, бьющих себя в грудь и иступленно что-то выкрикивающих, мог бы принять их за безумцев, не понимающих смысла религии. А смысл этот, по римским понятиям, – **строгое исполнение обязанностей по отношению к богам (духам), что позволяло требовать и от них точности, порядочности.**

Такая религия выработывала черты характера, которые не могли не удивлять соседей римлян – греков: **верность слову, точность** и в то же время – **формализм, отсутствие полета фантазии.**

В чем же все-таки заключается своеобразие римской мифологии по сравнению с другими мифологическими традициями? Большинство древнейших мифов о богах не сохранились, они постепенно, но неуклонно были вытеснены мифами о героях.

Само устройство римского общества, в котором отдельные общины стремились к объединению в крупные городские конгломераты, в котором **политика** играла с каждым веком все большую роль, а государство становилось посредником между гражданином и богами, — в этом и есть самобытность Древнего Рима.

Мифы, рассказывающие о героях, есть отображение глубокого взаимного проникновения **истории и мифа** в сознании римлян. Жизнь человека наполнена божественным присутствием, каждый ее миг человек ответственен за свои поступки. И если они совершаются на благо общины, то и боги тобой довольны. Таковы мифы о сабинянках, Нуме Помпилии, Лукреции, Сцеволе, Кориолане и многих других.

Римская культура постоянно впитывала в себя культуру окружавших ее народов. Да, римляне переименовали и приняли почти весь греческий пантеон, сделали множество заимствований у этрусков и других народов, но тому была очень простая причина. Рим был **государством военным**, за счет завоеваний постоянно расширявшим свои территории и ассимилировавшим культуру завоеванных народов.

Римский героический миф объяснял прошлое, оправдывал настоящее и направлял будущее. Несмотря на некоторую изначальную примитивность, он делал жизнь человека наполненной смыслом: **служение отечеству.**

Но это не означает, что не было легенд и преданий. При этом следует иметь в виду, что римляне очень неохотно раскрывали свой внутренний мир, испытывая страх перед каждым, кто может воспользоваться их знанием им во вред.

Мир этот был широко открыт для внешних влияний и охотно принимал чужих богов и героев, если они готовы были жить по его законам. Одного из них, троянского героя, они объявили своим прародителем. Когда же ими был завоеван мир, они по-хозяйски распорядились со всеми угодными им богами, создав для них в **Риме гостиницу-пантеон.** И только тогда у них появился свой **собственный эпос**, написанный по образцу «Илиады» и «Одиссеи», излагающий на высочайшем художественном уровне бредовую политическую фантазию о господстве над миром. Подобно тому как он объявил территории ближних и дальних соседей своими провинциями, он присвоил себе их богов и героев вместе с мифами о них, создав **своеобразную империю мифов.**

Эта империя в эпоху кризиса империи Римской служила идейной опорой языческой оппозиции к христианству, и именно против нее так яростно выступал Августин Блаженный и другие отцы церкви. Она выстояла. Она пережила и падение императорского Рима, захваченного варварами. К ней обратились уже в эпоху Каролингов, когда римские мифы, наряду с христианскими, были поставлены на службу Священной Римской империи. Но немеркнущим светом она заблестала лишь в XV-XVI веках, в эпоху гуманизма, в творчестве великих поэтов, художников и ваятелей, и с тех пор продолжает служить человечеству, раскрываясь во множестве граней.

В пустых морях, где пел когда-то Арион,
Плывет к земле богов торжественный Вергилий.

...издалека

Перед кончиной грядущее видел Вергилий,
И по дрожанью ему засиявшей звезды
Понял богов, управляющих миром, бессилье
И наступление эры любви возвестил.

В середине II в. до н. э. появился первый написанный на латинском языке прозаический труд, охвативший древнейшую доримскую и раннеримскую историю Италии. Его автор Марк Порций Катон, знаменитый политический деятель и оратор, собрал и изложил легенды и предания не только римлян, но и их соседей, многочисленных племен и народностей Апеннинского полуострова. Если бы этот труд сохранился, мы могли бы говорить о легендах латинян, сабинян, умбров, этрусков, пользуясь исследованием древнего автора. Ныне в нашем распоряжении имеется лишь одно произведение, автор которого использовал сочинение Катона и другие, до нас также не дошедшие труды, касающиеся доримской истории и мифологии. Это «Энеида», поэма в 12 книгах, созданная **Вергилием**.

Как почти все обитатели завоеванной римлянами Италии, поэт имел три имени – Публий Вергилий Марон. Второе, и главное из них, переводится как «девственный», и оно очень согласовывалось с природной застенчивостью поэта. В зрелые его годы она выразилась в том, что он скрывался от восторженных почитателей, толпами ходивших за ним. Более всего Вергилий должен был гордиться третьим именем – **Марон**, которому он был обязан своим предкам-этруским. На их языке оно означает «жрец», и Вергилий сохранил в своем творчестве присущие этруским жрецам пронизательность и пророческую мощь, а вместе с ними и интерес к скрытой от поверхностного взгляда стороне жизни.

«Энеида» – грандиозное мифологическое полотно, как бы созданное по образцу «Илиады» и «Одиссеи». Однако современники еще до обнародования поэмы видели в ней соперницу греческого эпоса:

Прочь отступите вы, римляне, прочь вы, и греки,
Нечто творится важней здесь «Илиады» самой.

Десять лет работал Вергилий над поэмой о троянце Энее, и завершения этого труда, затаив дыхание, ждала едва ли не вся Италия.

Римляне знали «Энеиду» со школьных лет. На стенах разрушенных Везувием Помпей мы видим тщательно выписанные ее строки, нередко с ошибками, говорящими об уровне простонародных знатоков Вергилия. «Энеида» пережила и другую, более грандиозную катастрофу – крушение античного мира, войдя в новый мир неповрежденной и даже вместе с обширными учеными комментариями, объясняющими ее «темные места». «Энеиду» усердно штудировали не только римские мальчики с восковыми табличками в руках, но и монахи в рясах с пергаменными кодексами, а за ними – и университетские школяры.

Латинская грамматика и Вергилий были в Средние века почти что синонимами. На рубеже между Средневековьем и Новым временем Данте избрал Вергилия спутником по потустороннему миру христианского мифа, придав ему черты чародея. И многие другие великие поэты, в том числе Торквато Тассо, Камюэнс, Мильтон, стали подражателями Вергилия в создании национального эпоса. Поклонником Вергилия был французский философ Вольтер, ставивший его выше Гомера, немецкие поэты Фридрих Шиллер и Франц

Грильпарцер, французы Виктор Гюго, Шарль Пеге и Жан Жиано, их английские собратья по перу Редьярд Киплинг и Томас Элиот. Из всемирно известных поэтов «Энеиду» переводили и Иоганн Гёте, и Афанасий Фет, и Валерий Брюсов.

2. Влияние этрусской и греческой мифологии. Миф о богине Мании.

Римляне позаимствовали у этрусов триаду главных этрусских богов: Тин – Уни – Менрва, от которых происходит римская триада богов Юпитер — Юнона — Минерва. Римская Юнона — это этруская Уни (Юно — Juno- юная). Римляне называли богиню Юнону — Юно Матрона — Juno Matrona — покровительница замужних женщин. Римский бог Юпитер — Diupiter = Div pater — «Отец Божий»; “sub Jove” употреблялось в смысле: «под небом» самими римлянами, и Tellus (terra) mater = «Мать-Земля» — «тело матери». Римская Минерва — это этруская богиня Менрва.

Мания – подземная хтоническая богиня, считавшаяся матерью или бабкой Манов (в ранних верованиях преимущественно злые духи), а иногда Ларов/Лазов/Ларвов. Мания была одной из самых ужасных богинь этрусов – насылала на людей безумие.

Об этой богине и ее культе известно из греческих и римских источников. Этрусские источники донесли до нас о ней крайне мало сведений, что объясняется особенностями ее культа, который у этрусов носил тайный сакральный характер. Рассмотрим, что известно об этой страшной этрусской богине.

Богиня Мания имела свой одноименный греческий аналог. В греческой мифологии Мания – персонификация безумия, насылаемого на людей преступивших закон и обычай. Она иногда отождествлялась и Эвменидами – богинями мщения. Храм Мании находился между Аркадией и Мессенией, где по преданию Орест был лишен ума за убийство матери.

Римляне заимствовали культ богини Мании у этрусов по причине большой силы и значимости этой богини, хотя им и претила ее магическая мрачность и жестокость. Из римских источников известно, что Мания – богиня мрака и безумия.

В Риме изображения богини Мании вывешивалось перед домом для его **охраны**. Аналогичные изображения, как принято считать – Горгоны Медузы, вывешивались и делались по фризу зданий у этрусов. Это может указывать на их идентичность, так как культ богини Мании заимствован римлянами у этрусов, а отнесение изображений на этрусских храмах к Горгоне Медузе принято условно, исходя из греческих аналогов подобных изображений. Прототип обряда вывешивания изображения чудовища на домах и храмах существовал еще в древнем Вавилоне. Так маски чудовища Хумбабы у ассиро-вавилонцев служили той же охранной цели. Известно, что изображения **Горгоны** наносились на **щиты этрусских воинов** для устрашения врагов и магического превосходства в сражениях. Видимо, «богиня Медуза» этрусов – это и есть древнейшая богиня Мания/Маниа.

Основной жертвенной пищей богини в римские времена считалась бобовая каша, но этим жертвы Мании не ограничивались. Ее культ у этрусов был связан с человеческими жертвами и отсеченными головами. По этрусским представлениям в голове находилась душа человека. Из этого следует, что страх перед Манией – не просто страх перед смертью, это **страх перед безумием** – гибелью души, после которого гибнет сама внутренняя сущность человека и невозможно его посмертное перерождение. Принесение в жертву головы указывает на древнейшее поверие, что Мания/Медуза – хозяйка Протоокеана, где растворяется даже душа человека. Позднее, в римские времена, вместо голов людей Мании приносили в жертву головку лука и чеснока. В этрусские времена ей приносили в жертву мальчиков, используя ножи, смоченные в крови жертвенного козла.

Как любое военное государство, Рим был обречен на постепенное угасание и разрушение или на непереносимое преобразование. Римская мифология, пройдя различные стадии развития — от принятия греческого пантеона до образования культа императора, в конце концов стала... некоей **основой для победы христианства как религии**.

3. Миф о римском левше (Сцеволе). В 509 г. до н. э. этрусский царь Ларе Порсенна объявил Риму войну. Огромное войско вторглось на территорию страны и все ближе подступало к столице. Еще немного — и Рим был бы взят штурмом.

Тогда один из молодых римских патрициев, Гай Муций Корд, решил проникнуть в лагерь этрусков и убить их царя. Гай знал этрусский язык и, переодевшись в одежду врагов, легко проник в лагерь, но никак не мог понять, кто же из сидящих у главного шатра и есть царь Порсенна. Спросить же он не мог, опасаясь выдать себя.

Тогда юноша решил, что самый нарядно одетый человек и есть вражеский правитель. Он напал на него и заколол кинжалом. Но увы! Это оказался лишь один из придворных царя, самый большой любитель нарядов и украшений.

Гай Муций был тут же схвачен, но отвечать на вопросы отказался. Тогда ему стали грозить пытками. Увидев треножник с пылающим огнем, юноша сам подошел к нему, положил правую руку в пламя и молча, не издавая ни звука, смотрел на Порсенну, пока рука не обуглилась.

Изумленный отвагой и невероятной стойкостью патриция, Порсенна воскликнул: «Если все римляне такие стойкие, то победить их невозможно». Он отпустил Муция, который с той поры стал носить прозвище **Сцевола (Левша)**, и решил начать переговоры о перемирии.

В рокочущем имени Рома
Мне слышится клекот орла,
Раскаты далекого грома
Над миром, сожженным дотла.
Вот к небу вздымаются стены
На страх и на гибель врагам,
И падает вождь Карфагена
К обутым в каллиги ногам.
И все уже недруги немые,
Но в ножны не входят мечи,
И вспомнит об участи Рема
Сам Цезарь в предсмертной ночи.

4. Легенда об основании Рима. Ромул и Рем. Легенды о возникновении великих городов мира никогда не рождаются на пустом месте. Они появляются тогда, когда появляется потребность оправдания завоеваний чужих земель и удовлетворения непомерно раздувшегося честолюбия завоевателей.

Создатель «Сравнительных жизнеописаний» греческий писатель Плутарх дал наиболее полное из до нас дошедших изложение легенды об основании Рима в форме биографии его основателя Ромула. При этом он объединил Ромула и такого же вымышленного афинского героя Тесея в одну пару и именно с нее начал рассказ о замечательных людях древности. Это объединение не только подчеркивало лояльность к владыкам мира римлянам, но имело глубокий внутренний смысл. Подобно тому, как миф о знаменитом афинском герое Тесее был в свое время призван обосновать гегемонию афинян на морях в качестве наследников якобы сокрушенной Тесеем критской державы Миноса, **миф о Ромуле был создан для освящения Римской империи, мировой державы, подчинившей своей власти Средиземноморье, часть Европы и Азии.**

Плутарх и все многочисленные греческие и римские писатели, обращавшиеся к ранней римской истории, стремились разглядеть в перипетиях жизни основателя Рима все то, чем Рим стал впоследствии, в период своего величия, то, чем можно было кичиться завоевателям мира, но уже вызывало не только у завоеванных, но и у самих римлян подчас негодование и ужас. Миф о Ромуле в том виде, в каком он до нас дошел, – это **пророчество задним числом не только о создании могущественной империи, но и о заложенных уже при основании города на Тибре пороках**, приведших к кровопролитным гражданским войнам, которые поставили державу на край пропасти.

Пожалуй, более всего подорвал доверие к принятой римлянами легенде о Ромуле великий знаток античной старины Плутарх, приведя в начале биографии основателя Рима мнения древних авторов о том, «от кого и по какой причине город Рим получил свое великое

и облетевшее все народы имя». По одной версии, городу дали имя пеласги, поселившиеся в нем, в знак силы («кроме») своего оружия. По другой версии, город получил имя по троянке Роме, которая подговорила троянских женщин сжечь стоявшие в устье Тибра троянские корабли и тем самым принудила троянцев искать здесь место для поселения. По третьей версии, Рома была не троянской, а местной женщиной, дочерью Итала, вышедшей замуж за беглеца из Трои Энея.

Таковы мифические претендентки на основание Рима, соперницы Ромула. Но были у него и соперники: Роман, сын Одиссея и Кирки; Ром, посланец воевавшего под Троей Диомеда; латинянин Ромис, изгнавший с территории будущего города пришельцев-этрусков. И даже те, которые отдавали первенство Ромулу, спорили между собой, был ли Ромул сыном Энея или его отдаленным потомком.

Таким образом, официальная легенда о Ромуле, которой с редким единодушием придерживались римские историки и поэты времени Августа (именно ее мы и будем излагать), была одной из многочисленных версий, которая больше устраивала римлян не из-за того, что существовали какие-либо веские данные в ее пользу, а потому, что образу воинственного Рима более подходил мужественный основатель, а не женщина, не латинянин, а, скорее, чужеземец – пеласг или этруск.

Существуют связанные с древними городами словесные формулы, которые не только их переживают, но своей силой сковывают умы последующих поколений и направляют их обращенную в историю мысль лишь по одной, отнюдь не прямой колее. Такова относящаяся к Риму хорошо известная поговорка «город на семи холмах», ориентировавшая специалистов в области древнейшей истории и топографии на рельеф, не обращая внимания на не менее существенную особенность его географических условий – гидрографию. Лишь в конце XIX в. в работах итальянского археолога Р. Ланчани была отмечена исключительно важная роль в исторических судьбах раннего Рима шести перерезающих его территорию и впадающих в Тибр ручьев. Его мысли подхватила в середине XX в. Л. Холланд, которая пошла дальше и попыталась объяснить гидрографией не только политические, но и религиозные аспекты раннеримской истории.

В весеннюю пору эти ручьи (известны названия лишь двух из них – Петрония на Марсовом поле и Ютурна на Форуме) разливались и заблачивали все низины, тем самым создавая препятствия для общения между обитателями разных холмов. Кроме естественных трудностей, возникавших при переправах, существовали преграды, воздвигавшиеся религией.

Римляне, как и другие древние народы, считали ручьи и реки священными. Их воспринимали в образе быков, что само по себе свидетельствует о времени возникновения этих представлений: бык – древнейшее божество средиземноморских религий. Согласно Фесту, реки ассоциировались с быками, поскольку были так же необузданны, как эти животные.

В обращении к рекам античность выработала формулу, сохраненную позднее поэтом Авсонием: «Здравствуй, поток неведомый, священный, благотворный, вечный». Наведение переправы через реку считалось актом, сковывающим вольную силу божественных вод.

Сооружение даже небольших мостков поручалось священнослужителям понтификам (дословно: «мостоделателям»), которые должны были придерживаться священных предписаний. Главным из них был запрет на использование при постройке моста или его ремонте металлов – бронзы или железа. Разумеется, табу на металл могло появиться лишь тогда, когда он воспринимался как нечто чуждое, враждебное природе.

Таким образом, вопреки легенде о создании Рима как города выходцами из Альбы Лонги, само существование которой вызывает сомнения, в превращении сельских поселений в город решающую роль сыграли этруски, обитавшие в непосредственной близости от Рима – на территории Лация. Они одни в те времена обладали техническими возможностями и опытом осушения болот, что привело к объединению сельских поселений на холмах в единый город.

Смотри, как просты и квадратны лица, -

Вскормила их в горах твоих волчица...

Много вынес своих вод к морю могучий Тибр (Альбула) до той поры, когда в Альбе Лонге стал править царь Прок. Было у Прока двое взрослых сыновей – Нумитор и Амулий. Чувствуя, что конец его жизни близок, слабеющий царь вынес на открытое место корону, скипетр и другие знаки власти, а на некотором расстоянии от них приказал взгромоздить кучу сокровищ.

Вокруг же кучи были поставлены овцы и коровы, приведенные с полей. В бляенье и мычание влился голос царя:

– Дети! Я разделил все, чем обладаю, поровну между вами. Тебе, Нумитор, как старшему, дается право выбора.

Недолго думая, Нумитор поднял корону. По губам Амулия скользнула коварная улыбка.

Младший сын Прока понимал, что с такими богатствами, какие достались ему, нетрудно будет приобрести и корону.

Так и случилось. Как только душа Прока удалась к предкам, Амулий без труда отнял у брата власть, но, то ли его пожалев, то ли сочтя для себя неопасным, сохранил ему жизнь.

Было у Нумитора двое детей – сын и дочь. Юношу Амулий погубил во время охоты. Дочь же, Рею Сильвию, назначил жрицею богини домашнего очага Весты. В обязанности весталки входило поддерживать священный огонь и соблюдать безбрачие.

Все продумал коварный Амулий, чтобы на Нумиторе оборвался его род и можно было передать царскую власть собственным сыновьям. Но он не принял в расчет воли богов и их справедливости.

Однажды юная весталка с кувшином на плече спускалась с городского холма в священную рощу Марса, чтобы набрать из бившего там источника ключевой воды для жертвоприношения.

Вдруг, откуда ни возьмись, перед ней среди бела дня вырос огромный волк с зияющей пастью.

Спасаясь, девушка в ужасе забежала в ближайшую пещеру, но зверь настиг ее и тотчас превратился в божественно прекрасного юношу. Это был не кто иной, как сам Марс. Внезапно погасло солнце, и в крошечной мгле, охватившей местность, Марс соединился с Реей Сильвией как муж с женой. Через несколько месяцев о случившемся с весталкой стало ясно по ее фигуре. Страшен был гнев жрецов, узнавших, что Рея Сильвия нарушила обет безбрачия. Что касается Амулия, то он вызвал племянницу и сказал ей:

– Известно ли тебе, несчастная, что тебя ожидает?

– Известно! – ответила Рея Сильвия. – Но да будет известно и тебе, брат моего отца, что я избрана Марсом и ношу в себе божественное семя. Каждый, причинивший мне вред, будет иметь дело с могущественным и мстительным богом.

– Негодница! – вскрикнул разгневанный царь. – Мало того, что ты нарушила священный закон. Ты еще возводишь напраслину на бога! В темницу ее!

Не защитили ни боги, ни люди Рею Сильвию и двух ее крепышей, вскоре родившихся в мрачном подземелье. Оторвали их от материнской груди, дали рабу, приказали утопить, как щенят. Поскольку близ Альбы Лонги для этого не было подходящей реки, исполнительный раб потащил младенцев к Альбуле, как тогда называли Тибр.

Было то время года, когда Альбула наполняется водами и между прибрежными холмами образуются стоячие болота. Утомившись, раб решил не идти до глубокого места и бросил младенцев, которых нес в корзине, на мелководье. Он полагал, что все равно их унесет в глубину или они погибнут как-нибудь иначе.

Едва опрометчивый раб удалился, как младенцы стали хныкать, и на эти звуки из пещеры, что на ближайшем холме Палатине, выбежала, озираясь по сторонам, матерая волчица. Она схватила младенцев зубами и потащила в свое логово, где вскормила их вместе с волчатами. Окрепнув, мальчики стали выползать на свет и однажды попались на глаза

благочестивому царскому пастуху Фаустулу. Он отнес их своей жене Акке Ларенции, которая воспитала найденных как своих собственных детей. Одного мальчика назвали Ромулом, другого – Ремом. Как и их приемные родители, они жили в хижине, сплетенной из тростника и соломы, на берегу мутной Альбулы. И хотя найденные не отличались от пастухов одеждой и не имели на лице или теле каких-либо знаков, их происхождение давало о себе знать чем-то неуловимым во внешнем облике и поведении. Вскоре братьям добровольно подчинилось несколько десятков молодых пастухов, смотревших им в рот и готовых выполнить любое их распоряжение.

Кажется, проявило себя вскоре и молоко волчицы, которого близнецы хлебнули в первые месяцы жизни. Братья вместе с дружиной стали заниматься разбоем – угоняли коз и овец, нападали и на подобных себе разбойников, а добычу делили между всеми пастухами.

Обозленные разбойники не оставались в долгу. Как-то они подстерегли Рема, схватили его, но не расправились с ним по-свойски, а отвели в Альбу Лонгу, надеясь этим поступком искупить собственную вину.

И стал Ромул думать, как выручить брата, которого ожидала верная смерть. Об этом же размышлял и Фаустул, давно уже с удивлением приглядывавшийся к приемным сыновьям и к их необычному для пастухов поведению. Тем более ему стало известно о том, что подобрал он младенцев вскоре после того, как по приказу царя было уничтожено потомство Реи Сильвии.

Не решаясь поделиться своими догадками с посторонними, он поведал о них приемному сыну, возбудив в Ромуле дремавшее честолюбие.

Рема тем временем вели по Альбе Лонге со связанными за спиной руками. Со всех сторон двигались многие из тех, кто пострадал от набегов братьев и их дружины. Нумитор увидел возбужденную толпу, следовавшую к дворцу, и присоединился к ней, ибо его удивили благородный облик пленника и мужество, сохраненное им в беде.

Царь Амулий, выслушав обвинителей, требовавших сурово покарать разбойника, приказал передать юношу для наказания Нумитору, так как от набегов пострадал главным образом его люди. Оставшись с Ремом, старец стал расспрашивать его о родителях. Рем же смог передать лишь то, что слышал от своего приемного отца, – о волчице, вылизывавшей его и брата-близнеца. Так Нумитор понял, что перед ним один из его внуков, и, приказав его развязать, рассказал ему об его истинном происхождении.

Дед и внук, посоветовавшись, послали надежного человека к Ромулу. Явившись в Альбу Лонгу с дружиной, Ромул напал на царский дом и, почти не встретив сопротивления, убил Амулия.

Так тот был наказан за все свои преступления.

После этого Нумитор собрал народ Альбы Лонги и, обливаясь слезами, рассказал о преступлении брата и чудесном спасении внуков. Под ликующий рев толпы Ромул и Рем провозгласили деда царем и надели на его седую голову корону.

За короткое время Нумитор сумел укрепить государство, доведенное при Амулии до жалкого состояния. Быстро увеличилось население города, и царь решил вывести поселенцев к притибрским холмам. Он объявил это решение юношам, и они с радостью возглавили колонистов.

Так появился на свет (кто теперь в это поверит) Рим, под чьей пятой ныне поверженный мир. Так Ромул и Рем с великой радостью отправились к местам, где прошло их детство, чтобы заложить там город. К ним и свободным переселенцам присоединились рабы, собравшиеся во множестве в надежде начать на новых местах свободную жизнь.

Между братьями и ранее бывали недоразумения и ссоры, которые позднее вылились в соперничество. Уже облеченные властью вождей над большим количеством людей, они не договорились о главном. Ромул пожелал основать город на холме, имя которому Палатин. Рему и его свите пришлось по душе лежавший ближе к Тибру Авентин. Заняв еще вечером каждый свой холм, они вместе со спутниками разожгли костры и стали дожидаться рассвета,

когда пробуждаются птицы и песнями приветствуют восходящее солнце. Ведь только птицы, которым доступен полет, в состоянии донести смертным волю небожителей.

Рем долго боролся со сном, но к полуночи задремал. Не услышал он, как где-то рядом выла кормилица-волчица, учуявшая близкую гибель одного из своих питомцев. Он проснулся вместе с рассветом от звуков, напоминающих плач младенца.

Вскинув голову, увидел Рем шесть больших птиц, летящих с севера по направлению к нему.

– Коршуны! – радостно выдохнул он. – Чистейшие из птиц. Город будет на Авентине. И торжествуя, отправил он гонца на Палатин, чтобы известить брата о знамении. Гонец же, приблизившись к Палатину, услышал доносящиеся оттуда ликующие вопли. И сразу же понял их причину. По небу пролетало двенадцать коршунов.

Спор между братьями разгорелся с новой силой. Рем упирал на то, что знамение предстало ему первым и поэтому он имеет право выбора. Ромул же доказывал, что боги на его стороне, ибо они послали ему вдвое большее количество крылатых вестников.

Но у Ромула было больше сторонников, и пришлось Рему скрепя сердце признать первенство брата. Не медля Ромул пригласил из Этрурии жреца, знатока священнодействий, и по его наставлениям приступил к основанию города-крепости.

В указанном ему месте он собственноручно вырыл яму той формы, какую имеет мать-земля, соприкасаясь с небом. Выброшенная наружу почва образовала подобие вала. Торжественно его обходя, этруск пояснил:

– Этот малый круг, или, как мы его называем, мундус, предназначен для подземных богов. Заполни его первинами урожая и закрой землей. Ромул кинул в яму колосья ячменя, пшеницы, зеленые яблоки и твердые груши. Затем все присутствующие стали наперебой бросать в яму горстями землю, пока она не заполнилась до краев. Так возник священный центр, определивший форму всего города в виде круга.

Оставалось только воздвигнуть стены. Этруск подвел ослепительно белого быка и такого же цвета корову. Ромул запряг их вместе в плуг таким образом, чтобы бык был справа, а корова слева. медным лемехом целины не лег по другую сторону борозды. Там, где черта прерывалась, Ромул останавливал животных. Лемех вынимался из плуга и ставился в гнездо лишь тогда, когда возобновлялась черта. Пропущенный участок предназначался для ворот будущего города.

В то время, пока совершалась эта удивительная церемония, спутники Ромула собирали камни.

Отдав упряжку этруску, Ромул подошел к куче камней и стал складывать стену с такой сноровкой, словно бы всю свою жизнь был не пастухом и воином, а заправским каменщиком. К тому времени, когда явился Рем, стена достигла колен Ромула, чем основатель города был очень горд. Рем же стал через нее прыгать, как козел, и, кажется, вовсе не потому, чтобы продемонстрировать свою ловкость, а для того, чтобы показать соседям, как легко будет им взять город. Придя в ярость, Ромул нанес Рему смертельный удар и, когда тот упал, произнес:

– Так погибнет всякий, кто пожелает взять мой город!

Похоронив брата и не уронив при этом ни единой слезинки, суровый Ромул приказал подтащить сено и зажечь его. Он стал прыгать через горящее сено с такой же прытью, с какой совсем недавно его несчастный брат прыгал через стену. Его примеру последовали все участники похорон. Надо было очистить себя от братской крови и прикосновения к мертвому телу. С тех пор 21 апреля каждого года римляне отмечали день рождения города праздником Палилии. Собиравшиеся со всей округи прыгали через зажженное сено и угощались на открытом воздухе сельской пищей.

История города на Тибре началась, таким образом, с убийства и похорон. Город же по Ромулу стал называться روما.

Контрольные вопросы для самоподготовки студентов:

1. Как имперский характер Древнего Рима отразился на его мифологии?

2. Перечислите главных богов Древнего Рима. Как соотносятся греческая и римская мифологии?
3. В чем проявилось этрусское влияние на римскую мифологию?
4. Какое место занимает в римской мифологии миф о Ромуле и Реме?
5. В чем особенности древнеримской мифологии?

Литература: [1– С. 118-173; 203-228; 296-297; 2 – С.213-268].

Лекция 8. Древнеславянская мифология.

План

1. Уровни славянской мифологии.
2. Универсальный образ мирового дерева в славянской мифологии.
3. Дуалистический принцип описания мира у древних славян.
4. Славянские боги и введение христианства.

1. Уровни славянской мифологии. Мифологические воззрения славян исходят от общей всем индоевропейским народам арийской основы и потому, наряду со многими своеобразными чертами, представляют и много сходства с первобытной религией германцев, греков, литовцев и персов. Народ сравнительно **молодой**, рано и быстро принявший христианство, славяне **не успели выработать вполне законченной мифологической системы**. С другой стороны их мифологические воззрения не были закреплены в таких цельных произведениях, как поэмы Гомера и Гесиода или «Эдда» скандинавов, а сохранились лишь в **песнях, сказках, загадках** и других, не стоящих во взаимодополняющей связи по содержанию **произведениях народного творчества**, на которых вдобавок часто лежит затемняющая и искажающая **печать позднейших верований**. Предания славян о создании мира и человека, взгляды на значение своих божеств и имена последних значит, расходятся у разных племен. Согласовывая и взаимодополняя эти варианты, можно установить в общем следующую схему славянской космогонии и мифологии.

По мере расселения славян с праславянской территории (между Вислой и Днестром, прежде всего из области Карпат) по Центральной и Восточной Европе от Эльбы (Лабы) до Днестра и от южных берегов Балтийского моря до севера Балканского полуострова происходила дифференциация Славянской мифологии и обособление локальных вариантов, долго сохранявших основные характеристики общеславянской мифологии. Таковы мифология балтийских славян (западнославянские племена северной части междуречья Эльбы и Одера) и мифология восточных славян (племенные центры - Киев и Новгород). Можно предполагать существование и других вариантов (в частности, южнославянских на Балканах и западнославянских в польско-чешско-моравской области), но сведения о них скудны. Собственно славянские мифологические тексты не сохранились: религиозно-мифологическая целостность "язычества" была разрушена в период христианизации славян. Возможна лишь реконструкция основных элементов Славянской мифологии на базе вторичных письменных, фольклорных и вещественных источников.

Главный источник сведений по раннеславянской мифологии - средневековые хроники, анналы, написанные посторонними наблюдателями на немецком или латинском языках (мифология балтийских славян) и славянскими авторами (мифология польских и чешских племён), поучения против язычества ("Слова") и летописи (мифология восточных

славян). Ценные сведения содержатся в сочинениях византийских писателей (начиная с Прокопия, 6 в.) и географических описаниях средневековых арабских и европейских авторов. Обширный материал по Славянской мифологии дают позднейшие **фольклорные и этнографические собрания**, а также языковые данные (отдельные мотивы, мифологические персонажи и предметы). Все эти данные относятся в основном к эпохам, следовавшим за праславянской, и содержат лишь отдельные фрагменты общеславянской мифологии.

Особого рода источник для реконструкции Славянской мифологии – сравнительно-историческое сопоставление с другими индоевропейскими мифологическими системами, в первую очередь с мифологией балтийских племён, отличающейся особой архаичностью. Это сопоставление позволяет выявить индоевропейские истоки Славянской мифологии и целого ряда её персонажей с их именами и атрибутами, в том числе основного мифа Славянской мифологии о поединке бога грозы с его демоническим противником. Индоевропейские параллели позволяют отделить архаические элементы от позднейших инноваций, влияний иранской, германской и других евразийских мифологий, позднее – христианства, заметно трансформировавших Славянскую мифологию.

По функциям мифологических персонажей, по характеру их связей с коллективом, по степени индивидуализированного воплощения, по особенностям их временных характеристик и по степени их актуальности для человека внутри Славянской мифологии можно выделить **несколько уровней**. По верованиям древних славян Мир был разделен на **три части**: верхний мир, расположенный над небесами, мир богов и божественных существ – **Правь**; средний мир, мир в котором живут люди, звери, растения – **Явь**; и нижний мир, мир мертвых – **Навь**. Но эти миры хоть и отделены друг от друга, не являются отдельно существующими, они **взаимосвязаны и взаимопроникаемы**, однако обычному смертному пересечь границу миров не дано. В каждом из миров действуют свои законы и правила, за каждым из миров присматривают свои боги

Высший уровень характеризуется наиболее обобщённым типом **функций богов** (ритуально-юридическая, военная, хозяйственно-природная), их связью с официальным культом (вплоть до раннегосударственных пантеонов). К высшему уровню Славянской мифологии относились **два праславянских божества**, чьи имена достоверно реконструируются как **Перун и Велес**, а также увязываемый с ними женский персонаж, праславянское имя которого остаётся неясным. (**Макошь (Мокошь)** – единственное божество женского рода в восточно-славянском языческом пантеоне. Олицетворяла женское начало жизни на земле. Служила **воплощением плодородия** и почиталась как **покровительница земледелия**. Вследствие этого она может быть связана с почитанием **Матери-сырой земли**. После христианизации Руси продолжением образа Мокоши можно считать **Параскеву Пятницу**).

Эти божества воплощают **военную и хозяйственно-природную функции**. Они связаны между собой как **участники грозового мифа: бог грозы Перун**, обитающий на небе, на вершине горы, преследует своего змеевидного врага, живущего внизу, на земле. Причина их распри - **похищение Велесом скота, людей, а в некоторых вариантах - жены громовержца**. Преследуемый Велес прячется последовательно под деревом, камнем, обращается в человека, коня, корову. Во время поединка с Велесом Перун расщепляет дерево, раскалывает камень, мечет стрелы. Победа завершается дождём, приносящим плодородие.

Не исключено, что некоторые из этих мотивов повторяются в связи с другими божествами, выступающими в других, более поздних пантеонах и под другими именами

(напр., Свентовит). Знания о полном составе праславянских богов высшего уровня весьма ограничены, хотя есть основания полагать, что они составляли уже пантеон. Кроме названных богов в него могли входить те божества, чьи имена известны хотя бы в двух разных славянских традициях. Таковы древнерусский **Сварог** (применительно к огню - Сварожич, т.е. сын Сварога). Другой пример - древнерусский **Дажьбог** и южнославянский **Дабог** (в сербском фольклоре). Несколько сложнее обстоит дело с названиями типа древнерусских **Ярила** и **Яровит** у балтийских славян.

К более низкому уровню могли относиться божества, связанные с **хозяйственными циклами и сезонными обрядами**, а также боги, воплощавшие целостность замкнутых небольших коллективов: **Род, Чур** у восточных славян и т.п. Возможно, что к этому уровню относилось и большинство женских божеств, обнаруживающих близкие связи с коллективом (**Мокошь** и др.), иногда менее антропоморфных, чем боги высшего уровня.

Элементы следующего уровня характеризуются наибольшей **абстрагированностью функций**, что позволяет иногда рассматривать их как персонификацию членов основных противопоставлений; например. **Доля, Лихо, Правда, Кривда, Смерть**, или соответствующих специализированных функций, например **Суд**. С обозначением доли, удачи, счастья, вероятно, было связано и **общеславянское бог: ср. богатый (имеющий бога, долю) - убогий (не имеющий доли, бога), укр. небог, небога - несчастный, нищий**. Слово "**бог**" входило в имена различных божеств - **Дажьбог, Чернобог** и др. Многие из этих персонажей выступают в **сказочных повествованиях** в соответствии со временем бытования сказки и даже с конкретными жизненными ситуациями (например, **Горе-Злосчастье**).

С началом мифологизированной исторической традиции связываются герои **мифологического эпоса**. Они известны лишь по данным отдельных славянских традиций: таковы генеалогические герои **Кий, Щек, Хорив** у восточных славян. Более древние истоки угадываются в персонажах, выступающих как противники этих героев, например в чудовищах змееобразной природы, поздними вариантами которых можно считать **Соловья-Разбойника**. Возможен праславянский характер мифологического сюжета о князе-оборотне, от рождения наделённом знаком волшебной власти (сербский эпос о **Буке Огненном Змее** и восточнославянский эпос о **Всеславе**).

Сказочные персонажи - по-видимому, участники ритуала в их мифологизированном обличье и предводители тех классов существ, которые сами принадлежат к низшему уровню: таковы **баба-яга, кощей, чудо-юдо, лесной царь, водяной царь, морской царь**.

К **низшей мифологии** относятся разные классы **неиндивидуализированной** (часто и неантропоморфной) **нечисти, духов, животных**, связанных со всем мифологическим пространством от дома до леса, болота и т.п.: **домовые, лешие, водяные, русалки, вилы, лихорадки, мары, моры, кикиморы, судички** у западных славян; из **животных** - **медведь, волк**.

Человек в его мифологизированной ипостаси соотносится со всеми предыдущими уровнями Славянской мифологии, особенно в ритуалах. Праславянское понятие души, духа выделяет человека среди других существ (в частности, животных) и имеет глубокие индоевропейские корни.

2. Универсальный образ мирового дерева в славянской мифологии.

Универсальным образом, синтезирующим все описанные выше отношения, является у славян (и у многих других народов) **дерево мировое**. В этой функции в славянских фольклорных текстах обычно выступают **Вырий, райское дерево, берёза, явор, дуб, сосна,**

рябина, яблоня. К трём основным частям мирового дерева приурочены разные животные: к ветвям и вершине - птицы (сокол, соловей, птицы мифологического характера, Див и т. п.), а также солнце и луна; к стволу - пчёлы, к корням - хтонические животные (змеи, бобры и т. п.).

Всё дерево в целом может сопоставляться с человеком, особенно с женщиной (изображение дерева или женщины между двумя всадниками, птицами и т. п. композиции севернорусских вышивок). С помощью мирового дерева моделируется тройная вертикальная структура мира - три царства: небо, земля и преисподняя, четверичная горизонтальная структура (север, запад, юг, восток, ср. соответствующие четыре ветра), жизнь и смерть (зелёное, цветущее дерево и сухое дерево, дерево в календарных обрядах) и т.п.

3. Дуалистический принцип описания мира у древних славян.

Мир описывался системой основных содержательных двоичных противопоставлений (бинарных оппозиций), определявших пространственные, временные, социальные и т.п. его характеристики. Дуалистический принцип противопоставления благоприятного - неблагоприятного для коллектива реализовался иногда в мифологических персонажах, наделённых положительными или отрицательными функциями, или в персонифицированных членах оппозиций. Таковы: **счастье (доля) - несчастье (недоля)**. Праславянское обозначение положительного члена этой оппозиции имело смысл "хорошая часть (доля)". Ритуал гадания - выбора между долей и недолей у балтийских славян связан с противопоставлением **Белобога и Чернобога** (персонификации доброй доли и злой доли, лиха, горя, злосчастия, встречи и невстречи в славянском фольклоре).

Жизнь – смерть. В Славянской мифологии божество дарует жизнь, плодородие, долголетие – такова богиня **Жива** у балтийских славян и **Род** у восточных славян. Но божество может приносить и смерть: мотивы убийства связаны в Славянской мифологии с **Чернобогом и Перуном** (проклятия типа "чтоб тебя Чернобог (или Перун) убил"), может быть, с Триглавом (возможно, он – владыка преисподней), с Перуном, поражающим демонического противника.

Воплощениями болезни и смерти были **Навь, Марена (Морена)**, собственно Смерть как фольклорный персонаж и класс низших мифологических существ: **мара (мора), змора, кикимора** и др. Символы жизни и смерти в Славянской мифологии - **живая вода и мёртвая вода**, древо жизни и спрятанное около него яйцо с кощеевой смертью, море или болото, куда ссылаются смерть и болезни.

Чёт – нечет - наиболее абстрактное и формализованное выражение всей серии противопоставлений. Оно предполагает вычленение благоприятных чётных и неблагоприятных нечётных чисел, например дней недели: **четверг связан с Перуном, пятница - с Мокошью**, (ср. также такие персонификации, как Святой Понедельник, Святая Среда, Святая Пятница). Целостные числовые структуры в Славянской мифологии - троичная (три уровня мирового дерева, бог Триглав), четверичная (четырёхголовый Збручский идол, возможное объединение в одно божество четырёх персонажей мифологии балтийских славян - Яровит, Руевит, Поревит, Поренут и т.д.), седмиричная (семь богов древнерусского пантеона, может быть древнерусский Семаргл), девятиричная и двенадцатиричная. Несчастливые **нечётные числа**, половина, дефектность характеризуют отрицательные понятия и персонажи, например **число тринадцать, лихо одноглазое**.

Противопоставление **правый – левый** лежит в основе древнего мифологизированного права (**право, правда, справедливость, правильный** и т.п.), гаданий, ритуалов, примет и отражено в персонифицированных образах **Правды на небе и Кривды на земле**.

Противопоставление **мужской – женский** соотносится с оппозицией **правый – левый** в свадебных и похоронных ритуалах (где женщины оказываются слева от мужчин). Существенно различие мужских и женских мифологических персонажей по функциям, значимости и количеству: малочисленность женских персонажей в пантеоне. Особенно значительна **роль женского начала в магии, колдовстве**.

Оппозиция **верх – низ** в **космическом плане** трактуется как противопоставление неба и земли, вершины и корней мирового дерева, разных царств, воплощаемых Триглавом, в ритуальном плане реализуется в расположении **святилищ Перуна на холме и Велеса в низине**.

Противопоставление **небо – земля** (подземное царство) воплощено в приурочении божества к небу, человека к земле. Представления об "**отмыкании**" неба и земли **святым Юрием, богородицей**, жаворонком или другим персонажем, создающим благоприятный контакт между небом и землёй, связаны у славян с **началом весны**. Мать сыра земля - постоянный **эпитет** высшего женского божества. В **преисподней** пребывают существа, связанные со **смертью** (например, русалочки-земляночки), и сами покойники.

Противопоставления **юг – север, восток – запад** в космическом плане описывают пространственную структуру по отношению **к солнцу**, в ритуальном плане – **структуру святилищ**, ориентированных по сторонам света, и правила поведения в обрядах: четыре мифологизированных ветра (иногда персонифицированных - Ветер, Вихорь и т. п.), соотнесённых со сторонами света.

В противопоставлении **суша – море** особое значение имеет море – местопребывание многочисленных отрицательных, преимущественно женских, персонажей; жилище смерти, болезней, куда их отсылают в заговорах. Его воплощения - море, океан-море, морской царь и его двенадцать дочерей, двенадцать лихорадок и т.п.

Положительный аспект воплощается в мотивах **прихода весны и солнца из-за моря**. На указанное противопоставление наслаивается другое: **сухой – мокрый** (ср. позднее - Илья Сухой и Мокрый, Никола Сухой и Мокрый, сочетание этих признаков в Перуне, боге молнии - огня и дождя).

Противопоставление **огонь – влага** воплощается в мотивах противоборства этих стихий и в таких персонажах, как Огненный Змей (в русских былинах о Волхе Всеславьевиче, в сказках и заговорах, в сербском эпосе о Змее Огненном Волке), Огненная Птица (сказочная жар-птица, словацкая "птица-огневик", птица Страх - Рах в русских заговорах с её иссушающими вихрями и т.п.). Огненная Мария [связана с Громовитым Ильей в сербских и болгарских песнях, противопоставлена Марии Макрине (от "мокрый") и т.п.]. Особую роль играет "**живой огонь**" в многочисленных ритуалах, обряды сожжения, возжигания костра и обряды вызывания дождя, культ колодцев и т.п. Огонь и вода соединяются в образах Перуна, Купалы, огненной реки и др.

Мифологическими воплощениями противопоставления **день – ночь** являются ночницы, полуночницы и полуденницы, Зори - утренняя, полуденная, вечерняя, полуночная. Конь днём - белый, ночью - забрызганный грязью.

В противопоставлении **весна – зима** особое значение имеет Весна, связанная с мифологическими персонажами, воплощающими плодородие, - **Ярилой, Костромой**,

Мореной и т.д., а также с обрядами **похорон зимы и отмыкания весны**, с растительными и зооморфными символами.

Противопоставление **солнце – луна** воплощается в мифологическом мотиве брачных отношений Солнца и Месяца. Солнечные божества - Сварог, Дажьбог, Хоре и др. Один из наиболее древних общеславянских образов – образ колеса-солнца; также образ солнца на вершине мирового дерева и каравай-солнце.

Противопоставление **белый – чёрный** известно и в других вариантах: светлый - тёмный, красный - чёрный. Его воплощение в пантеоне - **Белобог и Чернобог**; в гаданиях, ритуалах, приметах белый цвет соотносится с положительным началом, чёрный - с отрицательным (различие белой и чёрной магии).

Противопоставление **близкий – далёкий** в Славянской мифологии указывает на структуру пространства (по горизонтали) и времени: "свой дом" - "тридевятое царство" в русских сказках, образы пути-дороги, моста, дали, давние и новые времена.

Дом – лес - конкретный вариант противопоставления **близкий – далёкий** и реализация оппозиции **свой – чужой**; воплощается в образах **человека и зверя** (напр., медведя), домового и других духов, связанных с различными частями дома и двора, лешего и т.п.

Противопоставление **старый – молодой** подчёркивает различие между зрелостью, максимумом производительных сил и дряхлостью - ср. мифологические пары юноши и старика с плешью в весенних и осенних обрядах, Бадняка и Божича. Особую роль в Славянской мифологии играли образы старухи-ведьмы типа бабы-яги и плешивого старика, деда и т.п. С противопоставлением старый - молодой связаны оппозиция предки - потомки и ритуалы поминовения предков, "дедов", а также оппозиции старший - младший, главный - неглавный (роль младшего брата в славянском фольклоре и т.п.).

Противопоставление **священный - мирской** отличает сферу сакрального, наделённую особой силой (корень "свят-", в частности в мифологических именах типа Свентовит, Святогор), от сферы бытовой профанической, лишённой этой силы.

Описанный набор элементов Славянской мифологии (как основных противопоставлений, так и мифологических персонажей) может реализоваться в текстах разного рода - эпосе, сказках, заговорах, отдельных предложениях, относящихся к приметам, проклятиям, и т.п. Такие обряды, как хождение с козой, гонение змей, заклание ильинского быка, коровья смерть, сожжение скота, завивание бороды (Велесу, Николе или Илье), вызывание дождя, окликание звезды, юрьевские и купальские праздники, позволяют восстановить многие **мифологические мотивы** и установить **связь мифов с обрядами**, в которых также реализуются эти мотивы.

Для праславянского периода восстанавливаются многочисленные празднества, в частности карнавального типа, связанные с определёнными сезонами и поминанием мёртвых. В неофициальной народной культуре эти обряды сохраняются до 19-20 вв. во всех славянских традициях (смеховые похороны мифологических существ типа Костромы, Масленицы, Ярилы, Мары и др. у восточных славян (где в сезонных обрядах участвуют и зооморфные символы типа "коровьей смерти"), у чехов (моравские весенние обряды на Смертной неделе, когда выносилось чучело Smrtna nedela с исполнением песен дословно совпадающих с восточнославянскими).

4. Славянские боги и введение христианства.

Ранние сведения о восточнославянской мифологии восходят к летописным источникам. Согласно "Повести временных лет", князь Владимир Святославич совершил попытку создать в 980 общегосударственный языческий пантеон. В Киеве на холме вне княжеского теремного

двора были поставлены идолаы богов Перуна, Хорса, Дажьбога, Стрибога, Симаргла (Семаргла) и Мокоши. Главными божествами пантеона были громовержец Перун и "скотий бог" Велес (Волос), противостоящие друг другу топографически (идол Перуна на холме, идол Велеса - внизу, возможно, на киевском Подоле), вероятно, по социальной функции (Перун - бог княжеской дружины, Велес - всей остальной Руси). Единственный женский персонаж киевского пантеона - Мокошь - связан с характерными женскими занятиями (особенно с прядением). Другие боги этого пантеона известны меньше, но все они имеют отношение к наиболее общим природным функциям: Стрибог, видимо, был связан с ветрами, Дажьбог и Хоре - с солнцем, Сварог - с огнем. Менее ясен последний бог пантеона Семаргл: некоторые исследователи считают этот персонаж заимствованным из иранской мифологии, другие трактуют его как персонаж, объединяющий все семь богов пантеона. Связи между богами внутри пантеона и их иерархия выявляются при анализе закономерностей перечисления богов в летописных списках: обнаруживается связь Перуна с Белесом, Стрибога с Дажьбогом и Сварогом, периферийное место Семаргла или Мокоши и т.п. Принятие Владимиром христианства в 988 повлекло за собой уничтожение идолов и запрет языческой религии и её обрядов. Тем не менее языческие пережитки сохранялись. Помимо богов, входивших в пантеон, известны и другие мифологические персонажи, о которых обычно сообщают более поздние источники. Одни из них тесно связаны с семейно-родовым культом (Род) или с сезонными обрядами (Ярила, Купала, Кострома).

Введение христианства в славянских землях (с 9 в.) положило конец официальному существованию Славянской мифологии, сильно разрушив её высшие уровни, персонажи которых стали рассматриваться как отрицательные, если только не были отождествлены с христианскими святыми, как Перун - со святым Ильей, Велес - со святым Власием, Ярила - со святым Юрием (Георгием) и т.д. Низшие же уровни Славянской мифологии, как и система общих противопоставлений, оказались гораздо более устойчивыми и создавали сложные сочетания с господствующей христианской религией (так называемое "двоеверие").

Сохранилась прежде всего демонология: вера в лешего, водяного. У южных славян бытовал сложный мифологический образ вилы (серб.), болг. самовила, самодива, - горных, водяных и воздушных духов. Общеславянский полевой злой дух - полудница, у восточных славян - полевик и др. Многочисленные мифологические образы связывались (особенно у восточных славян) с домашним хозяйством: русский домовый: дедко, дедушко, доброхот, доброжил, суседко, хозяин, он, сам и др., укр. хатний дідко, белорус, хатник, господар.

Двойственным было отношение к духам умерших: с одной стороны, почитались покровители семьи - деды, родители, умершие естественной смертью, с другой - считались опасными мертвяки (заложные), умершие преждевременной или насильственной смертью, самоубийцы, утопленники и т.п. К числу предков-покровителей относился Чур, к враждебным мертвецам - упыри, мавки. Сохранялась вера в многочисленных злых духов - злыдней, мару, кикимору, анчутку, нячистиков у белорусов (шешки, цмоки и др.). Болезни олицетворялись с подчёркиванием отдельных их симптомов: Трясея, Огня, Ледея, Хрипуша и др. (характерны представления о двенадцати лихорадках в русских заговорах, находящие параллели в других индоевропейских традициях).

Одним из наиболее характерных жанров у восточных славян являются духовные стихи, по форме и музыкальному исполнению продолжающие общеславянскую традицию пения эпических песен и сюжеты Славянской мифологии. Так, в древнерусской "Голубиной книге" содержатся представления о соотношении человека и вселенной, микро- и макрокосма, соответствующие ведийскому гимну о Пуруше и восходящие к общему с ним

индоевропейскому мифу о творении мира из тела человека. К индоевропейским истокам восходит и сюжет спора Правды и Кривды.

Христианство у славян в значительной степени усвоило старый мифологический словарь и обрядовые формулы, восходящие ещё к индоевропейским источникам (наименования, как "бог", "спас", "святой", "пророк", "молитва", "жертва", "крест", "(вос)кресити", "обряд", "треба", "чудо" и т.п.)

Основные языческие божества восточных славян

Велес (Волос) – бог скота, покровитель пастухов. Символ достатка. В период христианизации Руси Велес был «ассимилирован» и уступил место созвучному христианскому святому – Власию, покровительствовавшему скоту.

Дажьбог (Дажьбог) – в восточнославянском языческой пантеоне бог-солнце. Дажьбог помогает созреть урожаю и в этом качестве связывается с Хорсом, как солнечное божество.

Перун – в восточнославянском пантеоне бог грома (грозы). Издавна считался покровителем князя и его дружины. Он предстал обычно в образе немолодого воина. В период двоеверия, а затем и христианизации образ Перуна уступил место схожему с ним образу Ильи-пророка.

Сварог (Сварожич) – бог огня у восточных славян, покровитель кузнецов. Этот бог имел в древнерусском пантеоне наиболее устойчивые связи с Дажьбогом, который считался его сыном.

Семаргл (Симаргл) – одно из семи важнейших языческих божеств восточных славян. Его функции неясны. Считают, что они связаны с сакральным числом семь и воплощением семичленного древнеславянского пантеона. Симаргла сближают с иранской сказочной птицей Симург, которая пролетая, разбрасывает семена, падающие на землю живительным дождем.

Стрибог – бог ветра у восточных славян.

Хорс (Хорос) – являлся, по-видимому, одним из воплощений Солнца.

Ярило (Ярила) – божество весеннего плодородия у восточных славян. Считают, что его образ возник из сочетания весенних обрядов, названия которых до сих пор включают корень «яр». В более поздней христианской традиции и обрядности ассоциировался с Юрием (Георгием).

Контрольные вопросы для самоподготовки студентов:

1. В чем своеобразие славянской мифологии?
2. Перечислите главных богов древнеславянского пантеона.
3. Охарактеризуйте богов по уровням?
4. Как проявляется дуалистический принцип в славянской мифологии?
5. Как повлияло принятие христианства на языческие представления древних славян?

Литература: [[1– С.5-50](#); [2. Славянская мифология. Энциклопедический словарь](#)].

Лекция 9. Германо-скандинавская мифология.

План

1. Система скандинавской мифологии. Космогония «Эдды».
2. Пантеон скандинавских богов .
3. Скандинавская мифология в европейской культуре.

1. Система скандинавской мифологии. Космогония «Эдды». Главными источниками анализа мифологической традиции скандинавов являются «Старшая Эдда» и «Младшая Эдда», **исландские литературные памятники середины 13 века.**

Несмотря на то, что Эдды созданы спустя полтора столетия после крещения Исландии в 1000 г. н.э., большинство исследователей отмечают, что даже тогда **исландцы**, в отличие от прочих скандинавских народов — данов (предков датчан), свеев (предков норвежцев), норгов (предков норвежцев), саксов, англов, ютов и других, — **сохранили веру в реальность мифологического мира**, сохраняя миф не как элемент почтения к предкам или произведение, имеющее для них поэтическую ценность, а как часть их **мировоззрения.**

Подтверждением этому, например, служат языческие мотивы узоров в первых христианских храмах и исландская письменность на тот момент, основывавшаяся не на латыни, а на «народном» языке, что значительно способствовало сохранению первоначального мифологического свода.

Что касается других скандинавских народов, то и здесь сохранялись прежние верования, но они в большей мере **сосуществовали с христианством**, образуя подобие **двоеверия.** Например, в «Саге об Олаве сыне Трюггви» говорится об общении ярого сторонника и расадника христианства, конунга Олава с неким старым одноглазым красноречивым человеком, который умел ответить на любой вопрос. Они общались весь вечер, но после того, как конунг лег спать, неизвестный исчез. Тогда, согласно саге, конунг решил, что «это был не человек... это был, наверное, Один, в которого язычники долго верили. Но Одину не удастся перехитрить меня». Этот отрывок свидетельствует о сохранении мифологического мышления даже после принятия иной религии: **Олав признает существование богов языческого пантеона, но теперь не считает их достойными поклонения.**

Таким образом, скандинавская мифология долгое время оставалась частью мировоззрения самих скандинавов, а, значит, представляет интерес не только в качестве пособия для исследования структуры мифа, но и как свидетельство менталитета древних и средневековых скандинавов.

Скандинавская космогония возводит начало мироздания к мировой бездне Гинунгагап, в которой скапливался **иней** от взаимодействия **студеных брызг** потока Хвергельмир (или Эливагар) и **огненных искр**, летевших из Муспелля — области вечного пламени — вполне типичный образ смешивания двух **противоположных изначальных стихий воедино**, порождающего прочий материальный мир. Чем больше искр попадало в Гинунгагап, тем быстрее таял иней, и в процессе таяния из него возникло **первое живое существо — инеистый великан Имир.**

Вместе с Имиром возникла **безрогая корова Аудумла, вскормившая великана**, а сама питавшаяся тем, что лизала соленые камни, покрытые инеем, из которых впоследствии возник предок богов Бури. К вечеру первого дня показались человеческие волосы, на другой день голова человека, а на третий день и целый человек, по имени **Бури — прародитель скандинавских богов.** В этом можно увидеть **мифологему** (термин, используемый для обозначения мифологических сюжетов, сцен, образов, характеризующихся глобальностью, универсальностью и имеющих широкое распространение в культурах народов мира) **священного животного, вскармливающего** центральных мифологических персонажей, в которую преобразовался **тотемистический миф** о происхождении от этого животного, как, например, произошло в **античном мифе о вскармливании волчицей Ромула и Рема**, основателей Рима.

Из подмышек Имира, а также от трения его ног родились другие инеистые великаны. Сам же **Имир был принесен в жертву, подобно индийскому Пуруше**, потомками **Бури**, сыновьями его сына Бора — Вилли, Ве и Одином, чтобы **из его тела создать мир**: земли были созданы из его мяса, из костей — горы, небо — из черепа, море — из крови, из мозга — облака.

Здесь проявлен **мотив расчленения первосущества как рудимент каннибализма** и как **идея дифференциации элементов мироздания** на отдельные элементы, осознание устройства окружающего мира и самого человека.

Из этих частей тела Имира Вилли, Ве и Один создали зримый мир и распределили время дня на ночь, полночь, вечер, утро, полдень и прочие отрезки времени, дали им всем названия и указали путь небесным светилам — Солнцу, Луне, звездам.

Но при этом, помимо мотива демиургов, имеет место и реликт **мотива поднимания земли из первоначального морского хаоса**: в «Прорицании вёльвы» сыны Бора «подняли почву и устроили Мидгард прекрасный» во время рыбалки.

Таким образом, в созданной вселенной **срединный мир — Мидгард**, созданный из **ресниц Имира — выступает как ее центр**. Север и восток, выступающие как темные, враждебные богам и людям, скверные земли, ассоциировались с «низом», **нижними слоями иерархической системы миров**. А «благодать» запад и **светоносный юг**, откуда скандинавам светило солнце, напротив, с «верхом», то есть с верхними слоями системы миров и чем-то священным, святым, возвышенным.

На морском берегу **Один** со своими братьями нашел **два дерева**, из которых они создали двух **первых людей, Аска (ясень) и Эмблу (ива)**; жилищем им был назначен **Мидгард**. Скандинавские мифы повествуют и о том, как боги-братья привели в устройство вселенную и поместили на небо возничих солнца и луны. Они разъезжают на колесницах, преследуемые огромными **волками**, которые грозят поглотить их (солнечные и лунные затмения). На небе были поселены и божественные существа День и Ночь, чтобы ежедневно объезжать землю на быстрых конях. Для себя боги выстроили на небе дворец **Асгард**, соединенный с землей мостом **Биврёстом**.

Анализ «эддической» мифологии выделяет в ней **системы пространственные (горизонтальную и вертикальную) и системы временные (космогоническую и эсхатологическую)**.

Горизонтальная строится на противопоставлении средней, огороженной части земли Мидгард тому, что находится вне этой ограды, в сфере некультуренной, неосвоенной, по аналогии свое-чужое, центр-периферия. В этой плоскости небо земле не противопоставляется, и жилище богов Асгард упоминается наряду с жилищем людей Мидгард.

Мидгард окружает широкий океан, в котором живет **Ёрмунганд, некая хаотическая сила, временно обузданная богами, но потенциально опасная**.

Где-то на краю земли, в дикой скалистой местности находится **страна великанов — Ётунхейм**. (Понятие Ётунхейм близко к понятию Утгард, то есть то, что находится вне ограды.) Мифологическое местонахождение страны **великанов восток или север**.

Именно в **горизонтальной плоскости разыгрывается противостояние асы** (группы скандинавских богов) – **великаны** (ётуны, турсы) и **асы – карлики** (цверги, черные альвы). **Тор** занят непрерывными походами на восток, где он сражается с великанами, ему приходится биться и с **мировым змеем Ёрмунгандом**. Борьба с великанами чаще всего ведется за женщин и за различные магические предметы, созданные кузнецами и карликами. **Бог-плут Локи** все время снует между богами, великанами и карликами, и исследователи различных школ единодушны в том, что его роль близка к роли шамана.

В этой же плоскости находятся и представления о четырех карликах, поддерживающих края неба по углам Вселенной и которых зовут по названиям стран света.

В вертикальной плоскости принято рассматривать концепцию мирового дерева — ясеня Иггдрасиля, соединяющего небо, землю и подземный мир.

На верхушке дерева находится **жилище богов — Асгард**, воздвигнутое, как передает «Младшая Эдда», неким великаном, которому помогал конь. В уплату за работу боги должны были отдать великану Солнце, Луну и богиню Фрейю, однако коварный Локи, принявший образ кобылы, постоянно отвлекал коня-помощника от работы, и поэтому великан не успел закончить ее в срок, за что и поплатился головой. Там же, на верхушке дерева, находится и

верхнее царство мертвых Вальхалла, куда попадают **воины, павшие в бою**. Оценкой подвига война занимается **Один**, помогают ему **валькирии** — в буквальном переводе «**выбирающие мертвых**». Эти девы подхватывают павших в бою храбрых воинов, уносят их в Вальхаллу и там прислуживают им. В обеих «Эддах» есть перечень валькирий, и имена некоторых из них расшифровываются: Хильд — «битва», Хлёкк — «шум битвы», Христ — «потрясающая», Мист — «туманная»...

Люди, умершие смертью обычной, попадают в **подземный мир мертвых, Нифльхейм**, куда падает роса с рогов оленя, объедающего листья с Иггдрасиля. Этим нижним подземным миром заправляют **девы-норны, определяющие судьбу людей при рождении**. Вместе с валькириями они входят в категорию **низших женских божеств дис**.

На верхушке мирового дерева сидит орел, а у корней — змей Нидхёгг. На среднем уровне — четыре оленя, поедающие листья с дерева и роняющие росу со своих рогов в подземное царство. Белка, снующая по дереву, своеобразный посредник между верхом и низом.

Сведения об этапах сотворения и обустройства мира изложены в основном в одной из песен «Эдды» — в «Прорицании Вёльвы» и частично дополняются иными источниками. «Прорицание» описывает наступившую эпоху как «золотой век» (все — из золота, боги развлекаются играми и «радостны»).

Век счастья длится недолго, и вскоре наступает **первая смерть** — коварное **убийство юного бога Бальдра, возвещающее грядущие катаклизмы**, которые превратят космос в хаос. В «Прорицании» описываются **содрогания Мирового дерева**, высвобождение некогда усмирённых богами чудовищ, **появление корабля мертвецов**, великанов и иных злых сил. В последней битве боги и чудовища погибают, а мир поглощается огнем и инеем, то есть приходит в исходное состояние.

2. Пантеон Скандинавских богов. Древние скандинавские религиозные верования первоначально были сходны с теми, что существовали у южногерманских народов (см. статьи Боги древних германцев и Германская мифология). Но так как север был обращен в христианство лишь многими столетиями позднее, мифы Скандинавии оказались богаче развиты и систематизированы.

Основная группа богов скандинавской мифологии называется **асы** и возглавляет ее **Один**, который и является отцом большинства асов. К асам следует отнести Одина, Тора, Ньёрда, Тюра, Браги, Хеймдалля, Хёда, Видара, Вали, Улля, Форсети, Локи, Бальдра, Фрейра, Магни, Модри, Хёнира. «Младшая Эдда» перечисляет также четырнадцать богинь семейства асов: Фригг, Сага, Эйр, Гевьон, Фулла, Фрейя, Съёвн, Ловн, Вар, Вёр, Сюн, Хлин, Снотра, Гна. Кроме того, часто встречаются имена жен асов Сив, Идунн и Скади.

Другая группа богов — это **ваны, боги плодородия**. К ним относятся в основном Ньёрд и его дети Фрейр и Фрейя. Фрейр, являющийся по происхождению ваном, после войны асов с ванами был взят заложником и стал «числиться» по ведомству асов; Хёнир же перешел к ванам, став их заложником от асов.

Один — верховный бог скандинавской мифологии, которому в мифологии континентальных германцев соответствовал Водан (Вотан). Имеются археологические свидетельства, а также тексты, говорящие о широком распространении культа Водана у франков, англо-саксов, готов, вандалов. «История Лангобардов» (VII век) рассказывает, как жены воинов этого племени, зная, что Водан предскажет победу тем, кого заметит на поле битвы первыми, сделали для мужей из своих волос бороды, и с тех пор воины этого племени стали зваться «лангобардами» — длиннобородыми.

Полагают, что Один (Водан) символизировал в верованиях германцев **мудрость и верховную власть**, оттеснив на второе место традиционно главенствующего у индоевропейских народов бога-громовержца Тора, одновременно взяв на себя значительную часть его функций **покровителя воинов**. Предполагают, что процесс превращения в верховное божество пантеона, именно Одина, сформировался в Скандинавии.

В скандинавской мифологии Один является сыном Бора и Бестлы, дочери великана Бёльторна. Скандинавский Тор также считался сыном Одина; другими его сыновьями были Бальдр, Вали и Видар. **Атрибут Одина — Гунгнир — копьё, не дающее промаха, символ его военной власти и военной магии.**

Один часто является сеятелем раздоров и распрей. Именно с его броска копьем начинается разрушившая золотой век война между асами и ванами.

Поводом к войне между асами и ванами стало появление злой колдуньи Хейд, в отношении которой применяется эпитет Гулльвейг, что, видимо, означает «**сила золота**» (хотя и имеются иные этимологии). Войну начал Один, однако наступающие ваны стали угрожать месту обитания асов Асгарду, и асы были вынуждены заключить мир, обменявшись заложниками.

В «Речах Высокого», в «Старшей Эдде», описывается **жертвоприношение Одина**, которое **совершает он сам**, когда, **пронзенный собственным копьем, он девять дней висит на древе Иггдрасиль**, а затем его дед, великан Бёльторн, приносит ему мед для утоления жажды и вручает **руны — символ мудрости**. Описание данного ритуала исследователи почти единодушно считают совпадающим со схожими инициациями шаманов у северных народов. Нет ничего удивительного, что Один считается знатоком колдовства и магических заклинаний, и эти его свойства частично объясняются действием священного меда, называемого иногда «медом поэзии».

Естественна и функция покровительства **Одина певцам, поэтам, скальдам.**

Мудрость Одина не ограничивается знанием **магических искусств**, поскольку он, имея руны — священные письмена, **владел знаниями о судьбах мира**. Соревнуясь в мудрости с мудрейшим из великанов Вафтрудниром, Один побеждает его.

Один участвует в первичном поднятии земли, в устройстве Мидгарда, является одним из трех богов, нашедших изваяния людей Аск и Эмбла на берегу моря в виде деревяшек и ожививших их. В «Прорицании Вёльвы» говорится о **последней битве богов с силами зла**, где **Один сражается с волком Фенриром** и проигрывает этот поединок. В большинстве мифов Один выступает в паре с Локи, и их близость неоднократно отмечалась исследователями.

Локи — один из асов, бог с причудливым, необычным характером, которому трудно подобрать аналоги в иных мифологиях. Он самый оригинальный и популярный герой скандинавского эпоса, оставивший память о себе в самых различных жанрах фольклора, вплоть до пословиц и поговорок. Противоречивость его образа породила множество теорий, объясняющих сущность данного бога. Из всех божеств пантеона он единственный, кто связан чуть ли не со всеми мифологическими героями: он состоит в кровном родстве с Одином и является постоянным спутником Тора. Однако родственниками его были и великаны, и другие демонические существа; Локи участвует в создании людей и построении Асгарда, он же одновременно способствует разрушению сотворенного им мира; втягивает богов в авантюрные приключения и выручает их из самых безвыходных ситуаций, обманывая своих родственников — великанов.

Локи сам создает тяжелейшие ситуации и с трудом, как правило, не без жертв, выбирается из них. Главное в Локи — ум, а точнее — хитрость, коварство, изворотливость и чувство юмора, хотя довольно злого.

Эта сложность образа, видимо, не является результатом слияния различных персонажей и сюжетов из каких-то праисточников, но отражает сам **тип озорника-трикстера.**

Вместе с Одином и Хёниром Локи борется с великаном Тьяци, который, превратившись в орла, не давал изжариться мясу быка, которое пыталась приготовить себе троица странствующих асов. Локи ударил орла палкой, но палка и руки приросли к телу орла; великан согласился отпустить Локи лишь в обмен на богиню Идунн и ее золотые яблоки, обеспечивающие вечную молодость. Локи удалось обманом передать богиню во власть Тьяци, однако боги, оставшиеся без чудесных яблок, начали стареть. Тогда Локи, взяв

у Фрейи соколиное оперение, похитил у Тьяци Идунн и привез ее в Асгард, а преследовавшего их орла боги убили. Пришедшая мстить за отца дочь Скади потребовала возмещения — ей должны были дать мужа и рассмешить. Второе условие выполнил Локи, приспособивший к своим половым органам козлиную бороду.

С теми же богами Локи добывает сокровища карлика Андвари. У водопада выдра ела лосося, и Локи убил ее камнем. Но выяснилось, что эта выдра — Отр — была сыном Хрейдмара, приютившего асов, так что богам пришлось откупиться золотом. Локи удалось поймать сетью карлика Андвари в образе щуки и отобрать у него драгоценные сокровища, хранившиеся в скале. Среди сокровищ оказались кольца, на которые карликом было наложено проклятие, впоследствии это проклятие перешло на сыновей Хрейдмара — Фафнира и Регина, а далее — на Сигурда и Нифлунгов. Дальнейшим развитием этого сюжета является скандинавская версия «Сказания о Нибелунгах».

«Песня о Трюме», входящая в «Старшую Эдду», рассказывает о том, как Тор с помощью Локи вернул себе молот — Мьёлльнир, похищенный великаном Трюмом.

По инициативе Локи Тор отправляется в страну великанов в одежде богини Фрейи, в обмен на которую Трюм согласился вернуть его молот. Сам Локи переодевается в одежду служанки богини. Трюм удивляется проявленному невестой обжорству и ее злобному взгляду. Однако Локи удается убедить великана в том, что все эти признаки лишь проявление тоски влюбленной в него Фрейи. Когда приносят молот, с помощью которого должны освятить свадебный обряд, Тор хватает молот, избивает им великанов и благополучно возвращается в Асгард.

Дружба с Тором не мешает Локи срезать у его жены Сив золотые волосы. Боясь мести Тора, Локи вынужден добывать точно такие же волосы и для этого бьется о заклад с карликами-цвергами, что они не выкуют изумительных сокровищ, и поставил в заклад свою голову. Локи проигрывает в заклад, но пускается в бег в башмаках, дающих возможность необычайно быстро передвигаться по воде и по воздуху. Попав в руки Тора, Локи соглашается, чтобы ему отрезали голову, не прикасаясь к шее, поэтому карлику пришлось зашить Локи рот.

В скандинавской мифологии **Рагнарёк** — это финальный этап существования Вселенной, в котором происходит последняя битва между богами и силами зла. Благодаря пророчеству провидицы Вэльвы ее исход известен заранее — боги знают, кто и от чьей руки погибнет в сражении, и, несмотря на это, они покорно и мужественно идут навстречу своей судьбе. В этом отношении Рагнарёк является **уникальным эсхатологическим мифом**.

В легенде говорится, что пророчество о Рагнарёке сделает **мертвая провидица Вельва**, которую Один специально вызовет из мира мертвых, а предвестником его начала станет **смерть Бальдра** — бога весны и возрождения. Концу света должны предшествовать **ужасные катаклизмы**, несущие смерть и разрушения. Сначала придет **великая зима Фимбулвинтер**. Она будет длиться **три года**, погубит урожай на полях и убьет домашних животных. Многие люди погибнут от **голода**, а выжившие — сойдут с ума от нищеты и лишений. Будут забыты обычаи предков, и брат пойдет на брата.

После окончания зимы начнется небывалый **потоп**. Звезды будут падать на землю, а от небывалых **землетрясений задрожит само мировое древо Иггдрасиль**. Затем на свободу вырвутся ужасные чудовища. **Волк Фенрир сбросит свои оковы, пожрет Луну и Солнце**, после чего наступит всеобщая тьма. **Змей Ёрмунганд выползет из океана, и яд его отравит землю**. Богиня **смерти Хелл поднимет мертвецов и поведет их в Последний бой**. Локи освободится от оков и встанет у **штурвала Нагльфара — корабля, сделанного из ногтей мертвецов**. В Асгард направит свое войско Сурт и под копытами его коней рухнет мост **Биврёст**.

Ужасный волк Фенрир победит и сожрет Одина, но его сын Видар убьет зверя, разорвав ему пасть. Для этого он наступил на нижнюю челюсть волка своим волшебным

башмаком. В Скандинавии до сих пор существует обычай выбрасывать небольшие обрезки кожи, чтобы Видар мог обновлять свою замечательную обувь.

Тор сразится с мировым змеем Ёрмунгандом и победит его, но затем сам умрет, отравленный ядом огромного гада. Тюр сойдется в поединке с адским псом Гармом, и от полученных ран оба они погибнут. Убьют друг друга Хеймдалль и Локи, а великан Сурт поразит Фрейра.

Потери богов и сил зла будут огромными, и ни одна из сторон не сможет получить преимущества. Увидев это, **великан Сурт** обрушит огонь на все существующие миры и уничтожит их. Он срубит своим мечом древо Иггдрасиль, после чего **небо упадет на землю**. Так закончится Рагнарёк.

За гибелью мира последует его новое начало. В этом смысле Рагнарёк – это не только легенда о конце света, она символизирует **вечное возрождение жизни, ее цикличность**. В огне последней битвы погибнут не все боги. Удастся **уцелеть сыновьям Одина – Вали и Видару и сыновьям Тора – Магни и Модри**. Последние унаследуют легендарный молот своего отца. Из разрушенного царства мертвых вернется Бальдр – бог весны и жизни.

3. Скандинавская мифология в европейской культуре. Северные легенды (кельтская и скандинавская мифологии) послужили вдохновляющим источником для английского художника, поэта и мыслителя **Уильяма Блейка**. Языческие образы вошли в его стихи и картины, хотя и были творчески переосмыслены. Великану Имиру у Блейка соответствует **гигант Альбион** (графический лист "Танец Альбиона" и др.), содержащий в себе все человечество. Боги Один и Локи сопоставимы с демиургом Юрайзеном и демоном бунта Орком; молотобоец Тор напоминает блейковского бога творчества Лоса. Наконец, апокалиптический рев вечного волка, проходящий через всю поэму Блейка "Америка. Пророчество", разнообразные изображения **чудовищного морского змея Левиафана** – вызывают в памяти персонажей Эдды – Волка Фенрира и Мирового змея Ермунганда, появление которых на поверхности земли знаменует собой конец времен.

Великолепные сюжеты эддической мифологии неоднократно обыгрывались в литературе. К ним обращались **Р. Хейбель (трилогия "Нибелунги")**, (Нибелунгами, в германо-скандинавской мифологии и эпосе, называли владельцев золотого клада, сокровищ и магического кольца силы) поэт и драматург Ж. Жироду (пьеса "Зигфрид"), Наконец, **современный жанр "фэнтези"** в значительной степени основан на скандинавских мотивах. Об этом говорит уже само название главного романа отца-основателя "фэнтези" **Д. Толкиена - "Властелин колец"** (образ проклятого кольца заимствован из героических песен Эдды).

Скандинавские сюжеты проникают и в русскую литературу, известна лубочная сказка "Еруслан Лазаревич", в которой действует царь Огненный Шит Пламенное Копье, разъезжающий на восьминогом коне по небу, в данном персонаже легко угадать скандинавского Одина. Любопытно, что эту сказку А.С. Пушкин положил в основу "Руслана и Людмилы". Правда, Огненный царь не перешел в поэму, его заменил Черномор, но зато в ней сохранена **говорящая голова великана, имевшая прообразом мертвую голову исполина Мимира, с которой Один любил держать совет**.

Изобразительное искусство, в период после Блейка, также нередко обращалось к сюжетам северной мифологии, в том числе, естественно и в самих скандинавских странах. Скульптор Г.З. Фрейд в первой половине XX в. создал изображение Одина (Копенгаген, Национальный музей). Правда, оно еще слишком академично и похоже на известные статуи Зевса, если не считать двух волков, лежащих по обе стороны от ног, сидящего на троне бога. Другая скульптура Фрейда – крылатый Локи (Копенгаген, Новая Карлсбергская Глиптотека) лучше показывает коварный и мятущийся дух этого персонажа. Позже, в столице Дании один из парков был украшен скульптурными группами на эддические сюжеты. Среди них – Гевьон, ведущая упряжку из четырех быков (скульптор А. Бунгор). По преданию, она отпахала от Швеции остров Зеландию, на котором и был основан Копенгаген. Но наиболее

удачна, пожалуй, **конная статуя валькирии С. Синдинга**, хорошо выражающая неистовость воинственной девы.

Особую роль в пропаганде северноевропейского наследия принадлежит **неомифологическому направлению в культуре** и его основоположнику **Рихарду Вагнеру**. Немецкий композитор создал величественную оперную тетралогия **"Кольцо Нибелунга"**, основанную на скандинавской версии эпоса, густо насыщенной мифологическими образами, оказал влияние на русскую школу музыки. Это видно, например, из сравнения его произведений с операми **Н.А. Римского-Корсакова "Легенда о Невидимом граде Китеже и деве Февронии"** и **"Кашей Бессмертный"**. Музыкальный **образ Китежа**, русского духовного идеала перекликается с **вагнеровским Граалем**, а в Кашеевне мы узнаем тип валькирии.

Наконец, неоспоримо воздействие немецкого композитора на формирование стиля **модерн**, ярко выразившегося в архитектуре Европы и России. В Манхейме (Германия) был создан даже **Зал Нибелунгов**. В его оформлении важное место занимает большой лепной фриз, изображавший сюжеты эпоса в манере, стилизованной под скандинавский плетеный орнамент.

В Петербурге, Москве и ряде других российских городов некоторые здания этой эпохи включают в свой декор маскароны в виде мужских и женских голов в оперенных шлемах. Их тип резко обличен от типа Гермеса (также имевшего крылатую шапку). Можно с большой долей уверенности признать в мужских ликах изображение Одина (Вотана, Водена), а в женских - валькирии. Именно **одетыми в крылатые шлемы представлялись Вагнеру герои его опер**. Такими они и вошли в наше сознание.

Контрольные вопросы для самоподготовки студентов:

1. В чем своеобразие скандинавской мифологии?
2. Перечислите главных богов германо-скандинавского пантеона.
3. Охарактеризуйте значение и место Одина в скандинавской мифологии?
4. Чем популярен герой скандинавского эпоса Локи?
5. Как повлияла скандинавская мифология на искусство и современную культуру?

Литература: [[1– С.39-40; 54-55; 183-187; 232-234; 2 — С. 335-354](#)].

Лекция 10. Миф и мировые религии. Христианские мифы.

План

1. Библия – священная книга христианства.
2. Ветхозаветные мифы о создании мира и человеческом грехопадении.
3. Каин и Авель. Братоубийство. «Каинова печать».
4. Мифы Нового завета о рождении, жизни и смерти Иисуса Христа.
5. Значение библейских мифов для общечеловеческой культуры.

1. Библия – священная книга христианства. Библия — это собрание книг, которые в христианстве считаются Священным Писанием, ибо все, что записано в библейских книгах, продиктовано людям самим Богом. По своему составу Библия разделяется на две части: Ветхий Завет и Новый Завет.

Поначалу среди христиан не существовало единого мнения о том, сколько именно и какие именно книги нужно считать Священными и включать в состав Библии. В IV в. н. э. был принят канон, т. е. правило, закон, по которому в состав Библии включалось определенное количество книг. Впрочем, с тех пор как христианство разделилось на несколько направлений (православие, католичество, протестантизм), в каждом из этих направлений существует свой канон книг Ветхого Завета.

Ветхий Завет — это древнееврейский Танах, в котором рассказывается история древнееврейского народа, а также представлен в письменном изложении процесс складывания у древних евреев монотеистического культа Яхве. Само слово «Завет» означает

договор, заключенный Богом с древними евреями о том, что они будут исповедовать веру в Него, а Он будет покровительствовать их земной жизни.

Книги, входящие в Ветхий Завет, писались на протяжении нескольких столетий. В иудейской традиции канонизировано 39 книг в составе Танаха. Протестанты принимают еврейский канон. В католический канон входит 46 книг. Православная церковь в составе Ветхого Завета признает 50 книг.

Логический анализ позволяет разделить книги Ветхого Завета по их содержанию на несколько групп:

Пятикнижие — древнееврейская Тора или Законы.

Исторические книги, повествующие об истории древних евреев.

"Книги Премудрости" или поэтические книги.

Пророческие книги.

Книги еврейского Танаха именуется Ветхим Заветом только в христианской традиции. Ветхим, т. е. древним, Заветом эти книги стали называться уже после появления Нового Завета. В представлении христиан, это первый, древний Закон, данный людям Богом. Изначальная греховная природа людей не позволила им полностью понять этот Божественный Завет и тогда Ему пришлось дать человечеству Новый Завет. Вот почему Ветхий Завет считается неотъемлемой частью Писания христиан.

Новый Завет составляют книги, священность которых признается только христианами. По христианским верованиям, древние евреи не смогли соблюсти Завет, заключенный с Богом в древности, ибо не приняли Иисуса Христа как Мессию. Но именно Иисус как Сын Божий принес на Землю истинную Благодать, истинное Слово Божие и лишь уверовавшим в Него будет даровано Спасение после смерти. Учение Иисуса — это и есть Новый Завет, новое Слово Божие, предназначенное теперь уже всем, принявшим христианскую веру, а не только иудеям. В этом смысле Новый Завет — это последнее и окончательное слово Бога к человеку.

Разные христианские церкви признают единый канон Нового Завета, принятый еще в IV в. В состав Нового Завета входит 27 книг. Прежде всего, это Евангелия. Каноническими считаются четыре Евангелия (Четвероевангелие), именуемые по именам их авторов: Евангелие от Марка, Евангелие от Матфея, Евангелие от Луки, Евангелие от Иоанна. Эти Евангелия были написаны во второй половине I в. н. э. Исторические исследования показали, что наиболее ранним является Евангелие от Марка, а наиболее поздним — Евангелие от Иоанна.

2. Ветхозаветные мифы о создании мира и человеческом грехопадении.

Первое повествование о сотворении занимает всю первую главу книги Бытия и начало второй главы. Оно описывает процесс творения в виде **рабочей недели** и выходного (субботнего) дня. В тексте говорится, что на первый день Бог создал небо и землю, воду и свет, и отделил свет от тьмы; на второй день — создал твердь посреди воды, отделил воду над твердью от воды под твердью, и назвал твердь небом; на третий — сушу, моря и растения, на четвёртый — светила на тверди небесной, на пятый — рыб, пресмыкающихся и птиц. Наконец, на шестой — зверей земных, скот, гадов земных и человека.

Второе повествование о сотворении содержится во второй главе книги Бытия начиная с четвёртого стиха. В тексте сказано о **создании райского сада и двух деревьев** в нём: древа жизни и древа познания добра и зла, о первой данной человеку заповеди — **не вкушать плодов от древа познания добра и зла**, а также содержится рассказ о сотворении Евы из ребра Адама

Беззаботно жили Адам и его жена в раю. Там было так тепло, что им не нужна была одежда. Питались они необыкновенно крупными и вкусными плодами, которые срывали с деревьев. Люди общались со зверями и птицами. Бог любил прогуливаться по райскому саду и часто посещал их.

Как-то раз змей, который был хитрее всех остальных зверей, спросил женщину, разрешил ли им Бог есть плоды со всех райских деревьев? Она ответила, что лишь к плодам

одного дерева им запрещено прикасаться, чтобы не умереть. Змей объяснил, что плоды именно этого дерева дают знание, а Бог запретил их трогать потому, что боится, как бы люди не стали такими же мудрыми, как Он сам. И сказал Змей женщине: "Умереть вы не умрете, ибо знает Бог, что в день, когда вы поедите от него, откроются ваши глаза, и вы будете, как боги, знающими добро и зло".

Адам и Ева рвут плоды с дерева познания.

Узнав об этом, женщина нарвала плодов с "дерева познания добра и зла", поела сама и угостила Адама. Вдруг увидели они, что нет на них одежды. Стыдно им стало друг перед другом, и стали они сооружать себе пояса из листьев смоковницы [инжира], но не успели закончить новое для них дело, как вдруг послышался голос Бога, гулявшего по саду. Испугались Адам с женой и спрятались за деревьями. Но Бог позвал Адама. Откликнулся он и сказал, что спрятался потому, что ему стыдно показываться без одежды. Бог спросил: "Кто же сказал, что на тебе нет одежды? Уж не ел ли ты плоды того дерева, что Я запретил трогать?" Тут бедный Адам сразу свалил всю вину на жену, а она – на змея, который научил ее этому.

Бог проклинает змея и наказывает Адама и Еву. Страшно разгневался Бог и проклял змея. Отобрал Он у него ноги, велел ползать на брюхе, есть грязь и пыль. И сказал Бог, что теперь будет вечная вражда между змеями и людьми. Суровое наказание придумал Он и для женщины. Повелел Бог, что в тяжких мучениях будет она рожать детей и во всем подчиняться своему мужу. Адам же теперь должен был с огромным трудом добывать пропитание, обрабатывая землю. Вместо райских плодов должны они были питаться полевой травой. Но и этого показалось Богу мало. Решил Он, что из-за своего непослушания люди должны будут со временем умереть.

Огорченный Адам дал своей жене имя **Ева, что значит "жизнь"**, так как она должна была стать матерью всего человечества.

А Бог сделал для Адама и Евы кожаную одежду и велел носить ее. Решил Он не оставлять их в раю. Бог побоялся, что Адам и Ева, которые по подсказке змея приобрели мудрость, знание добра и зла, съедят теперь плоды дерева жизни и приобретут еще и бессмертие. Чтобы люди не могли жить вечно, Бог изгнал их из рая и поставил херувима (мифическое крылатое существо) с огненным мечом охранять путь к дереву жизни.

В истории грехопадения довольно много странностей. Ведь Адаму и Еве никто не запрещал есть плоды дерева жизни, и тогда они приобрели бы бессмертие. Они же почему-то предпочли единственное в раю запретное дерево, плоды которого принесли им и их потомкам столько неприятностей. Библия объясняет, что съев плоды, Адам и Ева совершили **грех непослушания, прикоснувшись к "запретному плоду"**, за что Бог вынужден был их наказать, изгнав из рая.

3. Каин и Авель. «Каинова печать».

Есть в библейском повествовании несколько личностей, имена которых, став нарицательными, навсегда превратились в синонимы зла. Народная молва традиционно именуется предателя Иудой, жестокого и безжалостного человека – Иродом, грубого и бестактного – Хамом. И первым в этом ряду стоит имя человека, пролившего кровь родного брата. Имя это – Каин – породило множество неологизмов: "каиново семя", "каинова печать".

Если внимательно проанализировать все, что говорит о Каине Библия, то ключевым словом в определении его места в истории будет – "первый". Каин – первый ребенок Адама и Евы. То есть, первый человек, не непосредственно сотворенный Богом, а рожденный людьми. Кроме того, он первый строитель – создатель первого города на нашей планете. Но, увы, не за это первенство люди вот уже несколько тысячелетий вспоминают его имя. Каин стал виновником первой смерти на Земле. Он убил своего брата.

Причиной этого убийства стало чувство, впоследствии много раз толкавшее людей на преступления – **зависть**. В Библии сказано, что Каин занимался земледелием, а его младший брат Авель пас овец. Когда пришло время, каждый из них принес в дар Богу результаты своих трудов: Каин – часть урожая, а Авель – лучших животных своего стада. Но Бог не

принял жертву Каина. По преданию, на жертвоприношение Авеля сошел ниспосланный Господом огонь и оно, охваченное пламенем, устремилось к небу. А на дар Каина огонь, знаменующий угодность жертвы Богу, так и не сошел. И Каин очень огорчился. Одержимый завистью, он заманил брата в поле и убил его. За что и был проклят, заклеямен и изгнан с места, где он тогда жил.

Мало того, даже убив своего брата, Каин не ужаснулся содеянным. На прямой вопрос: “Где Авель, брат твой?” – заданный Богом, чтобы дать ему возможность покаяться, он цинично ответил: “Не знаю, разве я сторож брату своему?”. Но пытаться обмануть Бога может только человек с окончательно помраченным рассудком и извращенным нравственным чувством.

И Бог осудил его на изгнание из родных мест и скитальчество, отметив его особым знаком, который впоследствии стали называть “каиновой печатью”.

Знамение, данное Богом Каину, было вовсе не наказанием, а свидетельством того, что он, несмотря на совершенное им преступление, находится **под защитой Господа**. Более того, Бог нанес на него это знамение по просьбе самого Каина. Открыв счет человеческим смертям, он очень боялся, что в изгнании его самого могут убить. “И сделал Господь Каину знамение, чтобы никто, встретившись с ним, не убил его”. Так **Бог сразу пресек возможную череду убийств на почве кровной мести**, которая могла бы разгореться среди первых людей. Так что “**каинова печать**” – **знак не гнева, а милосердия Божия**, с которым Он относится ко всем людям без исключения. Даже к таким, как первый убийца Каин.

4. Мифы Нового завета о рождении, жизни и смерти Иисуса Христа.

Согласно Евангелиям, история об Иисусе Христе предстает следующим образом: появление ребенка на свет было предсказано ангелом Господним его матери Марии в эпоху правления римского императора Августа (30 до н.э. – 14 н.э.) в палестинском городе Вифлееме в семье Иосифа, потомка царя Давида. Дитя родилось чудесным образом – благодаря сошествию на Марию Духа Святого (непорочное зачатие). К младенцу Иисусу, рожденному в хлеву, пришли поклониться пастухи — волхвы, увидавшие на востоке яркую Вифлеемскую звезду, знаменовавшую собой чудо Рождества. Через 8 дней после рождения Иисус прошел обряд обрезания (Обрезание Господне), а на 40-й день — в Иерусалимском храме – обряд очищения и посвящения Богу, во время которого его славили праведник Симеон и пророчица Анна (Сретение Господне). Узнав о появлении мессии, иудейский царь Ирод Великий в страхе за свою власть приказал истребить всех младенцев в Вифлееме и его окрестностях моложе 2 лет, но Иосифа и Марию предупредил ангел, и они бежали в Египет. После 3 лет пребывания в Египте Иосиф и Мария, узнав о смерти Ирода, вернулись в свой родной город Назарет в Галилее. Достигнув 30-летнего возраста, Иисус Христос принял крещение в реке Иордан у Иоанна Крестителя, и на него снизошел Святой Дух, который привел его в пустыню. Там в течение **40 дней Иисус боролся с дьяволом**, отвергнув три **искушения** — **голод, власть и веру**, — и по возвращении он начал свои проповеди. Он призвал к себе учеников и, странствуя с ними по Палестине, излагал свое учение, толковал ветхозаветный Закон и совершал чудеса.

Смысл проповедей Иисуса Христа – **благая весть о Царстве Божьем**, которое уже близко и которое уже осуществляется среди людей через деятельность мессии. Обретение Царства Божьего есть спасение, возможное с приходом на землю Христа. Путь к спасению открыт всем, кто **отвергнет земные блага ради духовных и кто возлюбит Бога больше самого себя**.

Проповедническая деятельность Иисуса и чудеса привели его в конфликт с представителями иудейской религиозной элиты — фарисеями, саддукеями, "учителями Закона", которые решили расправиться с ним. В Иерусалиме иудейские первосвященники благодаря помощи Иуды Искариота, предавшего Иисуса за знаменитые 30 серебряников, схватили его и привели в синедрион (собрание иудейских первосвященников и старейшин). А признав его виновным, предали римским властям.

Римский прокуратор Иудеи Понтий Пилат предложил помиловать его по случаю Пасхи, но вынужден был поддаться требованиям толпы и осудить Иисуса на смерть через распятие на кресте. После 6 часов мучений Иисус умер и его тело было погребено в гробнице, высеченной в скале. На третий день после казни Иисус Христос воскрес во плоти и явился своим ученикам (Воскресение Господне). Он возложил на них миссию распространять его учение среди всех народов, а сам вознесся на небеса (Вознесение Господне).

5. Значение библейских мифов для общечеловеческой культуры.

Основу не только религии, но иудейской культуры в целом, составляет Ветхий Завет. Ветхий завет, написанный на древнееврейском языке в период с 8 по 2 век до н.э. составляет основу священного писания - Библии.

Священное Писание для иудеев, Ветхий Завет для неверующих по-своему также священная книга, ведь она являет собою неисчерпаемую культурную сокровищницу. Поколениями художники, скульпторы, поэты, писатели, мыслители обращались к его бессмертным образам.

Много раз отмечалось воздействие книги Иова, одной из книг Ветхого Завета, на русский классический роман, упоминалось и о том, какие чувства вызывала история Иакова и Иосифа у Гете, Толстого, Т. Манна, говорили об очаровательной повести А.И. Куприна "Суламифь", созданной по мотивам "Песни песней" и отчасти "Книги Царств". Но это малая толика. Откройте любое из классических художественных произведений XIX века, и хотя бы в виде эпитафии, но встретите упоминание о Библии, пройдите по залам любой картинной галереи, и вы увидите бесчисленное множество полотен, скульптур на библейские сюжеты, ибо вся без исключения европейская и американская классика пронизана образами, мотивами, намеками из Библии.

Без знания Ветхого Завета понять, например, творения Микеланджело, его "Давида" и "Моисея", его фрески на потолке Сикстинской капеллы или полотна Рафаэля невозможно.

Как бы ни относились художники к Библии, истово верили ли, смеялись ли над ней, как французский карикатурист Жан Эффель – так или иначе все они обращались к ее темам, образам, откровениям.

Иудейская культура в силу своего монотеизма не создала эпических поэм, драматических произведений. Но что такое "Книга Иова", как не величайшая трагедия и что такое сама Библия, как не грандиознейший эпос?

Исторические, археологические и лингвистические открытия ученых доказали, что Библия не родилась на пустом месте, но вобрала в себя все лучшее, что имело человечество ко времени ее создания (шумеро-вавилонские мифы, литературу Древнего Египта, а на поздних этапах и эллинскую культуру), а затем, в свою очередь, пропитывала уже своими образами, идеями, мотивами и сюжетами весь мир.

Но разве только в искусстве и литературе отразилась эта книга? А в живом языке, в бесчисленных крылатых словах, афоризмах, пословицах!..

Тот, кто читал роман М.А. Булгакова "Мастер и Маргарита", наверное, не забыл одной из его центральных мыслей, высказанной Воландом Маргарите: "Никогда ни у кого ничего не просите, особенно у тех, кто сильнее вас". Эта мысль подсказана русскому писателю библейским пророком Иешуа бен-Сиром, иначе, Иисусом, сыном Сираховым. Он говорил: "Не входи в общение с тем, кто сильнее и богаче тебя. Если ты выгоден для него, он использует тебя, а если обеднеешь, он оставит тебя".

Но довольно примеров, им поистине "несть числа" (выражение, кстати, тоже библейское).

Книги Премудрости (например, Притчи) дают множество наставлений для практической жизни. Конечно, многое изменилось в нашем быту с тех пор, как эти слова были написаны, но основные принципы, стоящие за ними, непреложны.

Наконец, именно в Ветхом Завете мы встречаем множество живых образов, близких нашему собственному жизненному опыту. Мы возмущаемся несправедливостью мира вместе

с Иовом, мы торжествуем вместе с Давидом, мы плачем с Иеремией и вместе с Исайей ожидаем нового неба и новой земли.

Ветхий Завет - не только Священное писание, это еще и литературный памятник, один из важнейших источников и компонентов общечеловеческой культуры, всечеловеческая книга, воистину памятник мировой культуры.

Один из крупнейших мыслителей и историков нашего века, Карл Ясперс, назвал ее время центральным, "осевым временем человечества", временем великих пророков Востока и Запада, как бы собравшихся родиться в библейских временных пределах и задавших будущему свои вечные неразрешимые вопросы. Вот с тех пор люди и книги и отвечают на эти вопросы. И задают свои. Темы Библии вечны и всегда новы.

В изречениях Христа, в книгах заветов собраны знания, которые касаются самых потаенных душевных глубин человека. В этом и состоит общечеловеческое значение и вечная ценность Библии. Библейские образы – изречения, сюжеты - это основа христианского искусства. В Библии нашли отражение жизнь народов Древнего Средиземноморья – войны, соглашения, деятельность царей и полководцев, быт и нравы людей того времени. Библия переведена практически на все языки мира и несомненно является уникальным памятником литературы, мировой и христианской культуры.

Контрольные вопросы для самоподготовки студентов:

1. Охарактеризуйте Библию как священную книгу и памятник культуры?
2. Какие смыслы содержит миф о грехопадении человека?
3. Какие глубокие смыслы содержатся в мифе об убийстве Каином своего брата Авеля?
4. Что означает знамение Бога и «Каинова печать»?
5. Как повлияла Библия на формирование западно-европейской культуры?

Литература: [[1– С.166-177](#); [2.С.9-22](#); [144-163](#)].

Лекция 11. Миф и мировые религии. Мифы в исламе.

План

4. Рождение ислама. Муххамад.
5. Коран – священная книга мусульман.
6. Мифы и предания мусульман в исторической и культурной традициях.
7. Ислам в современном мире.

1. Рождение ислама. Муххамад. ИСЛАМ [араб. islam — предание, вверение себя (Богу)], мировая монотеистическая религия. Возникла в Хиджазе (в нач. VII в.) среди арабских племен Зап. Аравии. Уже в первый век своего существования ислам в ходе военной экспансии арабов распространился на огромной территории, в результате чего образовалось **мусульманское государство — Халифат.**

Ислам складывался под значительным влиянием христианства и иудаизма. В результате арабских завоеваний распространился на Ближнем и Ср. Востоке, позднее в некоторых странах Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии, Африки.

После смерти Мухаммеда (632) ислам раскололся на **два течения — суннизм и шиизм.** В X в. создана система теоретического богословия — калам; правовая система ислама разработана в шариате (комплекс предписаний, определяющих убеждения, а также формирующих религиозную совесть и нравственные ценности мусульман). В VIII-IX веках возникло мистическое течение — **суфизм.** Почти во всех странах с преобладающим мусульманским населением ислам является государственной религией.

Современный ислам распространен в основном в странах Азии и Африки, играя существенную роль в их политической и социокультурной жизни (в большинстве из них **ислам — государственная религия, а шариат — основа законодательства.** Число

приверженцев ислама в современном мире около 1 млрд. человек. Большинство мусульман — сунниты (90 %), шииты составляют около 10%.

Основатель ислама — Мухаммад (Мухаммед, Мохаммед) (570?-632гг.) происходил из рода хашим, влиятельного мекканского племени курейш. До Мухаммада арабам были известны монотеистические религии — иудаизм и христианство (последнее — преимущественно в неортодоксальных формах в качестве самостоятельной формы монотеизма. Под определенным влиянием этих религий в 610-612 годах началась религиозная проповедь Мухаммада, первоначально не признаваемого и гонимого мекканцами.

Основной источник мусульманского вероучения — Коран, понимаемый мусульманами как предвечное, несотворенное «слово Божие», откровение, которое Бог, говорящий в Коране преимущественно от первого лица, как бы слово в слово продиктовал Мухаммаду через своего ангела Гавриила. Подобно тому как для христиан Бог воплотился в Иисусе Христе, для мусульман Он открыл Себя в Книге — в Коране.

Второй источник мусульманского вероучения — Сунна, своего рода **священное предание**, примеры из жизни Мухаммада как источник материала для решения религиозных, социально-политических, правовых проблем, возникающих перед мусульманской общиной. Сунна складывается из **хадисов**, повествующих о высказываниях Мухаммада по тому или иному конкретному поводу, его поступках или невысказанных одобрениях. Хадис всегда состоит из двух частей: собственно краткого рассказа и т. н. опоры — перечня передатчиков данного текста, которые в непрерывной цепи преемства удостоверяют его подлинность.

2. Коран – священная книга мусульман. Главные принципы ислама изложены в Коране. Основные догматы — поклонение единому богу — всемогущему Богу-Аллаху и почитание Мухаммеда пророком — посланником Аллаха. Мусульмане верят в бессмертие души и загробную жизнь.

Пять основных обязанностей (колонны ислама), предписанных приверженцам ислама:

1) словесное исповедание **единобожия и пророческой миссии Мухаммада**, выражающееся в произнесении молитвенной формулы свидетельства: «Нет божества, кроме Бога, и Мухаммад — раб Его и Посланник Бога»;

2) **ритуальная молитва**, которую мусульманин должен совершать пять раз в день;

3) очистительная **милостыня** в пользу нуждающихся;

4) **пост в месяц рамадан** (Рамазан), который состоит в полном воздержании от еды, питья и любых увеселений в светлое время суток;

5) **паломничество** (хотя бы раз в жизни) в Мекку к главной мусульманской святыне — Каабе. Паломничество в Мекку, где ежегодно собираются мусульмане со всего мира, символизирует прежде всего единство мусульманской общины, которая в идеале не признает национальных и культурных различий.

После окончания паломничества начинается длящийся три дня главный мусульманский праздник — ид ал-адха или курбан-байрам, праздник жертвоприношения, поскольку в последний день паломничества приносится в жертву домашний скот в память о жертвоприношении Авраама. Второй по значимости мусульманский праздник — ид ал-фитр или ураза-байрам, праздник разговенья в честь окончания поста в месяц рамадан.

3. Мифы и предания мусульман в исторической и культурной традициях. Главный, высший персонаж М. м. — аллах, единственный бог, вечный и всемогущий. М. м. **отвергает христианскую концепцию троицы**, резко выступает против представления о сыне божьем. Иса (Иисус) «только раб наш, которого мы облагодетельствовали и поставили его в пример сынам Израиля». Христиане, почитающие мессию (Ису) как сына божьего, «уподобляют себя неверным, бывшим прежде».

Согласно коранической космогонии, **аллах мыслится творцом вселенной**, состоящей из нижнего — земного и верхнего — небесного миров. Он разделил небо и землю, сделал из воды «всякую вещь живую», **в два дня он создал землю и семь небес**, разукрасив ближайшее небо «светильниками и для охраны». Мусульманское предание обогащает

отрывочные описания Корана. Согласно традиционной концепции, землю окружает **гора Каф** (это слово, вероятно, имеет иранское происхождение), отделённая от неё непроходимым пространством. **По одной версии, земля покоится на плечах ангела**, опирающегося на скалу, которую поддерживает бык, стоящий на плывущей рыбе, **по другой — земля держится на роге быка, бык на рыбе, рыба на воде, вода на воздухе, а воздух на влажности**. Землетрясения происходят оттого, что бык перебрасывает землю с одного рога на другой.

Аллах сотворил «семь небес рядами», т. е. одно над другим, «и сделал месяц на них светом, а солнце сделал светильником». Над седьмым небом помещается **трон аллаха**. В легенде об упорствующем в своём неверии царе Нимруде говорится, что первое небо можно пересечь лишь за пятьсот лет и столько же потребуется, чтобы достичь следующего неба. На небесах располагаются **рай** (джанна) и **ад** (джаханнам), причём они не занимают всего пространства небес. Рай, по многим преданиям, находится на седьмом небе; ад, по одной из версий, — ниже первого неба. Небожителями являются ангелы (малайка, фаршита), сотворенные из света и передающие людям вести от аллаха.

Доступ на небо надёжно охраняется от злых духов ангелами и звёздами, «поражающими светочаши». Из множества ангелов выше других стоят четыре — Джибрил, передавший Мухаммаду текст Корана, Шикал, Израил, Исрафил, образы которых заимствованы из христианской и иудаистической мифологий.

Ангел Ридван поставлен стражем рая, ангел Малик возглавляет стражу ада. В М. м. имеется и **мотив падших ангелов**, связанный с Харутом и Марутом, обучавшими людей колдовству, и с Полисом (отождествляется с Шайтаном), **грехопадение** которого связывается с сотворением человека.

По преданиям, задолго до создания человека **Иблис** был ангелом и носил имя Азазил, ал-Харит или ал-Хакам. Аллах послал его на землю наказать перессорившихся между собой джиннов. По другой версии, Иблис сам был джинном и аллах назначил его повелителем джиннов на земле. Иблис возгордился и в течение тысячи лет сеял смуту среди джиннов. Аллах послал пламя истребить его, но Иблис спасся и после этого верно служил аллаху. Согласно третьему варианту, Азазил родился в аду. Его отец — джинн Маридж, его мать — джинн Марджа, созданная из ребра Мариджа. Азазил усердно молился аллаху, и аллах принял его в рай и сделал старшим над всеми ангелами. За отказ поклониться созданному аллахом человеку Иблис, по коранической версии, был изгнан из рая. В слове «**Иблис**» принято видеть искажённое греческое «диаболис» («**дьявол**»); слово «**шайтан**» родственно библейскому обозначению дьявола — «**сатана**». Миф о падшем ангеле, ставшем дьяволом, полагают, базируется на христианской традиции. Однако мотивировка проклятия дьявола богом оригинальна.

Первых людей — Адама и его жену Хавву аллах поселил в раю, но после того как они по наущению Иблиса (Шайтана) вкусили от запретного дерева, аллах изгнал их на землю. Согласно мусульманскому преданию, несколько видоизменившему коранический сюжет, Адам и Хавва в раю не вкушали пищи, а питались запахом, подобно ангелам; затем они попробовали плод пшеницы (в те времена она росла на дереве и её зерно было размером с дыню) и осквернили рай. Сворачивать Адама и Хавву Шайтану помогают змея и павлин. Нарушив запрет аллаха, первые люди оказались на земле. Ежегодно рождая сына и дочь, Хавва произвела на свет семьдесят пар близнецов, положивших начало человеческому роду.

В центре мифологизированной истории прошлого Коран и предания ставят пророков, что связано с общей концепцией М. м. о завете аллаха, неоднократно ниспосылавшемся через пророков разным народам.

Особый раздел М. м. составляют **предания о Мухаммаде**. Реалистическая, вероятно, во многом достоверная, канва биографии Мухаммада, составленной мусульманскими историками, обросла мифическими сюжетами и мотивами. Хотя сам Мухаммад не приписывал себе способность творить чудеса, позднейшая традиция ислама повествует о различных чудесах, будто бы совершённых пророком. Житию Мухаммада известен мотив

благовещения: его матери было сообщено свыше, что она носит в чреве «**господина этого народа**». Эпизод **рассекания тела Мухаммада Джибрилом и другими ангелами** с целью очистить его от скверны и сделать пригодным к пророческой деятельности находит объяснительные **параллели в шаманских мифах народов Сибири** (только после того, как духи разрубят человека на куски, очистят его кости, сварят и т. д., а затем сотворят вновь, он может быть шаманом); параллели в рассказах о могучих шаманах имеет и предание о мирадже — вознесении Мухаммада на небо верхом на Бураке. Эти черты, очевидно, связаны с языческими традициями арабов, знавших пережитки шаманства (деятельность кахинов, шаирав).

Благодаря близости фигуры пророка к прорицателям и поэтам, черты мифических шаманов, посредников между духами и людьми приобрёл и образ Мухаммада. Рассказы о пророках составляют часть обширной области М. м., связанной с **почитанием святых**, которым приписывается способность воскрешать мёртвых, принимать различный облик, мгновенно переноситься в отдалённые области, предотвращать беды, лечить от болезней и т. п. Культ святых не предусмотрен Кораном, который в принципе осуждает его и порицает веру в какого-либо рода посредников или «заступников» перед аллахом. Тем не менее, почитание святых, стихийно выросшее на почве старых, политеистических традиций, приобрело в исламе огромное значение, получив концептуальное оформление с распространением **суфизма** — мистического учения, признающего возможным познание бога и даже единение, слияние с ним через внутреннее экстатическое озарение.

С верой в святых связано почитание их могил, оставленных ими «следов» или прочих памятных мест их пребывания. Святými считаются пророки ислама, мифы о которых обычно привязаны к определённому месту и наглядно представлены в объектах культа. Мусульманская традиция утверждает, что в Мекке, между Каабой и священным колодезем Земзем, находятся девяносто девять погребений пророков. Гробница Сулаймана в преданиях помещается на Андаманских островах; ореолом святости окружены места, где, по преданиям, джинны опускали на землю его трон (напр., гора у города Ош в Киргизии, Сулеймановы горы в Афганистане). Предания о Зу-л-Кифле стали обоснованием паломничества к одной из святынь в Ираке, считавшейся его могилой. Две «могилы» пророка Халида ибн Синана служили местом поклонения в Северной Африке.

Значение второй (после Каабы – Кааба — мусульманская святыня в виде кубической постройки во внутреннем дворе мечети Масджид аль-Харам в Мекке. Это одно из основных мест, собирающее, согласно кораническим предписаниям, паломников во время хаджа. Кааба носит символическое имя «аль-Бэйт аль-Харам», что означает в переводе с арабского «священный дом»).) **святыни** ислама приобрела **могила Мухаммада** в Медине; с преданиями о Мухаммаде связан и ряд других святынь, **следы**, якобы оставленные на камнях ступнями Мухаммада в Египте, Сирии и даже в Индии; камень близ Медины, из которого, согласно преданию, по приказу Мухаммада капало оливковое масло.

В круг святых вошли члены семьи Мухаммада. Его жена Айша и дочь Фатима в верованиях мусульман Средней Азии и Поволжья выступают как покровительницы женщин и женских работ. Особенно широкую популярность получил «царь мужей» Али, побеждающий дэвов и драконов. Среднеазиатская легенда утверждает, что у Али семь могил, ибо хоронившие его люди видели, как вместо одного верблюда с телом Али стало семь и все они пошли в разные стороны.

Мифология **шиитского течения** в исламе, противостоящего суннитскому течению, имеет свои особенности. Шиизм возник на почве **идеи наследования власти по родственному принципу**. Право на руководство мусульманской общиной признавалось за семьей Мухаммада, т. е. за Али и его сыновьями от Фатимы. Вскоре это убеждение переросло в центральную для догматики шиизма **концепцию духовной преемственности**, основанной на эманации божественного «света Мухаммада» (нур-и Мухаммеди).

«Свет Мухаммада» (сущность души пророка) понимается как первое творение аллаха, возникшее в виде светящейся точки задолго до создания человека. Первым носителем

«света» считается **Адам**, затем длинная цепь избранных потомков Адама, главным образом пророков. После деда Мухаммада эманация пошла по двум линиям: одна часть «света» перешла к отцу Мухаммада и после него к самому пророку, другая — к брату отца Мухаммада, а после него к его сыну **Али**. Далее «свет Мухаммада» последовательно переходил к «святым имамам», **потомкам Али**, возглавлявшим шиитскую общину. Согласно этой концепции, понятие «имам» в шиизме приобрело новое значение. В отличие от суннизма, где имам — это избранный людьми светский и духовный глава общины, в шиизме он выступает как наследник миссии Мухаммада, первосвященник, непогрешимый в силу проявившейся в нём божественной эманации и обладающий тайным знанием. Шииты-имамиты верят в двенадцать имамов, прямых потомков Али. Каждый имам перед смертью назначал себе преемника. Одиннадцать имамов погибли мученической смертью, а двенадцатый по воле аллаха таинственным образом исчез, пребывает в убежище и невидимо управляет шиитской общиной.

Некоторые ответвления шиизма завершают цепь имамов не на двенадцатом, а на пятом или седьмом имаме. Перед «концом света» скрытый имам, «владыка времени», вернется в образе Махди и восстановит в мире справедливость. Шиизму свойствен **культ Али**, возвышающий его до уровня ближайшей к аллаху персоны. По одному из шиитских мифов, Мухаммад был в гостях у бога и перед ним появилось блюдо с рисом. Пророк сказал, что ему неловко есть одному. Тогда из-за занавески, отгораживающей аллаха от Мухаммада, к блюду протянулась могучая рука; пророк узнал руку Али. В крайних ответвлениях шиизма предпочтение Али переросло в прямое его **обожествление**. Шииты чтят Коран, хотя убеждены, что имевшиеся в нём упоминания Али устранены по велению халифа Османа; впрочем, согласно представлениям шиитов, имя Али скрыто в тексте Корана и может быть обнаружено при особом толковании некоторых коранических терминов.

4. Ислам в современном мире. Ислам, следует признать, **наиболее сильная из религий мира**. Это объясняется, в частности, тем, что как религиозная доктрина и форма социальной организации он всегда играл на мусульманском Востоке несколько иную роль, нежели, скажем, христианство в Европе. Никогда, даже в пору своего полного господства над людьми, в периоды самых жестоких гонений и разгула инквизиции, **христианство не вытесняло полностью светской власти**. Ислам же заполнил собой все поры мусульманского общества, определил характер экономических отношений и формы политического администрирования, социальную структуру, культуру и быт правоверных. Духовная жизнь в исламских странах не только всегда была под контролем ислама — она протекала исключительно в рамках ислама, была исламской как по сути, так и по форме. И хотя мусульманские мыслители свободно оперировали философскими категориями, не имевшими ничего общего с исламом, — все равно он был тем фундаментом, на котором стояли и на который ориентировались правоверные.

Можно было спорить по поводу неясных мест Корана, оспаривать те или иные суры или хадисы, становиться на точку зрения того или иного мазхаба, той или иной секты, но нельзя было выступить против ислама ни прямо, ни даже косвенно (например, в манере Рабле или Вольтера). Нельзя было не потому, что это кем-то категорически воспрещалось или за это сжигали на кострах — как раз костров-то в исламе никогда и не было. Невозможно это было потому, что в условиях абсолютного господства ислама, его всеобщности, интегральности выступить против него означало бы выступить против всего того, что есть в жизни и обществе мусульман, то есть противопоставить себя этому обществу, оказаться как бы вне его, вне закона.

Все это стократ усиливало позиции ислама, придавало **силу и прочность его культурной традиции**, его влиянию на население, причем даже тогда, когда обстановка в мире резко изменялась, жизнь теряла свои привычные устои и новое решительно требовало считаться с собой. Вышесказанное объясняет те формы, в которых протекала трансформация ислама в мусульманском мире. **Только в Турции, где антиклерикальные силы возглавили кемалистскую революцию и привели страну к радикальным преобразованиям,**

оказалось возможным решительным рывком вырваться из объятий ислама, хотя и не полностью. Во всем остальном мусульманском мире, в том числе и в тех странах, где еще недавно охотно говорили об исламском социализме и где действительно осуществляются порой радикальные социальные преобразования, ислам, не будучи решительно отброшен, сумел видоизмениться, трансформироваться, адаптироваться и даже укрепиться.

Вписавшись в современную структуру, даже в меру признав авторитет науки, ислам продолжает воздействовать на поступательное развитие общества с помощью своих тысячелетних традиций, подчас искусственно реставрируемых, как это можно видеть на примере некоторых стран, где радикальные и даже революционные перемены чаще всего несут на себе заметный оттенок фундаментализма. Конечно, современные мусульманские улемы – не чета мутакаллимам тысячелетней давности. Они хорошо образованны, идут в ногу с современностью, не говоря уже о том, что многие из них пользуются всеми благами современной цивилизации, вплоть до телевизоров и автомобилей. Но они по-прежнему влияют на духовную жизнь страны и играют активную роль в политике. Более того, за последние годы это влияние заметно усилилось, а роль авторитетов ислама в определении политического курса стала еще более активной, как это видно на примере Ирана, Алжира или Афганистана.

Контрольные вопросы для самоподготовки студентов:

1. В чем своеобразие ислама как мировой религии?
2. Какую роль играет Мухаммад в исламской религии?
3. Чем отличается мусульманская мифология от христианской?
4. В чем различие мифологии суннитов и шиитов?
5. Какую роль играет мусульманство в современном мире?

Литература: [1;- ; 2-; 3-].

Лекция 12. Современный миф как основа массовой культуры.

План

6. Генезис мифологического сознания в культуре.
7. Массовая культура и востребованность мифа.
8. Архаические и современные мифы: общее и различия.
9. Миф как социономативный регулятор.

1. Генезис мифологического сознания в культуре. Как известно, мифология представляет собой древнейший тип мировоззрения. Ответы на самые первые вопросы человека о самом себе и об окружающем мире даёт именно она. Продолжительное время мифология представляла собой единственный доступный человеку способ познания мира, и этот способ основывался, главным образом, на вере и ощущениях. Анонимная, передаваемая изустно, из поколения в поколение – как система истинного знания о мире, мифология сохраняла свою герметичность: наиболее специфической чертой мифологии является то, что она **не ставит вопросов об истинности предмета познания**, не допускает сомнения и интерпретаций. Такой подход к познанию мира сохранялся крайне продолжительное время. В своём тексте «Смысл и назначение истории» К.Ясперс обозначает окончание господства этого подхода периодом с 800 по 200 годы до н.э. Именно тогда, по утверждению Ясперса, начинают происходить процессы, которые он объединяет понятием «Осевое время», обозначающим **переход от мифологического мышления – к логическому**, от мифа – к Логосу.

Что же происходит в этот период с мифом? К.Ясперс утверждает, что он никогда не исчезает окончательно, но лишь уходит на дальний план, составляя отныне только **символический фон**, превращаясь в жанр повествования. В ходе этого изменения (по существу, тоже мифотворческого), в момент, когда миф, как таковой, уничтожался, шло

преобразование мифов, постижение их на большой глубине. Древний мифический мир медленно отступал, сохраняя, однако, благодаря фактической вере в него народных масс свое значение в качестве некоего фона, и впоследствии мог вновь одерживать победы в обширных сферах сознания».

Прежде чем проанализировать указанную фоновую роль традиционной мифологии, официально отводимую ей, начиная с Осевого времени вплоть до современности, обратимся к проблеме мифологизированности систем, позиционирующих себя как враждебные мифу в силу своей строгой логичности. Наиболее глобальная из таких систем – проект Просвещения.

Главный пафос **Просветительского проекта** состоял, в радикальной интенции искоренения мифологий путём замены их чистой рациональностью, высшим идеалом которой Бэкон провозгласил математику. Концепция такой рациональности легла в основу Западной логической традиции – начиная с Платона, являвшегося классическим представителем философии Осевого времени. Дискредитация мифологии путём подчинения всего мышления классической логике, казалось бы, должна была навсегда положить конец мифологическим формам мышления как таковым. Однако, будучи сам поставленным под вопрос, этот проект предстал в неожиданном свете. Просвещение само последующей мыслью отбрасывается вспять, в мифологию, от которой ему так никогда и не удалось ускользнуть. Мифология, таким образом, может продолжать существовать и в системах, позиционирующих себя как радикально антимифологические, вырабатывая новые тактики и формы.

Современные исследователи отмечают, что сегодня мифология продолжает существовать не только в формах сказок и былин, традиционно читаемых детям и изучаемых филологами и культурологами. Так, к примеру, Макарова А.К. пишет: «В искусстве мифология встречается в современной фантастической литературе. Фэнтази выполняет функцию, которую в архаических обществах брал на себя миф, – **функцию индивидуальной и групповой психотерапии**. Также элементы мифологии можно вычленил практически во всех научнофантастических фильмах. Исследователи подчеркивают, что чем больше у фильма мифологических элементов, тем больше шансов у него войти в культурный контекст эпохи. <...> Появление новых информационных технологий повлияло на форму, содержание и способы массовой трансляции мифологических установок. При этом с полным основанием можно сделать вывод о переходе от так называемого первобытного, бессознательно-классического мифа к развитой целенаправленной мифологии современности».

Информационная закрытость Советского Союза послужила важнейшей причиной формирования многообразных мифологических образов мира «за железным занавесом». **Демонизация Запада** в официальной печати, с одной стороны – равно как и его **превознесение** в более приватной среде – с другой – формировали в сознании человека образ, в действительности имеющий крайне мало общего с Западом реальным. Тема Китеж-Града или Геенны Огненной в равной степени мифологичны, и, возможно, именно это обстоятельство послужило причиной тому, что российское общество так ненасытно приникло к вождельным благам (для самого же Запада, впрочем, давно ставшим обыденными и естественными) и до сих пор едва ли опомнилось, – не утратив, впрочем, доброй советской традиции ругать Запад за распушенность, цинизм и прочие черты, наиболее часто клеймившиеся в советском дискурсе. Вероятно, именно это обстоятельство лежит в основе обыденной российской риторики о том, «как плохо у нас и как хорошо у них» и одновременно о том, как «им не понять нас, ведь они исконно погрязли в пороке». Такое классическое **оруэлловское двоемыслие**, вне всяких сомнений, связано именно с **традицией мифологизирования**, в рамках которого даже взаимоисключающие представления неплохо уживаются вместе. Особенно заметной эта проблема становится в условиях противоречивых процессов современной российской действительности – нарастания культа потребления, с одной стороны, и клерикализации и традиционализации – с другой.

Мифологизации в современном обществе подвергаются отнюдь не только собственно идеологические системы, но также и такие социальные структуры, как наука. На сегодняшний день, когда невероятными темпами растёт количество откровенно квазинаучных «исследований» и даже инстанций, – это особенно очевидно.

Среди главных **задач мифа** исследователи особенно отмечают так называемое **психотерапевтическое действие**: миф призван утешить, обнадёжить, обезопасить, внушить уверенность. Эту задачу также успешно **выполняют СМИ, моделируя мифологические образы реальности**, которые могут оказаться наиболее востребованными в существующих политических и культурных условиях. По такому принципу, как известно, происходит фильтрация событий, попадающих или не попадающих в СМИ. Модели поведения и стили жизни, транслируемые идеологически ангажированными каналами, программами, а также рекламой, с неизбежностью становятся всеобщими и задают критерии нормативности.

Так, **соцреализм** в городском плакате, живописи, кино и литературе задавал тон всей общественной жизни Советской эпохи – в соответствии с её экономическими и политическими задачами, а **образ свободного** от каких бы то ни было нравственных терзаний потребителя-индивидуалиста, мечтающего исключительно об успехе, комфорте и капитале, в полной мере формирует ценностно-категориальные ориентиры российской современности.

Здесь уместно вспомнить мысль из трактата «Государь» Н.Макиавелли, согласно которой государю необходимо убедить народ в том, что он не в состоянии жить иначе, чем государь от него требует, что он просто не выживет без его императивов. Похожей **авторитарной тактикой пользуется и миф** – выглядят ли его системы в конечном итоге конструктивными, или деструктивными. А.К.Макарова отмечает на этот счёт: «<...>**мифология является представлениями о мире, опровергнуть которые достаточно сложно**. Это представления, создаваемые средствами массовой информации с целью управления сознанием масс как вариант **политико-идеологической практики**, практики **маркетинговой** при навязывании определенного продукта или услуги и т.д

2. Массовая культура и востребованность мифа. Если раньше функции социальной мифологии выполнялись религией и идеологией, то в наши дни их всё больше обеспечивают бренды.

Массовая культура стала временем второго рождения мифа, возврата к мифологическому мышлению. Но современный миф не рождается стихийно, а проектируется и сознательно продвигается. Он намеренно создаётся с целью не познания, а трансформации реальности. Поэтому говорить следует не столько о втором рождении мифа, сколько о создании нового типа мифологии, в котором используется традиционный механизм, но подменяются цели и функции.

Массовая культура растворяет человека в стихиях бессознательного. Более того, она выводит на первый план две главные силы этой стихии – Эрос (жизнеутверждающая сексуальность) и Танатос (разрушительный инстинкт смерти), взаимодействием которых родоначальник психоанализа Зигмунд Фрейд объяснял сам феномен психики и жизни в целом. В общественно-психологической атмосфере растущей неуверенности человека, отчуждённости его от устойчивых традиционных ценностных ориентаций секс становится важнейшей сферой индивидуального самоутверждения, чуть ли не последним убежищем человека в обезличенном и стандартизированном мире. Учитывая ценностную деструктивность массовой культуры, можно сказать, что она акцентированно танатологична, поскольку в ней доминирует именно Танатос. Человеку массы свойственны сексуально-деструктивные всплески агрессии, а массовой культуре – агрессивная жестокость, насилие, порнография, ужас.

Ценностная структура артефактов (предметов, изготовленных человеком, в отличие от природных) массовой культуры сродни структуре товарного бренда. Бренд – это не товар, фирменный стиль, логотип или упаковка. Это некие чаяния, надежды потребителя, его представления о собственной позитивной идентичности. Именно это и продаётся на

современном рынке. Coca-Cola – мессидж о мифе, связанном с постоянным праздником в окружении друзей; Mercedes – о солидности, надёжности, престижности и достатке.

Будучи мифом по своей сути, бренд не может быть создан только с помощью рекламы, которая нужна для поддержания уже созданного бренда. Сначала должна быть создана и рассказана «волшебная история о магическом артефакте», которая привлечёт к себе внимание. Массовая культура задаёт матрицу материального мира и поведения в нём. В предлагаемых ею артефактах заложен не только практический утилитарный потребительский смысл. Эти предметы, обладая ценностью сами по себе, служат также средствами достижения других ценностей, связанных с амбициями, идеалами и надеждами. Например, речь идёт не просто о здоровье, а о вечной молодости, обладающей в современном маскульте самоценностью.

Мифологичность массовой культуры находит яркое выражение и в индустрии развлечений, наиболее известным примером которой может служить Диснейлэнд – страна грез и фантазий. В 1955 году первый Диснейлэнд распахнул всему миру свои ворота, на которых было посвящение: «Приветствуем всех, кто приходит в это счастливое место!». Диснейлэнд – это твоя земля. Здесь старость вновь переживает счастливые времена молодости, а юность может почувствовать вызов и обещание будущего.

Диснейлэнд посвящен идеалам, мечтам и жестким фактам, которые создали Америку – с надеждой, что он станет силой радости и вдохновения пол всему миру. Уолт Дисней стал известен во всем мире благодаря мультипликации, начало которой было положено в 1920-е гг. серией фильмов о Микки Маусе. Вскоре к нему присоединились такие знакомые всем персонажи как Плуто, Гуфи и Дональд Дак. Окрыленный успехом, Дисней начинает создавать мультфильмы по известным произведениям, а в 1937 г. производит первый полнометражный мультипликационный фильм «Белоснежка и семь гномов». Эту картину стоимостью в 1,5 миллиона долларов называли диснеевской блажью, так как мало кто верил в ее успех. Но и по сей день «Белоснежка» с юмором, романтичностью и прекрасной музыкой остается классикой. С 1954 г. начали выходить телесериалы из цикла «Волшебный мир Диснея». И после смерти своего основателя в 1966 г. созданная им киноимперия продолжает процветать. Картины «Красавица и чудовище» (1991), «Аладдин» (1992) и «Король-Лев» (1994) стали самыми кассовыми мультфильмами всех времен.

Но Диснея не удовлетворяла слава создателя мультфильмов. У него возникла идея создания такого места, где дети и родители могли бы вместе проводить досуг и радоваться – своего рода семейного парка. Вместе со своей командой он посетил многие парки мира и пришли к выводу, что Диснейлэнд будет в корне от них отличаться. У парка должен быть один вход, он должен быть спланирован последовательно, подобно сюжету фильма, а все его развлечения и аттракционы должны быть уникальны для Диснея. В нем должны быть красивые пейзажи, широкие дорожки и множество мест для отдыха. Посетителям должна быть предложена вкусная еда, марширующие оркестры и парады персонажей диснеевских мультфильмов.

С этого времени начинается планирование и создание этих чудесных парков развлечений. Все они начинаются с Дворца, центральной точки всего пространства, откуда лучами отходят все «страны» – Главный проспект, США, типичный американский городок начала прошлого века, «Страна Фантазии», дом Белоснежки, Питера Пэна и других диснеевских персонажей, «Страна Граница», которая воскрешает в памяти покорение Дикого Запада, «Страна приключений», в которой посетитель попадает в экзотические уголки земного шара, и, наконец, «Страна будущего», где Дисней хотел представить идеи, продукты и жизненные стили будущего. Первый Диснейлэнд открылся в Калифорнии и имел громадный успех. И после смерти Диснея деятельность его команды успешно продолжалась и вышла за пределы США – был открыт сначала парк в Токио, а затем и Евродисней в пригороде Парижа. Таким образом, европейские семьи получили возможность окунуться в волшебный мир диснеевских фантазий.

В парк приходят люди всех возрастов, и трудно сказать, кто получает больше удовольствия от головокружительных поездок на поезде, от пещеры призраков или от выстрела из пушки на луну – дети или взрослые, которые здесь снова обретают свое детство. Парады героев мультфильмов привлекают толпы туристов со всего света. Начинает парад Микки Маус, сидящий в старинном автомобиле, за ним следуют Гуфи, который приветствует своих «фанов», Золушка со своей тыквой, Спящая Красавица с Драконом, Русалочка в диковинной раковине. Гномы шествуют вместе с Белоснежкой, красочно одетые танцовщицы предваряют Красавицу и Чудовище, а за ними следует злодей-губернатор из «Покахонтас»... Все они напоминают о любимых фильмах, зачаровывают и увлекают. На «границе» можно прокатиться на поезде, который стремительно пронесется через Большую Гору Грома, то ныряя в ее недра, то устремляясь вверх. А в стране приключений посетителей ждет пиратский корабль, плывущий к Острову сокровищ. В стране Фантазии сказочные персонажи ведут гостей в замок, где собираются рыцари короля Артура, а затем в лабиринт Алисы. Ну а в стране Открытий можно полететь в космос и стать звездным путешественником. Красота ландшафта, живописность персонажей, разнообразие развлечений, в том числе и для любителей острых ощущений, делают Диснейлэнд одним из самых любимых мест рекреации в современном мире.

Интересна судьба **куклы Барби**, которая со времени ее создания в конце 50-х гг. стала одним из наиболее популярных и значительных объектов в американской культуре, завоевав затем и мировой рынок. Она сосредоточивает в себе все ценности и представления американской массовой культуры. Становясь моделью для миллионов юных жительниц нашей планеты, Барби сосредоточена на все новых и новых нарядах и развлечениях, она учит ребенка новым тенденциям моды не только в одежде, но и в интерьере, в способах времяпровождения, в выборе друзей. Интересно, что среди многочисленных нарядов Барби практически отсутствует одежда для работы. Несмотря на перемены в жизненном стиле девушек и женщин, Барби остается все той же «праздной особой», исключенной из мира труда и конкуренции с характерным для них стремлением к успеху. Главное в ее жизни – внешность, накопление вещей и стремление к популярности. Для многих женщин Барби символизирует то, от чего они отказались в реальной жизни, но что все же служит мерой успеха в современном обществе: «Будь богат, популярен и развлекайся!». Многие современные исследователи массовой культуры, особенно женщины, резко критически настроены по отношению к этим суперпопулярным имиджам, которые имеют своих последовательниц, готовых на все, чтобы соответствовать идеалу. Женщины, стремящиеся походить на супермоделей, применяют самые различные диеты, пищевые добавки, таблетки, что ведет нередко к истощению организма и заболеваниям, но цель все равно остается недостижимой, поскольку создатели рекламы показывают не реальную женщину, а искусственно создают суперизящные силуэты, иногда используя технические средства.

3. Архаические и современные мифы: общее и различия. В отличие от первобытной эпохи, миф в современности присутствует как вполне осознанный феномен: его существование признается большинством исследователей в различных областях социогуманитарного знания, которые отмечают универсальный характер мифологических структур. В этой связи актуальным является исследование мифологической реальности современной культуры и её соотношения с мифологическим сознанием эпохи архаики.

Многие исследователи опасность современных мифологий видят в их способности навязывать образцы социального поведения, манипулировать массовым сознанием и искажать культурные смыслы. Миф здесь предстает как искусственно создаваемый образ действительности. С.Ю. Неклюдов в статье «Структура и функция мифа» определяет миф как «фантом, рождаемый наивностью массового человека или сознательным умыслом властолюбцев».

В целом, можно сказать, что это самое распространенное представление о современном мифотворчестве к настоящему моменту в русскоязычной литературе. Основная характеристика мифа видится в том, что мифологический тип знания базируется не на

рациональных доказательствах, а на вере, предрассудках и убеждениях. Понятие мифа выступает как антитеза понятиям реальности и истины.

Утверждается то, что современный миф образуется как деформация определенных культурных смыслов, он искусствен, конструируется сознательно и с определенными целями. Миф выполняет функцию манипулирования массовым сознанием. Н.С. Автономова отмечает: «Кроме того, приходится отдавать себе отчет в том, что в отличие от архаического мифа миф XX в. – это, как правило, не только иллюзия, но и обман, ибо всегда есть люди, откровенно заинтересованные в ремифологизации социума». Данное воззрение на природу мифа и его место в культуре в целом находится в русле традиции демифологизации, для которой характерно сведение специфики мифа к иллюзии.

С этой точки зрения, политические мифы представляют собой трансформированную форму политического сознания, в которой знание и понимание реальных фактов замещается образами, символами, легендами и верой в них. Появление в XX веке тоталитарных режимов стало основой для активного развития и функционирования в современной культуре политических мифов. Среди характерных особенностей тоталитарных мифов можно выделить культ вождя и правящей элиты, строгую социальную иерархию и использование ритуалов массовых собраний.

Мифология массового сознания формируется на основе культа потребления. Франкфуртская школа, теоретиками которой являются Ю. Хабермас, М. Хоркхаймер и Т. Адорно, во многом стала известна как социологическая критическая теория общества, представляющая собой **развенчание ложных надежд эмансипации человека** в капиталистическом мире. Рождение нового **потребительского мифа** теоретиками франкфуртской школы связывается с представлением о современном человеке как «*homo-consumens*», с феноменами массовой культуры и товарного фетишизма.

4. Миф как соционормативный регулятор. Миф необходимо понимать как целостное, самостоятельное и сложное культурное образование. Мифотворчество является неизбежным и значимым моментом функционирования человеческого сознания и культуры, выражает глубокий духовный пласт эпохи. Миф – первичное пространство непосредственно данных жизненных смыслов, которое образует горизонт жизни человеческого сознания. Миф обосновывает все здание культурного целого, задает его важнейшие характеристики, во многом определяя жизненный потенциал культуры. Миф есть основа бытия человека в мире культуры, и современность в этом смысле обладает собственным мифологическим контекстом, формирующим наше видение реальности.

К настоящему моменту различие между конструктивным и деструктивным влиянием мифа на культуру пока не вполне определено, миф может деформировать культурные смыслы, но он также поддерживает и воспроизводит социокультурный порядок. Это подтверждает полифункциональность мифа и его значимость как базовой потребности культуры.

Мифологический опыт сознания призван реализовывать потребность человека в нахождении смысловой связи между миром и сознанием, обеспечивать первичную рационализацию мира в его целостности, это позволяет мифу выполнять следующие функции в культуре:

1) **Мировоззренческая функция** заключена в способности мифологического сознания конструировать картину мира человека определённой культурно-исторической эпохи. Система мифологических представлений определяет господствующий в данной культуре тип мировоззрения.

2) **Адаптивно-психологическая функция:** миф позволяет адаптироваться человеку к окружающей действительности, ощутить свою принадлежность этому миру. С помощью мифа человек стремится преодолеть фундаментальные антиномии своего существования. Миф оказывается тем **регулятором**, который упорядочивает и гармонизирует отношение человека с природным и социальным миром.

3) **Функция смыслополагания:** миф обуславливает образование культурных смыслов, позволяет человеку поместить себя в контекст особой смысловой реальности. Миф задаёт определённую смысловую матрицу, которая реализует себя в социокультурном контексте.

Миф нацелен на то, чтобы сделать действительность непротиворечивой, понятной и беспроблемной. Этот момент подтверждают слова Р. Барта о том, что миф «творит мир без противоречий, потому что в нем нет глубины, и располагает его перед нашим взором во всей его очевидности, безмятежной ясности; кажется, что вещи значат что-то сами по себе».

4) **Аксиологическая функция** заключается в том, что миф задаёт определённую **ценностную шкалу** явлениям и отношениям, которые протекают между человеческим сознанием и окружающим миром. Миф также сохраняет фундаментальные ценности культуры, отражая их непреходящий характер.

Мифологическое сознание есть особый способ аксиологической интерпретации социальной и природной среды, главная задача которой – положительное самоопределение человека.

5) **Социально-регулятивная функция мифа** в культуре: миф задает нормативные образцы поведения, морально-нравственные принципы и практическое руководство к действию, через которые организовывается и поддерживается порядок в обществе (что было отмечено Э. Дюркгеймом, Л. Леви-Брюлем, Б. Малиновским, К. Хьюбнером, М. Элиадэ). В социальной сфере миф выполняет функцию **закрепления культурных ценностей и социальных норм**, задает систему ориентаций в мире и обеспечивает духовное единство общества.

Миф объясняет и санкционирует существующий социальный и космический порядок в том его понимании, которое свойственно данной культуре, мифологическое сознание так объясняет человеку его самого и окружающий мир, чтобы поддерживать этот установившийся порядок. Миф побуждает человека думать в определённых категориях, замечать и оценивать лишь те аспекты действительности, которые признаются им в качестве значимых, интерпретировать мир только лишь с определенного угла зрения.

Одним из практических средств поддержания порядка является воспроизведение мифологических сюжетов и образов в регулярно повторяющихся ритуалах. Мифы, обряды и ритуалы обращены к индивидуальной психике человека главным образом в плане приспособления индивида к социуму.

Миф предстает как способ обоснования и трансляции норм культуры. Миф выполняет функцию передачи социокультурного опыта посредством обряда и ритуала. Миф и ритуал представляют собой единство мировоззренческое, функциональное и структурное, которое обосновывает «естественность» существующих культурных традиций и поддерживает значимость моральных принципов.

Таким образом, миф определяет значимые параметры функционирования социума.

Возможности мифа в плане социального моделирования нашли отражение в теории социальных мифов Ж. Сореля. Он отмечал, что мифы обладают **огромным потенциалом в качестве фактора общественной организации и мобилизации, управления и конструирования социальной реальности.**

6) **Интегрирующая функция мифа** обеспечивает единство и целостность общества, коллектива и нации. Миф регламентирует поведение людей, обеспечивает координацию восприятия и действия, мышления и поведения многочисленных разрозненных индивидов. Миф формирует коллектив, генерируя групповое самосознание и развивая критерии для самоидентификации. И в этом смысле, как отмечает Дж.Ф. Бирлайн, «миф был и остается до сих пор основой морали, государственности и национального самосознания» .

Следует отметить то, что национальное самосознание по своей природе является мифологичным. Ибо миф лежит в основе мировоззрения человека и выступает важным механизмом консолидации общества. Ни национальное развитие, ни существующая этническая идентичность не могут существовать вне мифологического основания, которое

представляет смыслы, значения и идеалы, обуславливающие действия и изменения социальной жизни.

В этой связи можно говорить о национальном мифе, который призван конструировать общность в этническом и социальном отношении. Национальный миф обеспечивает реализацию геополитических идей, гарантирует идентичность коллективного субъекта и его связь с определенным территориальным объектом. Национальный миф представляет собой систему идей и образов, через которые определенный народ осознает себя и видит свое место в культурно-историческом процессе. Каждая культура обладает своим уникальным предназначением и ролью в мировой истории. Это проявляется в мифическом восприятии истории нации, ее судьбы и предназначения, и в мифической интерпретации «национального характера».

Контрольные вопросы для самоподготовки студентов:

1. В чем различие архаического и современного мифа?
2. Какую роль играет миф в массовой культуре?.
3. Какие мифы современности вы знаете?
4. Как создается миф в рекламе и пиаре?
5. Какую роль играет миф в культуре в целом?

Литература: [[1– С.414-425](#); [2 –](#); [3](#)].

Лекция 13. Архетипы и мифы в культуре.

План

1. Миф как форма проявления бессознательного (З.Фрейд, К.Г. Юнг)
2. Теория архетипов. Миф как символ архетипа.
3. Главные архетипы по К.Г. Юнгу.
4. Архетипы в рекламе, маркетинге.

1. Миф как форма проявления бессознательного (З.Фрейд, К.Г. Юнг). Наиболее распространённой, влиятельной, считающейся вполне правдоподобной является теория, согласно которой мифы рождаются в сфере бессознательного. Особенно основательно эта теория разработана З.Фрейдом и К.Г.Юнгом.

Фрейд в бессознательном, называемом им «Оно», привлекало необычайная динамика, в которой он усматривал один из механизмов мифотворчества. «Мы, – писал он, – приближаемся к Оно при помощи сравнения, называя его хаосом, котлом, полным бурлящих возбуждений». «Для процессов в Оно не существует логических законов мышления, прежде всего тезиса о противоречии. Противоположные импульсы существуют друг подле друга, не отменяя друг друга и не удаляясь друг от друга.

Миф, таким образом, по Фрейду, рассказывает нам иносказательно, в зримых образах о скрытой жизни бессознательного, причём жизни несовременного, а архаического человека. Через миф мы, считает Фрейд, можем заглянуть в прошлое бессознательного, в его доисторическую стадию. В бессознательном Фрейд особое внимание обращал на сновидения, видя в них продукты фантазий, родственных мифам. Анализ сновидений позволил ему выявить некоторые существенные черты как их самих, так и мифов. Толкование Фрейдом мифа об Эдипе.

Довольно существенно продвинулся вперёд в трактовке бессознательного как источника мифов Юнг. Суть прогресса в данном случае заключается в переходе от анализа в качестве такого источника не бессознательного отдельных индивидов, а бессознательного целых социумов и даже всего человечества – коллективного бессознательного. Такой подход позволил Юнгу объяснить некоторые кажущиеся загадочными черты мифотворчества.

Коллективное бессознательное состоит из мифологических мотивов и образов – архетипов. Поэтому мифы народов можно считать непосредственными

проявлениями коллективного бессознательного. Вся мифология – это своего рода проекция коллективного бессознательного. Коллективное бессознательное идентично у всех людей и образует тем самым всеобщее основание душевной жизни каждого, будучи по природе сверхличным.

2. Теория архетипов. Миф как символ архетипа. Индивидуальное бессознательное состоит из «эмоционально окрашенных комплексов», которые образуют «интимную душевную жизнь личности». Коллективное бессознательное состоит из «архетипов» или «архетипических мотивов». **«Архетипические мотивы» – это формы и образы,** которые являются источником мифологии, фольклора, религии, искусства. По мнению Юнга, любая существенная идея или воззрение опирается на «архетипическую проформу», «образы которых возникли, когда сознание еще не думало, а воспринимало».

Юнг утверждает, что миф – это в первую очередь психическое явление, «выражающее глубинную суть души». Древний человек переносил свои душевные переживания на процессы внешнего мира, т. к. его сознание не было отделено от бессознательного от природы. Юнг говорит, что **архетипы являются моделями инстинктивного поведения.** «При возникновении ситуации соответствующей данному архетипу, он активизируется и появляется побуждение, которое, как и инстинктивное влечение, прокладывает себе путь вопреки всем доводам и воле, либо приводит к неврозу». В том случае, если инстинкты были подавлены, они посредством «архетипических мотивов» проявляются в сновидениях и фантазиях человека. «Наличие нереализованных, неосознанных фантазий, увеличивает частоту и интенсивность сновидений, при осознании фантазий сновидения становятся слабее и появляются реже». Из этого следует, что фантазии стремятся стать осознанными, а архетипы дают возможность человеку это сделать при помощи заключенных в них **символики.** Следовательно, **архетипы являются способом взаимодействия сознательного и бессознательного.**

Архетипы проявляют себя в виде символов: **в образах, героях, мифах, фольклоре, традициях, обрядах** и т.д. Но, объединяя в себе несколько символов, архетип не является ни одним из них до конца, т.к. заключает в себе не сам символ, а его качество. Так основным **символом огня является зигзаг,** но для передачи огненного и страстного образа Кармен, в костюме используются крупные воланы, которые при помощи цвета в движении передают динамику языков пламени. Чем явственней в символе отображается качество первобытного образа, тем более сильное эмоциональное воздействие он оказывает. Прообраз, или архетип, есть фигура – будь то демона, человека или события, – повторяющаяся на протяжении истории везде, где свободно действует творческая фантазия.

3. Главные архетипы по К.Г. Юнгу. Юнг описал множество архетипов, дав им условные и весьма своеобразные, но точные названия: **Самость, Персона, Тень, Анима, Анимус, Дева, Мать, Ребенок, Возрождение, Дух, Солнце, Мудрец, Герой, Бог, Смерть...**

Архетип младенца. Мотив младенца представляет предсознательный младенческий аспект коллективной души. Часто младенец сотворен по **христианскому образцу.** Еще чаще он развивается из более ранних, вообще не христианского общества, из животных, например, крокодилов, драконов, змей или обезьян. Иногда ребенок появляется в чашечке цветка или из золотого яйца, или как центр мандалы. В сновидениях он часто появляется как сын или дочь спящего или же как мальчик, юноша или девушка; иногда он оказывается экзотическим по происхождению, индийским или китайским, со смуглой кожей, или, имея более космический вид, окруженный звездами либо со звездной короной; или же это сын короля либо ребенок ведьмы, обладающий демоническими свойствами. **Мотив младенца очень разнообразен** и принимает самые разнообразные формы, как, например, форма драгоценного камня, жемчужины, цветка, чаши, золотого яйца (сказка про курочку Рябу), золотого мяча и так далее.

«Младенец – это возможное будущее. Поэтому неудивительно, что боги-младенцы являют собой мифологических спасителей».

Архетип матери. Архетип Мать, например, может представлять как женщина, дающая жизнь, **Мать-Природа**, соблазнительница, ведьма.

Символы матери присутствуют в вещах, выражающих цель нашего страстного стремления к спасению: **рай, божье царство**, небесный Иерусалим. Вещи, вызывающие у человека набожность или чувство благоговения, такие как **церковь, университет, город, страна, небо, земля**, леса и моря (или какие-то другие воды), преисподняя и луна, или просто какой-то предмет, - все они могут быть материнскими символами. Этот архетип часто ассоциируется с местами или вещами, которые символизируют **плодородие и изобилие**: рог изобилия, **сад, вспаханное поле**.

Все эти символы могут иметь как **позитивное**, благоприятное значение, так и **негативное**, связанное злом. Мать можно увидеть в богинях судьбы. Злыми символами являются **ведьма, дракон** (любое животное или пресмыкающееся, такое как большая рыба или змея), **могила, саркофаг, глубокие воды, смерть**, привидения и домовые. Этот список не полон, так как это всего лишь наиболее важные черты архетипа матери. С этим архетипом ассоциируются такие качества, как **материнская забота и сочувствие; магическая власть женщины; мудрость и духовное возвышение**, превосходящее пределы разума; любой полезный инстинкт или порыв; все, что отличается добротой, заботливостью или поддержкой и способствует росту и плодородию.

Архетип персона. Персона – **социальная роль человека**, проистекающая из общественных ожиданий и обучения в раннем возрасте.

От латинского слова, обозначающего «маска» – это наше **публичное лицо**, то есть то, как мы проявляем себя в отношениях с другими людьми. Персона обозначает множество **ролей**, которые мы проигрываем в соответствии с **социальными требованиями**. В понимании Юнга, персона служит цели **производить впечатление** на других или **утаивать от других свою истинную сущность**. Персона как архетип необходима нам, чтобы ладить с другими людьми в повседневной жизни. Однако Юнг предупреждал о том, что если этот архетип приобретает слишком большое значение, то человек может стать неглубоким, поверхностным, сведенным до одной только роли и отчужденным от истинного эмоционального опыта.

Архетип тень представляет подавленную **темную, дурную и животную сторону** личности. Тень содержит наши социально неприемлемые сексуальные и агрессивные импульсы, аморальные мысли и страсти. Но у тени имеются и **положительные свойства**. Юнг рассматривал тень как **источник жизненной силы, спонтанности и творческого начала** в жизни индивидуума. Согласно Юнгу, функция **эго** состоит в том, чтобы направлять **в нужное русло энергию тени**, обуздывать пагубную сторону нашей натуры до такой степени, чтобы мы могли жить в гармонии с другими, но в то же время открыто выражать свои импульсы и наслаждаться здоровой и творческой жизнью.

В архетипах анимы и анимуса находит выражение признание Юнгом врожденной **андрогенной природы людей**. Анима представляет внутренний образ женщины в мужчине, его **бессознательную женскую сторону**, в то время как **анимус - внутренний образ мужчины в женщине, ее бессознательная мужская сторона**. Эти архетипы основаны, по крайней мере частично, на том биологическом факте, что в организме мужчин и женщин вырабатываются и мужские, и женские гормоны. Этот архетип, как считал Юнг, эволюционировал на протяжении многих веков в коллективном бессознательном как результат опыта взаимодействия с противоположным полом. Многие мужчины, по крайней мере до некоторой степени, «феминизировались» в результате многолетней совместной жизни с женщинами, а для женщин является верным обратное. Юнг настаивал на том, что анима и анимус, как и все другие архетипы, **должны быть выражены гармонично**, не нарушая общего баланса, чтобы не тормозилось развитие личности в направлении самореализации. Иными словами, мужчина должен выражать свои феминные качества наряду с маскулинными, а женщина должна проявлять свои маскулинные качества, так же

как и феминные. Если же эти необходимые атрибуты остаются неразвитыми, результатом явится односторонний рост и функционирование личности.

Архетип самость. Наиболее важный архетип в теории Юнга. Самость представляет собой **сердцевину личности**, вокруг которой организованы и объединены все другие элементы. Когда достигнута **интеграция всех аспектов души**, человек ощущает единство, гармонию и целостность. Таким образом, в понимании Юнга развитие самости – это главная цель человеческой жизни.

4. Архетипы в рекламе, маркетинге. Юнг не смог создать окончательный список архетипов, вот некоторые из них:

- быть бессмертным (оставаться в форме, поддерживать здоровье, соблюдать чистоту)
- быть любимым (быть окруженным заботой, искать партнера, быть популярным)
- быть сексуальным (соблазнение, охота)
- быть защищенным (инвестиции в будущее, чувствовать себя частью сообщества, чувствовать защиту)
- возродиться (преобразить себя, преодолеть полосу препятствий, искать острые ощущения)
- быть ребенком (быть беззаботным, чистым, соединится с прошлым, увидеть сокровище, объединить противоположности, изменить будущее)
- быть спасителем (быть руководителем, заботиться о других)
- быть ловким (быть озорным, смешить людей, пересекать границы)
- быть мудрым (учиться, переживать, обучать, консультировать, быть по-отцовски заботливым)
- защищать (заботиться, помогать)
- обеспечить (собирательство, охота)
- быть героем (победить, быть первопроходцем, исследовать, выражать свою индивидуальность, обретать статус)

Архетипы в рекламе.

Архетипы выглядят достаточно сложными, но вы увидите, что многие рекламы нацелены на универсальные, глубинные потребности (архетипы). Они играют на **примитивных эмоциях, амбициях, желаниях, а иногда, на страхах.**

Реклама, которая обращается к архетипическим нуждам, часто является наиболее убедительным видом, независимо от того, продаете ли вы калькуляторы банкирам или туалетную бумагу домохозяйкам. Как дизайнер, вы должны знать, к какому архетипу относится продукт вашего клиента и тонко интегрировать эти знания в свой дизайнерский подход.

Множество различных архетипов могут использоваться одновременно, они могут объединяться и составлять одно целое. Например, **калькулятор** может опираться на такие архетипы как **мудрость** (консультирование), **защищенность и героизм**. Туалетная бумага может опираться на **здоровье (чистота), любовь (забота) и защищенность**.

Архетипы имеют как отрицательные, так и положительные ассоциации. Однако, люди обычно лучше реагируют на положительные ассоциации рекламных сообщений.

Многие компании, например Werther's Original sweets и Mr. Kipling cakes, полагаются на **архетип мудрого** человека для продвижения своей продукции. Некоторые опираются на **архетип героя**, например, **Marlboro и Gillette**.

Продукты, в которых функциональность отвечает архетипическим потребностям, являются наиболее популярными.

Устройство iPod, пожалуй, самый архетипичный из архетипических продуктов. Для рекламы используются такие архетипы, как молодость и свобода.

Архетипы могут быть разными. Каждый из них связан с определенными ценностями, что нужно учитывать в рекламе и пиаре.

Повелитель, правитель. Ценности - власть, статус, престиж, контроль. Проявление архетипа: человек, который стремится управлять другими людьми, держать все под

контролем. Он энергичен, напорист, уделяет внимание своему имиджу. Старается занять в обществе высокое положение, укрепить свой авторитет и власть. Мотивация: воля, доминирование, удержание превосходства, руководство, контроль, статус, власть.

Архетип воин, герой. Ценности - профессионализм, победа, предприимчивость, деньги. Проявление архетипа: человек, который легко справляется со сложным делом, требующим профессионализма. Его естественная среда - это поле битвы, спортивное состязание, работа, т.е. там, где трудности требуют мужественных и энергичных действий. Он с готовностью принимает вызов судьбы. Он ловок и предприимчив. Мотивация: агрессивность, соревнование, завоевание, мастерство, предприимчивость, деньги.

Эстет, любовник. Ценности - привлекательность, сексуальность, страстность, чувственность. Проявление архетипа: человек, который склонен к проявлению бурных эмоций. Ценит прекрасное, внимательно следит за модой, общителен. Старается всегда быть привлекательным для окружающих, находится в центре внимания. Мотивация: сексуальная привлекательность, эмоциональность, чувство прекрасного, искусство.

Хранитель. Ценности - комфорт, расслабление, покой, наслаждение. Проявление архетипа: человек, для которого очень важно ощущение комфорта - удобная одежда, вкусная еда, хорошее здоровье, полноценный отдых. Он стремится жить без стрессов, ценит стабильность, уют и покой. Мотивация: защищенность, состояние здоровья, удобство, расслабление, наслаждение, консерватизм.

Мыслитель, мудрец, философ. Ценности - ум, объективность, логичность, знания. Проявление архетипа: человек, который старается во всем быть объективным. Рассуждает логично, старается все разложить «по полочкам». По натуре - «технар». Не склонен к проявлению эмоций. Хорошо ориентируется в законах, классификациях, способен дать дельный совет. Мотивация: логичность, планомерность, педантизм, знания, закон, мудрость.

Контрольные вопросы для самоподготовки студентов:

1. Как взаимосвязаны проблема бессознательного и мифа?
2. Что такое коллективное бессознательное?
3. Какое содержание вкладывал К.Г.Юнг в понятие «архетип»?
4. Какие архетипы выделил Юнг ?
5. Какие архетипы используются в рекламе?

Литература: [1– С.323-334; 414-425].

Лекция 14. Мифы в произведениях искусства.

План

1. Использование мифологических сюжетов в изобразительном искусстве.
2. Мифотворчество в литературе (Ф. Кафка, Т. Манн, М. Волошин, Толкин и др.)
3. Миф в кинематографе.

1. Использование мифологических сюжетов в изобразительном искусстве.

Художники разных эпох и стилей не обходили своим вниманием древнегреческую мифологию. И хотя в средние века живопись сосредоточилась в основном на христианских сюжетах, в эпоху Возрождения живописцы с большим энтузиазмом принялись изображать мифологические сюжеты на своих полотнах. В эпоху модерна на фоне общих изменений в изобразительном искусстве интерес к классическим мифологическим сюжетам несколько иссяк, зато возродился интерес к мифическим чудовищам, образы которых активно используются в современном искусстве. Русские живописцы традиционно обращались к теме славянской мифологии, изображая на своих картинах, как былинных богатырей, так и мифических существ славянской мифологии.

Для начала обратимся к произведению живописи 15 века. Знаменитая картина художника **Сандро Боттичелли «Рождение Венеры»**. Боттичелли – итальянский живописец эпохи раннего Возрождения, представитель флорентийской школы, один из

самых ярких художников итальянского ренессанса. «Рождение Венеры» художник написал для Лоренцо ди Пьерфранческо Медичи. Сюжет этой картины основан на мифе о том, как из пены морской появилась на свет **богиня любви**.

Картина **Рафаэля Санти «Видение Иезекииля»** относится уже к 16 веку. Это небольшое полотно было написано для частного заказчика. Фон картины полностью соответствует библейскому описанию этого видения: «...бурный ветер шел от севера, великое облако и клубящийся огонь, и сияние вокруг него» (Иезекииль 1:4). В самом же видении Бог изображен плывущим по воздуху, поддерживаемый «подобиями четырех животных». традиция с их с четырьмя крылатыми созданиями: человек или ангел, лев, бык и орел, которые символизируют в изобразительном искусстве четырех Евангелистов. Именно этой Христианской традиции, а не собственно описанию видения Иезекииля следовал Рафаэль при написании этой картины.

17 в. Картина Пуссена "Царство Флоры" создана на основе античной легенды, рассказанной римским поэтом Овидием. Это поэтическое иносказание происхождения цветов, где изображены герои античных мифов, превращенные в цветы.

Герои, погибающие в расцвете сил, превращаются после смерти в цветы и оказываются в царстве Флоры. Жизнь человека трактуется в ее неразрывности с жизнью природы. Строгий порядок царит в мироздании, разумны его законы. Это чувствуется и в картине Пуссена, которая отличается уравновешенностью композиции, красотой героев, вдохновенных образами античной пластики. Логика и поэзия гармонично сосуществуют на этом полотне. Здесь он изображает свой идеал - человека, живущего единой счастливой жизнью с природой.

Во всех своих произведениях Пуссен выражал эстетический идеал классицизма, в основе которого лежит подражание "украшенной природе". Это означает, что художник отражал только возвышенное, прекрасное и совершенное в человеке и жизни, игнорируя при этом низменное, безобразное и уродливое.

Примером мифологических сюжетов в живописи 18 века является холст Франсуа Буше «Юпитер и Каллисто». В картине художник обратился к «Метаморфозам» римского писателя Овидия, пересказавшего миф о боге Юпитере, который, влюбившись в нимфу Каллисто и желая ее соблазнить, принял облик богини Дианы. Художник интерпретировал чувственный эпизод античной мифологии в поверхностном, игривом духе. Грациозные, изящные фигурки его античных героинь похожи на фарфоровые статуэтки. Буше любил светлую живопись и отдавал предпочтение нарядным голубым, розовым и зеленым тонам. В творчестве самого Буше то и дело мелькают нимфы и Венеры. И названия работ говорят сами за себя - «Триумф Венеры», «Туалет Венеры», «Купание Дианы». Он умел радоваться красоте жизни и призывал к этому других. Стиль рококо был его родной стихией, здесь он чувствовал себя, как рыба в воде - естественно и органично.

Библейские сюжеты в изобразительном искусстве. Н. Крамской. «Христос в пустыне». После крещения Иисус удалился в пустыню, чтобы в одиночестве, в молитвах и посте подготовиться к исполнению предназначенного пути. На полотне Н. Крамского «Христос в пустыне» Иисус изображен посреди безграничной каменистой земли в скорбном раздумье. 1872 г. Н. Ге. «Голгофа», 1894 г. М. Врубель. «Воскресение», 1887 г.

Образ младенца на картине П. Филонова «Святое семейство» видится отголоском божественно сотворенного первого человека, чей грех Иисус должен искупить страданиями. Мария смотрит тревожно, предчувствуя грядущее. Иосиф развел руки в изумлении перед Божественной тайной.

2. Мифотворчество в литературе (Ф. Кафка, Т. Манн, М. Волошин, Толкин и др.).

Миф стоит у истоков словесного искусства, мифологические представления и сюжеты занимают значительное место в устной **фольклорной традиции** различных народов. Мифологические мотивы сыграли большую роль в генезисе литературных сюжетов, мифологические темы, образы, персонажи используются и переосмысляются в литературе почти на всём протяжении её истории.

Непосредственно из мифов выросли **сказки о животных** (прежде всего о зверях-трикстерах, очень близкие к тотемическим мифам и мифам о трикстерах – негативных вариантах культурных героев) и волшебные сказки с их фантастикой.

Не вызывает сомнений генезис из тотемического мифа универсально распространённой сказки о браке героя с чудесной женой (мужем), временно выступающей в звериной оболочке.

Популярные сказки о группе детей, попадающих во власть людоеда, или об убийстве могучего змея - хтонического демона воспроизводят инициационные мотивы, специфичные для героических мифов и др. Характерные для классической волшебной сказки предварительные испытания будущим помощником героя также восходят к мотивам инициации (помощник, даритель - это дух-покровитель или шаманский дух-помощник).

В архаическом фольклоре культурно отсталых народов существующая терминология отличает мифы безусловно достоверные, сакральные, порой связанные ещё с ритуалами, и эзотерические, от сказок на те же сюжеты.

Имена мифологических персонажей, упоминания мифологических сюжетов особенно распространены в **поэзии пушкинского времени**: у Гнедича, Батюшкова, Дельвига, самого Пушкина. Можно сказать, что эти поэты выработали общий поэтический язык, хорошо понятный читателю эпохи. Словарь этого поэтического языка тесно связан с античной мифологией, а некоторые мифологические образы встречаются особенно часто. Это **музы, Аполлон, грации, лары** (в мифах древних римлян покровители общин и их земель. Фамильные лары были связаны с домашним очагом, семейной трапезой), **пенаты** (покровители домашнего очага) и др. Поэты начала XIX века как будто бы жили в античном мире, постоянно седлали **Пегаса** (знаменитый крылатый конь, покровитель поэзии и музыки) легко попадали на **Олимп**, слушали песни муз, проводили время в обществе **харит и граций** (богини веселья и радости жизни).

Конечно, этот язык во многом был иносказательным. Когда поэт говорил, что собирается оседлать Пегаса или играть на лире, он имел в виду процесс рождения стихов. Эти выражения использовались в переносном смысле и были синонимами таких понятий, как творчество, поэзия и др. Отдельные «слова» этого условного поэтического языка часто означали совсем не то, что в античной мифологии. Так, у древних греков или римлян Пегас еще не был метафорой поэтического вдохновения. А источник Иппокрена, выбитый его копытом, стал рассматриваться как источник вдохновения поэтов только в эпоху Возрождения. Использование этого поэтического языка вполне соответствовало игровому характеру условной поэзии поэтов пушкинского круга.

Литература Просвещения в 18 в. использует мифологические сюжеты большей частью как условные фабулы, в которые вкладывается совершенно новое философское содержание.

Романтизм 19 в. (особенно немецкий, отчасти английский) проявил большой неформальный интерес к мифологиям (античной, христианской, <низшей>, восточной) в связи с философскими спекуляциями о природе, о народном духе или национальном гении, в связи, с мистическими тенденциями. Но романтическая интерпретация мифов является крайне вольной, нетрадиционной, творческой, становится инструментом самостоятельного мифологизирования.

Большинство крупнейших произведений XX в.: «Волшебная гора» и «Доктор Фаустус» Т. Манна, «Замок» и «Процесс» Ф. Кафки, «Улисс» Д. Джойса и «Шум и ярость» У. Фолкнера, «Игра в бисер» и «Степной волк» Г. Гессе, «Петербург» Андрея Белого и «Мастер и Маргарита» М. А. Булгакова, «Орфей спускается в ад» Т. Уильямса – проникнуты неомифологием с его основными принципами: связью с психологией подсознания, акцентированием универсальных архетипов и мифологем (таких как **Вечное возвращение, умирающий и воскресающий Бог, трагедия героя, поиск Отца** и т. д.), с варьированием классических мифов в сопоставлении с современностью и тому подобное.

Литературный текст по своей структуре начинает уподобляться мифу, характерными чертами которого являются **циклическое время**, игра на стыке между иллюзией и реальностью, уподобление языка мифологическому праязыку с его «многозначительным косноязычием». Так, Т. Манн постепенно приходил к стремлению «рассматривать жизнь как произведение культуры, в образе мифологического клише, и предпочитать цитату собственному изобретению».

Наиболее сложный тип неомифологического сознания представляют собой произведения Ф. Кафки.

По мнению исследователей, в основе романа «Процесс» лежит библейская история Иова, у которого Бог отнял семью, имущество, а самого поразил проказой. В «Замке» бесплодные усилия землемера К. ассоциируются с мифом о Сизифе.

Джон Роналд Руэл Толкин — одна из самых значительных фигур **английской** (и мировой) литературы XX века. Известен он прежде всего как автор эпического произведения «Властелин Колец», ряда волшебных историй («Хоббит, или Туда и обратно», «Фермер Джайлз из Хэма», «Лист работы Ниггля» и др.)

Толкин мечтал создать, по собственному его выражению, **«мифологию для Англии»**. Изучая древние языки и культуру народов, говоривших на этих языках, он пришел к выводу, что» в Англии, в отличие от Исландии, Скандинавии или стран Центральной Европы, так и не сложился свод письменных преданий, способных составить полноценную мифологическую систему. В древнеанглийской литературе сохранились только отдельные фрагменты утраченных сказаний, отголоски легенд Артуровского цикла, отрывки и отблески давно минувших времен. В Англии не сохранилось ничего сопоставимого с «Младшей Эддой», или финским эпосом «Калевала». И Толкин решил, что ему по плечу заполнить этот досадный пробел.

3. Миф и кинематограф. Современное кино можно назвать одной из форм нового мифотворчества. С одной стороны, сегодня при создании фильмов активно используются мифологические технологии. С другой, магия экрана предполагает присутствие каждого зрителя в качестве соучастника условно созданной **виртуальной реальности**. Поэтому человек невольно оказывается «встроенным» в контекст этой реальности, которая диктует ему систему социальных и культурных ценностей, становится составной частью его внутреннего и внешнего мира.

У истоков мифотворчества был Голливуд, почти с самого начала своей деятельности ставший **"фабрикой грез"**. Эстетические стандарты киномифов были отработаны в американской "системе экранных жанров", самыми популярными из которых были: **вестерн, исторический и биографический фильмы**, комедия, мелодрама и **кинофантастика**. Так, в основу вестерна с первых лет его существования лег **миф о герое-одиночке, супермене, побеждающем врагов во имя Добра и Справедливости**; в основе американской мелодрамы — неизменный **миф о Золушке**, которая становится "принцессой" в духе американского образца.

Мифотворческие функции советского кино во второй половине XX в. способствовали появлению фильмов, вошедших в наш "золотой фонд", включая такие, как "Коммунист" и "Твой современник" Ю. Райзмана, "Оптимистическая трагедия" С. Самсонова, "Белое солнце пустыни" В. Мотыля, "Любовь земная", "Судьба" Е. Матвеева, "Освобождение", "Солдаты свободы" Ю. Озерова, "Семнадцать мгновений весны" Т. Лиозновой, "Москва слезам не верит" В. Меньшова и многие другие картины, по сей день любимые зрителями.

В кинематографе используются **мифологические сюжеты**. «Битва титанов» — довольно точная интерпретация **мифа о Персее, сыне Зевса, победившем Медузу-горгону** и спасшем эфиопскую **принцессу Андромеду** от морского чудовища.

Хроники Нарнии: Лев, колдунья и волшебный шкаф (2005). Фильм: киноадаптация Эндрю Адамсона детской книги Клайва С. Льюиса, которая в полной мере передает волшебный мир, придуманный писателем, полный существ норвежской, римской и греческой мифологии, в том числе гномов, фавнов и кентавров. «Троя» – 2004. «Мумия» 1999. **Фильм:**

блокбастер Стивена Соммерса, ремейк фильма 1932 года. Основан на древних представлениях о том, что фараоны накладывали проклятье на свои гробницы, которые позволяли мумиям воскреснуть. «О, где же ты, брат?» (2000). Фильм: братья Коэны переместили Одиссею в период Великой депрессии в Америке, где Джордж Клуни в роли Улисса Эверетта пытается найти свой путь домой. «**Орфей**» 1950. Фильм: Жан Кокто позаимствовал греческий миф о путешествии Орфея в подземный мир в качестве основы для своей сюрреалистической драмы о человеке, которого посещает Смерть, и которому приходят загадочные потусторонние радио-сообщения. «**Лабиринт Фавна**»(2006). Фильм: среди ужасов гражданской войны в Испании, реальность и вымысел сталкиваются, когда юная Офелия встречает в лабиринте **фавноподобное существо, созданное на подобии Пана, греческого бога охоты.**

Мифы выступают в роли **банка данных**, из которого черпаются все серьезные идеи и цели. Возьмем для примера американский фильм, названный в переводном варианте "**Мой друг Датч**". В нем богатый мальчик из разведенной семьи едет по Америке к своей матери в сопровождении ее любовника, которого ненавидит, поскольку он принадлежит к другой социальной среде. Во время этого путешествия он избавляется от своей заносчивости и в итоге отворачивается от богатого отца. Перед нами сюжет "Принца и нищего", в рамках которого богатство ассоциируется с набором не очень хороших качеств. Оказавшись в реальных, а не тепличных, условиях, мальчику приходится отказываться от многих привычек, чтобы адаптироваться к своей новой среде. Например, он в столовке для бедных делится куском хлеба с маленькой девочкой-негритянкой, т.е. начинает проявлять качества, которых ранее у него не было. Эти качества учитывают существование других людей, ранее не имевших доступа в мир этого мальчика.

Известный фильм "**Один дома**" эксплуатирует **мифологему "Мой дом — моя крепость"**, именно опора на нее позволяет маленькому мальчику противостоять двум взрослым грабителям. Именно эта мифологема задает все правила поведения и оправдывает сюжет. Сама **идея "хеппи-энда" опять-таки мифологична**, поскольку задает четкую интерпретацию мира: что бы в нем ни происходило, мир все равно **вознаграждает достойного**. Это в достаточной степени христианское представление, и поэтому оно столь широко распространено.

Та простота американского кино, которая зачастую раздражает европейского зрителя, одновременно говорит о выходе на уровень, более соответствующий **массовой аудитории**. Именно отсюда кассовый успех этих фильмов. Кино в этом плане выступает в качестве серьезного **индикатора интересов массового сознания**. **Детскость американского взрослого кино** (типа "Супермена") говорит лишь о **детскости массовой аудитории** в своем суммарном качестве. Если бы коммерческий успех лежал в иной плоскости, кино бы быстро перестроилось, поскольку оно не диктует свои интересы, а отражает интересы своего зрителя.

Интересен пример такой культовой киноэпопеи, как «**Звездные войны**», создатели которого получили творческий импульс от работ **мифолога Дж. Кэмбелла**. Режиссер Джордж Лукас, когда вышел первый фильм звездной саги, заявил, что «... "Звездные войны" сложились отчасти на основе идей, выраженных в "Герое с тысячью лиц" и других работах Дж. Кэмбелла». Герои фильмов, подобно мифическим героям, проходят через разные этапы жизненного пути, встречая на нем **препятствия в виде мифических монстров или фантазийных персонажей галактик «Звездных войн»**. К тому времени, когда были написаны первые варианты сценария, Дж. Лукас вновь открыл для себя «Героя с тысячью лиц», с которым познакомился еще в студенческие годы, и эта книга дала ему возможность «сфокусировать его многообразный воображаемый мир на единой сюжетной линии».

Действие другого суперпопулярного проекта массовой культуры, «**Игры престолов**», тоже происходит в мифическом пространстве, населенном самыми разными персонажами, так или иначе связанными с архаической мифологией. «Игра престолов» стала одним из

самых успешных проектов массовой культуры, приняв все возможные формы, от книг Джорджа Мартина до многочисленных игр и артефактов.

В отличие от предпринятых в «Звездных войнах» переосмыслении архаичных мифов, в «Игре престолов» идет **прямое заимствование**, вернее, по словам самого Дж. Мартина, воровство: «**Хорошие художники заимствуют. Великие художники воруют**». Если эта старая пословица верна, Джордж Мартин, автор романов серии Игра престолов – один из величайших художников в мире. Его воровство удивительно по размаху и искусности. Он блестяще комбинирует материал столь разнородный как Война роз, легенды монголов и историю Византии. Но его секретное оружие – это **истории о викингах** – это ключевой ингредиент». Кроме такого рода заимствований, которые можно приравнять к постмодернистскому принципу цитирования, «Игра престолов» населена всевозможными мифическими существами, так или иначе соотносящимися со своими архаическими предками, столкнувшимися в причудливом фрагментарном пространстве волшебных королевств. На первом месте, разумеется, **драконы и волки-оборотни**, но кроме них в саге фигурируют мантикоры, ледяные пауки, кракены и прочие жители этого удивительного бестиария.

Контрольные вопросы для самоподготовки студентов:

1. Какую роль играет мифология в искусстве?
2. Какие произведения изобразительного искусства на мифологические и библейские сюжеты вы знаете?
3. Как взаимосвязаны литература и миф?
4. Как проявляется мифотворчество в современной литературе?
5. Как взаимосвязаны кинематограф и миф?

Литература: [[1– С.154-169; 170-203; 2 – 14-15](#)].

Лекция 15. Социальный и политический миф.

План

1. Социальный миф в современном мире.
2. Мифологическая модель советской идеологии.
3. Исторический и национальный миф.
4. Политический миф.

1. Социальный миф в современном мире. Никто никогда не оспаривал факта участия мифа в становлении человека, в его **социализации**: сказки, легенды, былины всегда были и остаются лучшими спутниками маленького человека, для которого мир иллюзорный и мир реальный еще остаются неотделенными.

Некоторые исследователи говорят о возвращении и перерождении мифа, о том, что современная культура, наука и общество вообще все больше мифологизируются и роль мифа все больше возрастает. Особое место в данном процессе занимают **социальные мифы**. Наука, являясь рациональным видом познания, не может в полной мере создавать целостное и сущностное восприятие объекта, хотя и стремится к нему. Позитивная же **наука** не только не выстроила цельную картину мира, но и **не смогла построить всеобъемлющей конкретно-научной теории**, более или менее удовлетворяющей частные науки. Его построения могут восприниматься разве что как гипотетические допущения, все более становящиеся умозрительными и вероятностными. Так что эти предположения и образы становятся более похожи на создание какой-то новой научной мифологии.

Современный социальный миф нельзя представлять только как превратное представление о социальной реальности, стимулирующее людей на действия. Ни в коем случае нельзя недооценивать **позитивного влияния** на сознание людей.

Современный человек получает большую часть информации опосредованно – иное и невозможно представить при нынешнем развитии информационных технологий. Но дело в

том, что при обвальном наступлении потока информации сложно анализировать многообразный материал. Так что для мотивации своего поведения люди вынуждены прибегать к **стереотипам и символам – упрощенным образам** и представлениям, отходу в формировании своего мнения и от конкретного и реального содержания. Происходит смешение главного и второстепенного, специального и специфического, сложного и простого...В этом заключается самая большая угроза и опасность политического и идеологического мифа, так как не требует от человека собственного рационального анализа и приложения интеллектуальных усилий.

Кстати, такую форму воздействия мифа на общественное сознание мы видим не только в области политики. Зачастую многие научные закономерности усваиваются частью общества именно как миф. Но **формы становления и бытия социального мифа, его форма и структура менее всего изучены как у нас в стране, так и за рубежом.**

В изучении феномена социального мифа основным является выявление его сущности через соотношение с классическим мифом. **Социальный миф искусственно сконструирован заинтересованными социальными группами**, что и отличает его от мифа традиционного, который формировался стихийно. Помимо этого, **социальные мифы ориентированы на общественные реалии и распространяются через средства массовой коммуникации и информации**, что является ещё одной отличительной чертой от мифов архаических. Создание и распространение социальных мифов невозможно без укоренения их в коллективном восприятии, что составляет основную причину неизменного присутствия мифов в современной культуре. Социальная мифология, функционирующая в обществе за счет **массового сознания**, непосредственно транслируется через бытовые верования, **стереотипы, социальные иллюзии, символы и знаки**, которые заключены в культурных текстах различных направленностей (рекламной, художественной, пропагандистской и др.).

Французский социолог **Жорж Сорель** рассматривал **идеологию** как **способ социальной интеграции людей**. Социальная группа объединялась на основании определенной идеи (идея свободы, равенства и др.) — именно эту **идею о будущем** Сорель понимал **под социальным мифом**, считая что сила идеи **способна мобилизовать людей и воодушевить** их на определенные поступки по переустройству мира. Например, высказывания религиозного пророка или теория социализма, как некие представления о будущем, отвечающие надеждам людей, и являются той идеей, которая призывала массы к действию.

Социолог культуры Г. Ионин, изучая социальные аспекты мифологии, выделяет наиболее значимой **энергетическую функцию мифов**: «Миф связывает и канализирует социальную энергию... Миф концентрирует энергию и направляет её на конституируемые объекты». Ещё одной функцией мифов является **создание различных коллективов** (от футбольной команды до целого народа), а также функции формирования и воспроизведения **коллективной идентичности**, которая реализуется через **ценности и нормы**. Помимо этого, миф играет свою роль в **формировании и структурировании пространства**, что особенно ярко выражено в геополитических суждениях. (**Идентичность** – установление тождественности, принадлежности к различным социальным, экономическим, национальным, профессиональным, языковым, политическим, религиозным, расовым и другим группам).

Культуролог А. В. Ульяновский определяет социальный миф как **идеологическое, сугубо рациональное образование для достижения определенной цели**. В первой половине XX в. политическая идеология выступала в роли социального мифа, но со второй половине XX в. и по сей день капиталистическая модель существует в виде брендинга. (Бренд это не просто торговая марка, бренд это целый набор признаков, отличающих компанию от остальных и делающих её легко узнаваемой среди потребителей. Брендинг – последовательное и планомерное создание популярного среди целевой аудитории бренда).

А. В. Ульяновский предложил типологию социальных мифов как основание для создания брендов. Автор выделяет **непроявленные, явные и проявленные мифы**. Общим

для социального мифа является то, что его проявленность в каждый момент времени относительна, локализована и является возможной: в каждый момент времени одновременно существуют живущие в мифе, для которых он не проявлен, проявляется и является явным.

Непроявленные мифы не подвергаются критическому переосмыслению и воспринимаются людьми, живущими в социальном пространстве как однозначная действительность.

Проявленные социальные мифы состоят из общепринятых стереотипов, фрагментов верований и бытовых предрассудков.

Явные мифы воспринимаются в контексте художественной правды, в переносном смысле. А ещё позднее — считаются большинством людей **вымышленными, глупыми, смехотворными, наивно-архаичными, детскими сказками, безусловно, ложными**. Автор считает, что «непроходимой границы между непроявленными, проявленными, явными социальными мифами нет — она подвижна, контекстуальна, зависит от мировоззрения человека и репрезентирует тенденцию к отождествлению истинностью.

2. Мифологическая модель советской идеологии. Советская мифология родилась в сложном взаимодействии пропаганды и воспринимающей ее аудитории, взаимно друг друга отражавших и живших в мире традиционных коллективных бессознательных представлений (уместно напомнить о **преобладании сельского населения и очень низком образовательном уровне** в пореволюционные десятилетия). **Марксизм** был переварен и трансформирован **традиционным мышлением** так же, как в свое время христианство вновь окрещенными языческими народами. При этом остававшиеся на поверхности словесные формулы о **“классовой борьбе”, “диктатуре пролетариата”, Святой Троице или Воскресении** приобретали столь мощную и системообразующую архаичную подкладку, что полностью **меняли внутренний смысл**. Собственно, как то, так и другое учения (при всей очевидной разнице их масштабов) и утвердились благодаря заложенной в них возможности соответствовать парадигме мифологического мышления.

Нормальный миф обязан для начала повествовать о сотворении мира: творец из предвечного хаоса создает упорядоченный космос, дальнейшая история — это история борьбы сил **порядка и хаоса**. **Советский акт творения — это конечно же Великая Октябрьская социалистическая революция**, открывшая новую эру в истории человечества. До нее были мрак и несчастья, вокруг, за пределами ее воздействия — опять же мрак и страдания трудящихся.

Описание **буржуазного мира** изобилует указаниями на его **хаотичность: произвол и беззакония** (сами законы несправедливы и следовательно незаконны), бесправие, неуверенность в будущем, власть чистогана, стихия рынка, неравенство, своекорыстные капиталисты, уничтожающие продукты, тогда как бедняки голодают, трущобы.

Напротив, **социалистический лагерь** подчеркнута **упорядочен**. Общество, построенное в соответствии с открытыми Марксом законами, **на строго научных основаниях**, грандиозная **идея плановой экономики**, равные возможности для всех, народ сам творит историю, свойственная советскому человеку **уверенность в завтрашнем дне**, справедливые законы, пафос всевозможного **упорядочения на всех уровнях: снос старых кривых переулков и строительство на их месте широких светлых проспектов, покорение природы с целью опять же наведения порядка — пусть реки текут регулярным, а не случайным образом, распределение всего между всеми поровну**, вообще маниакальное выравнивание, **ГОСТы, стандарты** и классификаторы, единые образцы всего на свете.

Сюда же относится и фундаментальное советское **требование коллективизма**. **Коллектив — организованная структура** (партия, колхоз, профсоюз), противостоящая хаосу толпы единоличников. В общем, этакий **идеал праздничного парада физкультурников**, прекрасного именно своей предельной упорядоченностью, и все счастливы принадлежностью, причастностью к построению.

Круг земной, как известно, окружен мировым океаном, а за ним — **хаос**.

Космос — остров среди хаоса, коммунизм в отдельно взятой стране. И грозят извне разные всякие чудища, главным образом **хтонические**. Врагов так и называли: **гидра контрреволюции, ползучая контрреволюция, акулы империализма, просто гады**. Поскольку хтоническая стихия — земля и вода, а чудища этого рода часто обладают свойствами поглощения-извержения, то цвет им полагался **черный, земляной**, а также большое пузо и очень большие зубы (см. Кукрыниксов).

Напротив, **силы космоса цвет имели красный, огненный**, были пламенными революционерами с горящими сердцами, а также стальными мускулами, символом приняли серп и молот и главной целью имели спасение и благодетельствованное человечества, — все это отсылает нас к образу мифологического **кузнеца-демиурга (Прометей, Гефест, Тор):** “Мы кузнецы, и дух наш молод, куем мы **счастья ключи**”, а **вместо сердца у нас пламенный мотор**.

Стихия их — воздух, этим объясняется одержимость **мечтой о полете**, в том числе в различных поэтических формулах, всеобщее **увлечение авиацией**, после II Мировой войны выросшие в манию покорения космоса (мы не забываем, что американцы тоже покоряли космос, но ведь и они тоже люди, у них свои мифы).

Из той же серии мер по **приручению опасных и враждебных сил** — и любимый вид великих **строек коммунизма**, сооружение **плотин гидроэлектростанций, каналов, водохранилищ, последними особенно гордятся и называют искусственными морями**.

С точки зрения экономического прагматизма, равнинные ГЭС не столь рентабельны, чтобы оправдать такой эпический размах. Тут все дело в **покорении именно водной стихии**. Вплоть до проекта поворота северных рек и поэтического бреда о растоплении арктических льдов. Гораздо более прагматичное железнодорожное строительство окружалось меньшей помпой, не говоря уж о секретном овладении атомной энергией. А когда вместо гидросооружений вся страна занялась БАМом, это стало концом эпохи построения социализма, агонией мифа.

Центральный герой классического мифа — **культурный герой, демиург, изобретатель** множества полезных предметов (ремесел, орудий труда), приручивший домашних животных и научивший людей выращивать растения. Он — **основатель рода**, и его приключения выступают в роли исторического предания. Советский миф осложнялся тем, что демиургов было **двое — Ленин и Сталин**. В принципе, многие архаические мифы знают пару демиургов, братьев-близнецов, один из которых иногда выступает в роли трикстера. Но Ленин со Сталиным в близнецы не годились, поэтому их роли в предании отчасти продублировались, отчасти же разделились.

Типичным демиургом был Сталин. Демиург **не является творцом мира, он только помог людям в нем устроиться**. Так же и Сталин, хоть и соратник Ленина в революции, но не главный ее деятель. Зато он — **отец народов**, отец, как известно, всех детей, вождь мирового пролетариата (характеристики первопродка), устроитель жизни — **“сталинские пятилетки”, “10 сталинских ударов” в войну**.

Образ **Ленина** сложнее. В нем можно обнаружить черты нескольких мифологических персонажей. Помимо признаков **первопродка**, он был наделен свойствами **отдыхающего бога и умирающего бога аграрных мифов**. Отдыхающий бог в ряде мифологий (в том числе египетской, шумерской, греческой) — это верховное божество, чаще всего **бог неба или воздуха, творец мира**, не имеющий при том своего культа. Его помещают **во главе пантеона**, но ему не поклоняются, поскольку он **в дела людей не вмешивается и замещен в мире более молодыми и активными богами**. Лежащий **в мавзолее “вечно живой”** вождь, который “жил, жив и будет жить” на фоне вождя активного вполне соответствовал этому образу. С другой стороны, фантазмагорическая идея **мавзолея с мумией** — слишком явный **намек на последующее воскресение**. Тогда уместно сравнение с центральной фигурой многих религий — умирающим и воскресающим богом (**Осирис, Адонис, Таммуз**), сопряженным с календарным циклом смерти и возрождения природы.

Считается, что этот тип религии свойственен в особенности достаточно развитым оседлым **аграрным народам**. Умирает такой бог как правило **насильственно, его убивают** — сопоставим с ходившими **слухами об отравлении Ленина**. Но здесь надо заметить вот что. В мифе об умирающем боге чрезвычайно важна **роль женского божества** — его супруги и возлюбленной (Исида), благодаря преданности которой и происходит воскресение. В советской же мифологии, несмотря на провозглашенное равенство полов и наличие в пантеоне женщин-революционерок (Крупская, Роза Люксембург, Инес Арманд), равноценной по значимости женской фигуры рядом с Лениным нет (потому и воскреснуть не может). (Ольга Эдельман «Легенды и мифы Советского Союза»).

3. Исторический и национальный миф.

«Миф не есть историческое событие как таковое, но он всегда есть слово». (А.Ф. Лосев). В слове историческое событие возведено до степени самосознания. Иными словами, **миф – упрощенное понимание исторического процесса**, в ходе которого возникают неизбежные искажения его сути. Исторический миф характеризуется упрощенностью изложения, в нем фигурируют наиболее простые и очевидные причинно-следственные связи. Миф характеризуется подбором фактов под тезис.

Оценки исторического мифа «черно-белые». Идеология очень часто использует историю как оружие и пытается оправдать свои действия в настоящем, в прошлом. Если мы говорим о государственных попытках монополизировать историю — они начинаются с момента, когда у государства возникает необходимость объяснить, откуда оно взялось и почему оно такое. Классический пример — история **Смутного времени**, рассказанная с воцарения династии Романовых. Появилась династия Романовых в 1613 году, после 700 лет предшествующей династии. Права ее на трон были весьма сомнительными, надо было выдумать яркую и убедительную историю, которая позволила бы им **легитимизировать свои права на управление Россией**. Им это в значительной степени удалось. В следующие 300 лет, до событий 1917 года, эта династия царствовала на русском престоле.

Так называемое **национальное сознание и самосознание – один из наиболее ярких мифов в современной жизни**. В настоящее время распространена точка зрения, согласно которой национальная идентичность — полностью сконструированный феномен, которому недостает, так сказать, бытийной привязки. Другими словами, национальное якобы не существует, хотя считается существующим теми людьми, которые находятся под обаянием национальной идеи. Именно в этом смысле национальные чувства называют мифами, то есть здесь под мифом понимается обман чувств и вера в сказки. На самом деле национальное действительно мифично, но мифично в другом смысле, в том, который придаем мы этому слову вслед за Лосевым. Это можно трактовать так: **национальное живо и жизненно, представляет собой синтез идеи и жизни**, причем синтез с элементом 'отрешенности', что придает национальному существованию высокую напряженность и огромный **энергетический потенциал**.

Тем не менее **теория конструирования национальных идентичностей** не лишена смысла. Разные нации формируют **национальную идентичность** разными путями и в разных формах. Многое зависит от конкретно-исторических ситуаций, от содержания национальных традиций, от политического контекста. Можно выделить три основные **формы конституирования национальной идентичности: политическую, культурную и мифологическую** — и соответственно говорить о возникновении политического, культурного и мифологического национализма. В конкретных ситуациях эти формы, как правило, выступают в единстве, но обычно их можно аналитически разделить и выделить определяющую.

Традиционно высшей формой национализма считается **политический национализм**. В этом случае формирование национальной идентичности с необходимостью связывается с **формированием собственной национальной государственности**, когда происходит либо выход какой-то территории из 'маточного' государства, либо ее автономизация в рамках государства.

На самом же деле данная форма не столько высшая, сколько 'верхняя', которая **завершает формирование национальной идентичности**. Это тот этап строительства национального дома, когда фундамент, стены и все прочее готово, осталось подвести его под политическую крышу. Часто именно завершающий этап оказывается самым бурным и привлекает к себе всеобщее внимание, потому что он связан с политическими и геополитическими расчетами, разделом территорий, промышленности, флотов и т.д.

Более **фундаментальная**, более широкая и более прочная форма – **культурный национализм**. Э.Геллнер вообще считает **национализм культурным феноменом**. По его изящному определению, национализм в конечном счете - это 'течение, стремящееся соединить культуру и государство, **обеспечить культуру своей собственной политической крышей**, и при этом не более чем одной'.

В свою очередь единую национальную культуру можно рассматривать как непереносимое следствие современного индустриально-технологического развития, которое приводит к разрушению типичных для аграрной эпохи изолированных культурных анклавов, созданию урбанизированной жизненной среды, мегаполисов, куда стекаются большие массы народа, где возникают массовые производства. Все это требует унификации образа жизни и культурных навыков. Вследствие этого создаются **крупные единообразные культуры, которые сначала осознают свою культурную идентичность, а затем стремятся и к политической идентичности**. Складывающаяся таким образом в процессе индустриализации культурная идентичность **требует собственной 'национальной' истории: великого и славного прошлого, сказочных героев, совершающих необыкновенные подвиги**. На самом деле этого **прошлого не было и не могло быть; это прошлое – чужое**, потому что тогда, в прошедшие времена просто не существовало культурного, а тем более политического единства. Такого рода национализм с исторической подкладкой Геллнер именует **мифом**, то есть, попросту говоря, красивой и опасной ложью, хотя, может быть, и ненамеренной.

Мифологический национализм – самая глубинная и фундаментальная форма национализма. Острота проявлений национализма в национальных возрождениях и революциях зависит от степени мифологизации национального чувства. **Великая история и славное прошлое – это просто сказка, сложенная местными интеллектуалами, но до тех пор, пока она не стала образом жизни населения**. А тогда она превращается в миф, причем такой, против которого бесполезно и бессмысленно предостерегать, ибо это значит предостерегать человека против него самого, против его собственной жизни, какая она есть. **Мифологическая идентичность - это подлинная национальная идентичность, и уже на ее основе создаются культурная и политическая 'надстройки'**. Это не миф, который отражает прошлое, а миф, который представляет собой сегодняшнюю реальность.

Например, в чеченском кризисе поражает не сама вдруг осознанная немногочисленным народом возможность самостоятельного национального существования. Поражает невероятная, совершенно **фантастическая энергия, с какой национальная идея отстаивается**. Эту энергию невозможно объяснить с помощью теории сконструированных идентичностей. Идея независимости Чечни – миф в том смысле, что он переживается и осуществляется со всем пылом жизненной энергии. (Ионин Л.Г.)

4. Политический миф. МИФ ПОЛИТИЧЕСКИЙ – превращенная форма политического сознания, в котором знание и понимание фактов политики замещается образами, символами, вымыслами, легендами и верой в них. Ряд признаков роднит политический миф с классическим архаическим мифом: сходная эмоционально-чувственная генетика, заменяющая познание, типология – мифы-легенды (трактовки событий, их причин и роли участников), исторические мифы, мифы-предания (о событиях и подвигах прошлого и их участниках), мифы о героях (политических вождях) и т.д. **В отличие от классического политический миф конкретизируется применительно к актуальной политике**. Политический миф рационализируется средствами направленного внушения (пропагандой, содержанием соответствующей идеологии) и самим массовым сознанием, стремящимся

воспринимать миф как истину (форма морфологического познания); политический миф **может возникать стихийно**, как выражение тяги к возвышающей идее, к утешению (память о героическом прошлом и др.), но **чаще создается и распространяется целенаправленно и используется как эффективное средство политики**; такой миф возникает в индивидуальном сознании и затем коллективизируется, превращаясь в факт общественного сознания.

Политический миф **может наполняться положительным содержанием**, стимулируя необходимые процессы и события (избирательные, правительственные и партийные программы, вера в успех, в реальность планов и т.д.), но может иметь и крайне **негативный смысл**, насыщаться предрассудками и стимулировать самый крайний экстремизм. В этом случае политический миф используется как анестезирующее средство: предрассудок легитимирует такой экстремизм (так, миф о расовой исключительности санкционирует расизм и парализует возможный протест против него).

Политический миф так же древен, как сама политика, которую сопровождают мифы о **космической природе власти, о народоправии, о подвигах героев, о справедливом монархе, о политическом совершенстве государства и его моральности** (см. Платон) и т.д. Весьма богата философская история политического мифа. Известен античный миф о принадлежности власти и права народу, распространенный в Средние века виднейшими авторами. Каждая эпоха добавляла **новые или обновленные мифы: о монархе – носителе воли народа, наместнике Бога на земле, о единственном суверене, об олицетворении абсолютного духа** (Г.В.Ф.Гегель) и т. д.

Четыре основных типа политического мифа: **Миф «о враге»**—объясняет политические процессы, негативно воспринимаемые народом, как попытки внешних (иногда и внутренних) врагов каким-либо образом навредить обществу. **Миф «о социальном идеале»** или **«о золотом веке», «лучшем времени»**—описывает процессы, происходящие в обществе в его идеальном состоянии. Такой миф связывается либо с неким периодом времени в прошлом, когда в обществе было хорошо и стабильно во всех отношениях, либо с будущим, призывая реализовать тот самый социальный идеал, следуя определенной политической модели. Возможна также и противоположная версия. Например, когда **миф привязывается к наиболее худшему периоду**, случившемуся когда-либо с данным социумом. И, чтобы больше не допустить такого стечения обстоятельств, необходимо следовать программе определенного кандидата. Назовём такой миф **«Мифом о смутном времени»**. **Миф «о герое-спасителе»**—наделяет определённого «социального субъекта» исторической значимостью, «социально привлекательными» характеристиками. Герой должен обладать непревзойдённым талантом, высокими моральными качествами. Он действует, подает пример, внушает стойкость, преобразуя определённый национальный образец. Главная задача героя **бороться с антигероями – врагами** (единичным и коллективным, известным или скрытым, внешним или внутренним) и преодолевать препятствия.

Миф «об идентификационной общности»—основывается на самоидентификации социума, как уникального, как единого целого с помощью противопоставления социальных субъектов «свой-чужие», «мы-они», «нам-им».

Конечно, многие из типов мифов в приведенной классификации пересекаются друг с другом. Например, на наш взгляд, миф «о герое» не может существовать без мифа «о враге», потому как герою, чтобы являться в глазах своего народа таковым, всегда необходимо с кем-то бороться. Внутри каждого мифа можно выделить семиотические оппозиции «герой -враг», «хорошее время –плохое время», «сплоченное общество – разрозненное общество»).

Контрольные вопросы для самоподготовки студентов:

1. Что такое проявленные и непроявленные социальные мифы?
2. Охарактеризуйте мифологическую модель советской идеологии.

3. Как создаются исторические мифы?
4. В чем сила национального мифа?
5. Что такое политический миф и какова его роль в жизни общества?

Литература: [[1-](#); [2-](#); [3-](#)].

Лекция 16. Миф в технологиях СМИ и PR.

План

1. Явления ремифологизации в современную эпоху.
2. Архетипы и пиар.
3. Роль СМИ в конструировании мифов.

1. **Явления ремифологизации в современную эпоху.** К концу двадцатого столетия массовое сознание рассматривается как сознание глубоко мифологизированное, подверженное манипуляции. Любой исследователь, задававшийся вопросом о природе социального бытия, непременно касается и вопроса о мифе, казалось бы, давно уже утратившем жизненную значимость.

Ремифологизация – процесс **возрождения мифологического сознания** в культурах, прежде утративших живую связь с мифологией. Возвращение мифа, его спонтанное воспроизведение или сознательное конструирование становится определяющим фактором культурной динамики нынешнего общества. Современный **уровень научных знаний** позволяет вполне **рационально изучить процесс мифотворчества, саму его технологию**. Это необходимо для того, чтобы можно было разумно моделировать миф, вкладывая в содержательную символику образов и аллегорий идеалы, идеи, ценности. Следует отметить, что все попытки **демифологизации**, освобождения исследований от мифологических элементов на протяжении XX века были безуспешны. Возможная причина этого в том, что наши реакции на происходящие события комплексны, логика в них не всегда занимает первое место и сознанию человека ближе миф, так как он описывает действительность более целостно. Сознание оперирует символами, как и миф.

В политическом сознании XX в. ремифологизация прежде всего была поставлена на службу идеологии тоталитарных режимов (**«арийский миф»** германского национал-социализма, **превращенный миф «золотого века»** в идее коммунизма, **мифологизация фигур вождей** и т.д.). Систематику работы репрессивных органов в СССР можно выразить такими двумя **мифологическими аксиомами**:

- если враг не сдастся, его уничтожают,
- органы не ошибаются.

Спасительная мифология другого плана — Сталин ничего об этом не знает.

В современном мире активно используют ремифологизацию не только либеральные политические силы, но и консервативные (например, **миф «доброй старой Англии»**), а также буржуазно-обывательские (например, **мифология «американской мечты»**).

В этническом сознании ремифологизация получает сильные стимулы от националистических и особенно религиозно-националистических движений.

В постперестроечной массовой политической психологии реальные социальные и этнические проблемы заменяются **упрощенным представлением о вечной борьбе двух мифологизированных общностей** ("демократы — коммунисты", "патриоты — космополиты", "наши — не наши"), а отношение к иным этническим, конфессиональным группам строится по принципу "мы — они". ("Они" нас грабят, съедают наши продукты, вывозят наше сырье и энергию и т.д.). Стоит "нам" перестать помогать "им" — и все наши проблемы будут решены немедленно".

Процессы мифологизации сознания продолжают сопровождать современную жизнь, хотя они уже обладают иной природой, чем на протяжении предшествующего исторического развития общества. **Изменение характера происхождения мифов связано с**

деятельностью определенного круга ученых, уловивших запрос политических элит и ответивших на него, почувствовавших необходимость социальной мифологии. Наука дала ответы на многие вопросы, касающиеся функционирования, конструирования и восприятия мифов. Результатом стал сознательный процесс ремифологизации сознания.

2. Героизация как технология пиар. Мифы выступают в роли своеобразного «банка данных», из которого черпаются все серьезные идеи и цели для продвижения, для PR.

Г. Почепцов приводит несколько примеров использования мифологем в политическом PR. Например, А. Лебедь, рекламировавшийся на выборах в Красноярске среди прочих под лозунгом «**Могучему краю – могучий губернатор**». Это отсылка на **местную мифологию**, воспринимающую и подающую Сибирь именно в этом ключе. В Издательском доме Высшей школы экономики вышла новая книга профессора НИУ-ВШЭ, доктора политических наук Светланы Шомовой «От мистерии до стрит-арта. Очерки об **архетипах культуры в политической коммуникации**». Термин «Архетип» применяется для обозначения наиболее общих, фундаментальных и общечеловеческих мифологических мотивов, изначальных схем представлений, лежащих в основе любых художественных, и в т. ч. мифологических, структур. Архетип – понятие, которое способно глубоко и объемно объяснить многие загадки политического сознания и поведения. С ним «умелые мастера» политических коммуникаций тоже, конечно, активно работают, но чаще политик «**проговаривается**» посредством архетипа, выбирая те или иные выражения в речи или утверждая определенные сценарии собственных PR-акций. Например **образ Героя**, — которые политики так любят воспроизводить в своих имиджевых построениях. Твердый и храбрый, этот архетип учит нас ставить цели и достигать их, преодолевать препятствия, стойчески выдерживать тяжелые времена. Герой использует свою энергию для того, чтобы оставить свой след в мире, а также для того, чтобы разрушить или изменить ригидные, отмирающие структуры. В основе совершаемых действий лежит желание **совершить поступок и проявить силу**.

Архетип Героя – один из вариантов **ритуализированного политического общения** - позволяет в условиях предвыборной кампании мотивировать потенциального избирателя к совершению голосования за конкретного кандидата. Использование архетипа Героя для «героизации» имиджа конкретного политика позволяет построить агитационную биографию и **презентовать кандидата как уникальную, харизматичную личность**, истинного пассионария, готового к подвигам на благо нации.

Пространство нормы отличается от **пространства**, необходимого для героя. Герою нечего делать в троллейбусе, кроме показа контролеру прокомпостированного талончика. Герою требуется танк, пулемет, горячий конь, который может перенести его в иное пространство, где будет возможность проявить свои геройские качества. **Ельцин на танке, Ельцин с вынесенным впереди защитным экраном от пуль** — возможность для проявления героизма, в отличие от Ельцина в кабинете с ручкой в руке.

Героизация личности кандидата осуществляется следующими способами:

- Акцентируется или приписывается **выполнение социально значимых действий** (учитель в третьем поколении..., боевой офицер, служивший в «горячих точках»);
- Придание **уникальности деятельности** кандидата, отмеченной наградами или признанием в профессиональных кругах (разработала уникальную технологию возрождения тундровых экосистем., заложил основы суверенитета республики, создатель региональной научной школы);
- **Наличие опекаемых и защищаемых** (в агитационных текстах в этом статусе выступают: дети, пенсионеры, инвалиды, представители коренных малочисленных народов Севера);
- **Созидательная деятельность** кандидата разворачивается **на фоне хаоса, правового беспредела, разрухи**, материальной неустроенности и др.;
- Характерная черта Героя - **наличие врагов-антагонистов**, чьи профессиональные и человеческие качества находятся в бинарной оппозиции.

• **Апелляция к национальным (этнокультурным ценностям).** Рождение в трудовой семье, нравственная чистота (женат, имеет четырех сыновей, старший сын в многодетной семье колхозника), достойная жизнь - в агитационных текстах прослеживаются черты агиографического повествования.

С архетипом Героя связан **архетип зверя**, демонстрируют всем окружающим **власть над миром природы**, подчеркивая тем самым свою «избранность».

Механизмы **самопрезентации** политических лидеров с помощью образов животных являются весьма распространенными в истории культуры. **Полевой командир**, рассказывающий журналистке о **волчице, которая приходила к нему «за благословением»**, или же высокое «первое лицо» государства, дарящее коллеге по политическому полю редкого арабского скакуна, — случайны ли эти политические сюжеты или же они несут в себе определённые культурные смыслы? **«Архетипом зверя»** отмечено огромное количество новостных поводов в информационной повестке дня: так, обыватели, с удовольствием читающие о **диковинном зоопарке в резиденции бывшего президента Украины В. Януковича**, вряд ли отдадут себе отчет в том, что у этой истории богатая ассоциативная «подкладка»: в ней отразилась многовековая **традиция европейских государей заводить при своих дворах зверинцы, выражающие идею власти и подчинения.**

А возмущаясь охотничьими забавами очередного российского губернатора, электорат, тем не менее, подсознательно вспоминает о **«царской охоте»** и способен интуитивно **воспринимать его как лидера**, устанавливающего в мире свои порядки (не случайно **сцены охоты** считаются историками одной из древнейших форм **политической иконографии**, известной еще по памятникам Месопотамии).

Уходя истоками в законы **тотемизма**, используя фольклорно-сказочные, геральдические и иные культурные ассоциации, подобные приемы самопрезентации наполнены многослойной символикой и потому любимы многими политическими лидерами. Весьма охотно использует их в своих коммуникативных стратегиях, например, **В. Путин**, воспроизводя в сознании аудитории образ **Повелителя тотема**: за годы своей политической карьеры он **входил в клетку к детенышу леопарда Грому, добывал гигантскую щуку, измерял от носа до хвоста белого медведя, кормил молоком лосенка, знакомился со снежным барсом — ирбисом, летал с журавлями-стерхами и т. д. и т. п.**

3. Роль СМИ в конструировании мифов.

Миф относится к числу **скрытых феноменов**. Требуется дополнительная работа для его идентификации, включающая в первую очередь возможность отвлечься от него, стать по отношению к нему внешним наблюдателем. Цивилизация выработала ряд **мифопоражающих машин**. СМИ - одна из них. Существует **ПАРАДОКС МИФОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ**. Как оказывается, мы отдаем приоритет событию, которое укладывается в определенную мифологическую схему. То есть событие перерабатывается нами только тогда, когда мы одновременно вместе с ним имеем получаемую мифологическую интерпретацию. Более того, **человек нуждается в "подкормке" своих мифов**, они подталкивают его к чтению газет, просмотру телепрограмм, чтобы **удовериться в правильности его мифов.**

И очень болезненно воспринимается борьба с мифами: человек включает все возможные защитные механизмы, чтобы этого не происходило.

Мифологическое сообщение выступает не столько средством общения или сообщения, т.е. трансляции информации, сколько **инструментом влияния**. Главная его **цель – мотивировать, а не информировать**, и обращено оно напрямую к эмоциям и бессознательному. Поэтому современными участниками такой коммуникации выступают массовые субъекты, а ее инструментами – массмедиа. Тезис о том, что СМИ принадлежит особая, если не ключевая роль в современном мифотворчестве, стал общим местом. Тем не менее это автоматически не решает вопроса, что именно делает их таким **эффективным инструментом конструирования мифологических сообщений**. Попробуем разобраться в этом вопросе.

Массмедиа – это все общественные учреждения, которые используют технические средства для распространения общедоступных сообщений. К ним относятся **книги, газеты, журналы, радио, телевидение, социальные сети, интернет-каналы, а также средства фото и электронного копирования**. Основная функция массмедиа – отображение некоторого фрагмента социальной действительности и предоставление человеку возможности «овладеть» им. СМИ создают своего рода **«сцену»**, на которой разворачивается действие, обозначающее **реальность**. В некотором смысле реальным для современного человека оказывается то, что предлагают массмедиа. В самом деле, **ни у кого нет возможности лично участвовать во всех событиях в разных уголках света**. И все же мы знаем о них из СМИ, причем практически в режиме реального времени. Плюс, вследствие многократного повторения, и картинка, которую предлагают массмедиа, и текст, который ее сопровождает, воспринимаются как сама реальность.

Повседневное функционирование массмедиа создает символическую, пронизанную мифологемами среду, которая если даже не формирует современного человека, то, как минимум, воздействует на него. И так же, как древний **миф актуализировал пережитое**, сконструированные средствами **СМИ сообщения** апеллируют к массовым **надеждам, опасениям и страхам**. Это воздействие ускользает от внимания именно в силу его обыденности и повсеместного присутствия массмедиа, а информация, которую создают и транслируют последние, признается информацией о реальности.

В настоящее время широко используется медийное **мифотворчество** на **историческом материале**, призванное обеспечить смысловую «перезагрузку» массового сознания украинцев в отношении России.

Украинская мифология, опираясь на необходимость разрыва с Россией, связала политическую и экономическую независимость с независимостью **национальной**. Отсюда последовало понимание **строительства нового как возрождения старого**. Поэтому на улицах городов **появились казаки и сечевые стрельцы** в качестве сообщений из прошлого, появилось большое количество текстов из прошлого. Их стало особенно много, поскольку **тексты украинской диаспоры** также находились в советское время под запретом. В принципе постсоветские республики пошли по пути активной эксплуатации этнического мифа.

Миф об исторически сложившейся «европейской» сущности Украины и «азиаткости» России, в основе которого лежит мифологическая дихотомия, радикально разделяющая два народа на (украинцы-европейцы) и (русские-азиаты). Как утверждают авторы ряда публикаций, Украина всегда являлась частью Европы, в то время как Россия была и остаётся страной с азиатским менталитетом, характерным для **деспотий восточного типа**.

Миф о неверном историческом выборе союзников Украины. По мнению авторов статей в прозападной прессе, в военных конфликтах на протяжении истории Украине следовало выступать на стороне врагов Российской империи и Советского Союза, поскольку такие войны несли возможность освобождения страны от «колониального ига».

Так, издание «День» характеризует **исход Полтавской битвы как трагедию для украинского народа** (за победой над шведами последовала **новая «колонизация»** страны) и призывает увековечить события, связанные с предательством гетмана Ивана Мазепы и заключением «украинско-шведского союза». **Миф о голодоморе как геноциде украинского народа по национальному признаку**.

С помощью мифов, медиаиндустрия создала целый рынок образов – от радужных до абсолютно «чёрных» - потребляемых современным обществом. СМИ, особенно телевидением, в западном обществе через мифы была создана, по мнению некоторых аналитиков, **«вторая реальность»**, **«общество спектакля»** и т.п.. В такой «второй реальности», медийной реальности, человек, в зависимости от своих потребностей, пола,

возраста, социального статуса и иных отличий, мог найти себе «**миф по душе**» и, что называется, остаться в нём навсегда, не догадываясь об этом.

Телевизионные новости – это мифы. Они основаны на реальных событиях (и то не всегда), но они **не являются зеркалом реальности.** Факты лишь повод, отправная точка для формирования телевизионного мифа. При этом мифологическая трактовка реальных событий осуществляется телевидением столь правдоподобно, что зритель принимает миф за реальность. **Люди склонны верить увиденному, поскольку визуальный канал восприятия интуитивно кажется наиболее достоверным.** Не случайна русская поговорка: "**Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать**".

Хрестоматийный пример воздействия телевидения на зрителей - теледебаты Р.Никсона и Дж.Кеннеди. Более телегеничный Кеннеди одержал верх над более основательным Никсоном. Но, что самое интересное, радиослушатели, которые не могли видеть внешние преимущества Кеннеди, отдали предпочтение Никсону. Таким образом, телевидение исказило восприятие дебатов, отодвинув их содержательную сторону на задний план. **На первый план вышли внешний вид политиков, их одежда, манера себя держать и т.д.**

Миф совершенно свободно входит в нашу действительность, принимая разнообразные формы. Ведь **миф о Золушке идентичен мифу о чистильщике сапог, ставшем миллионером,** он во многом похоже реализуется бесконечное число раз, когда мы читаем, к примеру, сообщение о победителе олимпиады из глухого села. То есть перед нами вариант мифологической действительности, к которому **благоприятно расположено массовое сознание,** ибо все герои этой действительности **побеждают благодаря своему труду и умению и несмотря на низкое социальное положение.** Эта свободная повторяемость схем мифа у разных народов и в разные времена говорит о его принципиальной **универсальности.** Если все Золушки будут находить своих принцев, кто же будет мыть посуду или приносить еду в кафе? Если все чистильщики обуви станут миллионерами, кто будет чистить обувь?

Контрольные вопросы для самоподготовки студентов:

1. В чем заключается процесс ремифологизации в XX в. ?
2. Как мифы и архетипы используются в пиар-деятельности?
3. Как реализуется архетип герой в политическом пиаре?
4. Какова роль СМИ в процессе мифологизации сознания?
5. Приведите примеры мифов, создаваемых СМИ.

Литература: [[1-](#); [2-](#)].

Лекция 17. Миф в рекламе.

План

1. Реклама как современная манифестация мифологического мировоззрения.
2. Способы мифологизации в рекламе.
3. Миф в рекламе и общество потребления.

1. Реклама как современная манифестация мифологического мировоззрения.

Миф и реклама – два феномена культуры, обозначающие, казалось бы, противоположные ее полюсы и в теоретическом, и в историческом плане. Миф в обыденном сознании связан с чем-то давно минувшим, надвременным и несуществующим. Реклама же, напротив, вещь вполне реальная, современная и преходящая. Однако при ближайшем рассмотрении эти явления оказываются весьма родственными. Образно говоря, рекламу можно назвать **праправнучкой древней мифологии.** В шутку или всерьез ее определяют как **искусство XX века.** Не исключено, что именно реклама будет **представительствовать** от культуры современной эпохи, подобно тому, как пластические искусства олицетворяют

античность, живопись – эпоху Возрождения, а музыка и поэзия – романтизма. Дело в том, что реклама, как лакмусовая бумага, проявляет многие характерные и весьма показательные для современной эпохи черты.

Рекламный миф можно охарактеризовать как невидимое, но ощущаемое вокруг рекламируемого предмета поле (коммуникативно-предметное). Потребитель как бы видит этот предмет сквозь образ, который сформировался у него в голове до этого. **Мифологизируются субъективные представления, мотивы и потребности потребителя**, создавая мифодизайн (внутренний дизайн товара). Он отражает в рекламируемых предметах **глубинные желания целевых аудиторий**, основанные на мифологической аргументации (особенностях мышления, системе стереотипов, условностях, принадлежности к различным культурам плюс субъективное мышление).

Одна из причин высокой эффективности современной рекламы, таким образом, заключается в том, что из рекламируемого предмета **создается миф, привлекающий потребителя**. Человеческие возможности в познании ограничены, поэтому его миропонимание и, соответственно, восприятие мифологичны. Кто-то хочет поддержать свой собственный миф, кто-то наоборот разрушить, но каждый ждет помощи в осуществлении своих желаний. Так в рыночных отношениях возникают потребность и **потребительские ожидания, удовлетворить которые призваны мифологизированные свойства приобретаемого товара**. Поэтому, приобретая что-либо, человек стремится заполнить брешь в собственном процессе мифологизации.

Миф – это слияние образа и предмета. Современные исследования в психологии доказывают, что мифологическая составляющая мышления у нас как была, так и есть. Если на майке человека написано "Bruce Lee", он сам неосознанно в нашем восприятии становится Брюсом Ли. В определении А.Ф.Лосева, "миф не есть бытие идеальное, но - жизненно ощущаемая и вещественная реальность", или "чудесная личностная история данная в словах", или "развернутое магическое имя". Вот некоторые основные свойства мифа:

- **слияние реального и идеального;**
- **опора на бессознательное;**
- синкретизм восприятия, когда явление не подчиняется законам формальной логики, например, одно явление может принадлежать двум реальностям;
- императивность мысли, т.е. миф побуждает к тому или иному действию, самим фактом своего существования в сознании.

Один из наиболее распространенных современных мифов, преподносимых рекламой, - это **модель счастливой семьи**, состоящей из молодых здоровых преуспевающих супругов и, как правило, двух жизнерадостных, обычно разнополых, детей. Именно такая семья предстает на экранах, рекламных щитах и плакатах в качестве потребителя самых различных товаров. Герои такой рекламы, обычно в полном составе, улыбаются нам с экранов телевизоров, поедая различные йогурты, творожки "Данон", суп "Магги", сыр "Хохланд" и т.д. Эффект подобной рекламы рассчитан на вполне естественное **стремление к подражанию ее героям**. Одновременно одиночество, как таковое, в системе пропагандируемых масс-медиа ценностей относится к разряду чего-то низшего. Показывая в силу сюжета единственного героя рекламы, создатели при этом стремятся подчеркнуть, что он потенциально **не одинок**. Самый простой пример тому – **обручальное кольцо на пальце**, недвусмысленно намекающее на причастность персонажа к социальному идеалу, что, как следствие, призвано **повысить значимость самого рекламируемого продукта**.

В этом с показателем рекламный щит, анонсирующий выход нового специализированного газетного издания "**Учет, налоги, право**". На щите изображена женская рука с обручальным кольцом держащая номер газеты. Намек на причастность человека, читающего эту газету, **к социальному идеалу** (символом которого является обручальное кольцо), повышает значимость издания.

Есть все основания считать современную рекламу тесно связанной с первобытными формами религиозных верований. Так **тотемизм** (вера в единство социальной группы,

обусловленное общностью **предка**, в качестве которого выступает то или иное животное), например, усматривается в основе процедуры **позиционирования** – выделения социального слоя, специально для которого создаются социальные мифы. Эти мифы воплощаются в определенных вещах и товарах, становясь **эмблемами некоторого сообщества**, так что **обладание вещью, являющейся эмблемой "племени"**, согласно мифологическому принципу равенства части и целого, означает принадлежность к этому социальному сообществу.

Наиболее ярко это проявлено как раз в случае с **рекламой автомобилей**. Эмблемы порой вырастают до статуса **фетишей** – вещей, за которыми стоит **особая сила**. Например, **"сила сближения"** ("Кока-кола"). В рекламе проявляется также в некоторой упрощенной форме и **анимизм** (вера в одушевленность всего в мире), когда героями ее становятся особые, нередко даже не антропоморфные персонажи, представляющие или даже олицетворяющие собой продукт. Стиральный порошок "Миф" в виде огромного **умывальника-мойдодыра**, оживленные, самостоятельные конфеты M&Ms, **жабообразная "мокрота"**, живущая в организме в рекламе лекарства "АЦЦ", кролик Квики ("Несквик"), и т. д.

2. Способы мифологизации в рекламе.

Массовая культура становится индустрией по производству мифов. При этом рекламная субкультура формирует собственный метафизический мир, магически воздействующий на потребителя, способствующий возникновению иллюзии «небудничной» реальности. Мифологичным текст рекламы делает уже **выбор средств языковой выразительности**. По замечанию О. С. Иссерс, «с древних времен говорящие ощущали, что выбор слова нередко выполняет **магическую функцию**. Так, охотники говорят не убил, а добыл, и домой они приносят добычу». Наличие слова предполагает наличие вещи, предмета.

В рекламе **обладание дорогой вещью**, например, автомобилем – немаловажная **деталь идеальной модели жизни**. Так, Р. Барт, в связи с широко развернувшейся во Франции в октябре 1955 г. рекламной кампанией «Ситроена DS-19» усматривал в нем **«предмет сугубо магический»**. Примечательно, что аббревиатура DS произносится так же, как слово «*déesse*» – **«богиня»**. Главными атрибутами совершенства автомобиля являются **гладкая поверхность**, материал, соответствующий стремлению к **магической легкости**, к **аэродинамичности**. То есть предмет становится не только **одухотворенным**, но и **вещественным**. До этого в сверхсовершенной автомашине усматривали современную версию древнего мифа о кентавре, совмещающем в себе **человеческий ум и животную силу**.

Описывая типичный буржуазный интерьер, Бодрийяр указывает на то, что «главная **функция мебели** и прочих вещей – **воплощать в себе отношения между людьми**, заселять пространство, где они живут, то есть быть одушевленными. <...> Вещи, словно **антропоморфные боги-лары**, воплощающие в пространстве аффективные связи внутри семейной группы и ее **устойчивость**, становятся исподволь бессмертными, до тех пор, пока новое поколение не разрознит их...». Такие предметы патриархального быта (кровати, буфеты, шифоньеры) названы **вещами-монументами**, так как «их взаимной соотнесенности соответствует **стойкость традиционных семейных структур** в весьма широких слоях современного общества».

В отличие от патриархальной вещи, которая характеризуется статичностью, современной вещи свойственны **подвижность, многофункциональность**, а именно: кровать складывается, превращаясь в диван-кровать, буфеты и шифоньеры – в скрытые стенные шкафы. Такая мебель вынуждена приспособляться к **недостатку жилой площади**, что ведет не к преобразованию пространства и «присутствия» в нем вещей, а к его обеднению. По мнению Бодрийяра, «через такие вещи **индивид уже не так жестко соотносится с семьей**», потому что современный человек становится **свободнее в организации пространства**, а это отражает и его более широкие возможности в социальных отношениях.

Один из имплицитных (внутренних) приемов мифологизации – медиативная роль вещи. В рекламе все вещи – бытовая техника, косметика, пищевые продукты, автомобили и пр. – **обретают магическую функцию** и реализуют ее в качестве **волшебных помощников** – медиаторов. Например, «Электролюкс» создает пылесосы, которые избавляют жизнь от маленьких беспорядков. Стиральный порошок «Ариэль» удаляет сложные пятна и грязь, как чемпион. Похожую функцию выполняет «Ваниш» и другие стиральные порошки. Волшебные средства – кремы «Нивея», «Бархатные ручки» и пр. – делают нежной вашу кожу, а кофе «Черная карта» может сделать вас счастливой. То есть эти **вещи, кроме своих материальных свойств, получают еще магическую функцию**, которая позволяет им не только приводить в порядок окружающую действительность, но и благотворно влиять на внешность человека, на его жизнь. Такой **антропоморфизм** вещей представляет человека предельно пассивным.

Вместо героя-человека действуют герои-вещи, прodelывающие за него всю работу. Особую сферу французского быта составляют моющие средства: «Омо», «Персил», «Жавель», «Люкс» и др. Порошок «Омо» изгоняет грязь, которая изображается в виде черненького человечка, убегающего от белоснежно-чистого белья. В рекламе «Персил» апеллируют к желанию потребителя лучше выглядеть в обществе. Для этого предлагают сравнить две вещи, одна из которых белее другой за счет отбеливающего средства «Персил». То есть магическая функция рекламируемой вещи заключается также в некоем **повышении статуса потребителя**.

Интересно, что и реклама косметических кремов основывается на своеобразной эпизации телесных глубин. Проникновение, «просачивание» крема внутрь ведет к глубинно-питательному действию, позволяющему восстановить красоту кожи, подверженной высыханию и старению. То есть **крем – это волшебное вещество-проводник**, обладающий жизненным, оживляющим действием на кожу. Волшебное свойство крема представлено и в российской рекламе, например, в телевизионном рекламном ролике крема «Бархатные ручки» говорится, что «бархатные масла глубоко проникают в клетки кожи».

Если говорить о **связи рекламной символики и мифологии**, то миф особенно хорошо воспринимается, если он сконцентрирован в четком и лаконичном символе, позволяющим ощутить его суть. Удачно найденный и умело внедренный в массовое сознание **символ (силы, роскоши, неотразимости и т.д.)** становится "**визитной карточкой**" товара, придает ему особую ценность, предпочтительность, способность оказывать сильное эмоциональное воздействие на покупателя, который, как ему кажется, логически оправдывает свое желание приобрести этот товар. В рекламе таким **символом, носителем идеологии мифа** нередко служит **товарный знак** – удачно выбранное название, имя товара, обыгрываемое рекламой.

В рекламной деятельности существует понятие – **сильный товарный знак**. Он отличается, прежде всего, **высокой ассоциативной емкостью**, то есть способностью лаконично и доходчиво доносить до аудитории воплощенный в нем определенный миф, воспринимая который она создает в своем сознании **имидж товара**.

Товарный знак имеет **художественную ценность** и содержание, реализующее **миф – легенды о происхождении товара** или предприятия, его особенностях, например, элитарности, установочных ценностях – эстетических, экономических, технических и т.д.

Сильный товарный знак формирует позитивное отношение потребителя к приобретаемому товару, заставляет его покупать изделия, отмеченные именно этим знаком, доверяет ему. Поэтому владелец такого товарного знака имеет **сильные позиции на рынке**. Сильный **товарный символ, несущий устойчивый миф** имеет повышенный запас прочности, определенный конкурентоспособный иммунитет. Потребителя привычных для него фирменных товаров трудно соблазнить другим товарным знаком. Смена же товарного знака, по сути дела, является уничтожением старого и рождение нового мифа, более удовлетворяющего целям инициатора этого акта.

Поэтому символика и мифология являются основой рекламного творчества, без которой в условиях обостряющейся конкуренции осуществлять массовую высококачественную реализацию товаров просто невозможно.

3. Миф в рекламе и общество потребления.

Общество потребления – это такая организация человеческой жизнедеятельности, при которой важнейшей социальной характеристикой человека является его возможность удовлетворять те или иные потребности. И здесь неважно, какие это потребности – реальные или мнимые.

Если на первом этапе развития общества потребления деятельность покупателей сводилась к **удовлетворению природных базовых потребностей человека**, то на следующих этапах актуальным стал вопрос о **потреблении символов (брендов)**. А сам процесс их создания получил притязательное название «брендинг».

До XX в. рекламные сообщения сводились в основном к тому, чтобы сообщить потребителю сухую информацию: что за товар, сколько стоит и где его можно приобрести. **Альберт Ласкер** (1880-1952 гг.), выбравшей профессию **журналиста**, а затем переключившийся на **рекламу**, первым сформулировал **принципы атаки на потенциального покупателя** по «всему фронту». Он предложил рекламодателям и производителя рекламы не дожидаться милостыней от потребителя. Заставить потребителя купить прямо сейчас, попутно убедив (желательно доходчиво, ярко и лаконично), что данный товар лучше всех прочих, а без него потребителю никуда. Так понимал цели рекламы А. Ласкер. Он первым продемонстрировал, что **для их достижения хороши все средства**.

Посчитав, что **главное в рекламе – не информировать, а продавать**, команда А. Ласкера начала сочинять рекламные тексты, в которых главным было не содержание, а **форма**. Их реклама с неизбежностью была навязчивой, крикливой и провокационной, поскольку целью таких реклам был не ответ на вопросы «что?» и «почему?», а ответ на единственный вопрос – «почему?». Почему потребитель должен приобрести именно данный товар? Потому, отвечал, А. Ласкер, что вместе с покупкой данного товара одновременно приобретаешь **рай**.

Со второй половины XX в. рекламисты стали управлять с помощью рекламы не **только потребительским, но и социальным поведением людей**. Реклама создала человечеству мир иллюзий, мир несуществующих образов, которые могли бы стать реальностью в случае приобретения той или иной вещи.

Тренд современной массовой культуры – частная жизнь и проблемы, которые возникают у рядовых людей. Остались в стороне темы высоких достижений, вечных ценностей. Рекламиста стал интересовать мир фантазий обычного человека. Это, мир, в который человек попадает в сновидениях. Смыслом рекламы стало **не информирование общества о реальных товарах, которые человек должен купить, а в создании изобилия образов**. Только образы эти кажущиеся, а реклама — иллюзия, часть вымышленной («виртуальной») реальности, в которой живет человек Запада.

Сами рекламисты при создании целевых аудиторий все больше внимания уделяют таким характеристикам, как **стиль и образ жизни**, предлагая **нищему почувствовать себя миллионером, больному чемпионом мира, невзрачному пареньку покорителем женских сердец**. Весь этот мир иллюзий и называется современной рекламой.

Более того, **изобилие товаров – тоже иллюзия**. Различия между сортами пива не настолько велики, как сообщает нам реклама. Это замечание касается и других товаров, когда реклама создает нам искусственное их многообразие.

Манипулировать общественным сознанием с помощью рекламы стало возможно только после того, как возникли необходимые технические предпосылки – появление телевидения, радиовещания, дешевых газет с многотысячными тиражами.

Мифы, которые формируются при помощи рекламы – это мифы, главным образом, о материальных объектах, имеющих **потребительскую ценность и обладающие функциями товара**. Формирование рекламных мифов направлено на достижение **экономических целей**

и вытекает из экономической деятельности. В экономической же теории понятия сознание, миф не являются объектами исследования и изучения. Тем не менее, даже западные экономисты-маркетологи вынуждены обращаться к культурологическому подходу при анализе процесса производства и распределения материальных ценностей, управления этим процессом. **Маркетинг есть искусство создания мифов**, в которых какое-то время никто не сомневается, - так говорит один из известнейших маркетологов с мировым именем Т. Амблер. Один из параграфов главы своего труда Практический маркетинг, посвященный капиталу торговых марок, он так и назвал: Марка как полезный миф.

Несомненно, что миф, созданный усилиями рекламиста, является более привлекательным для массового сознания, чем сформировавшийся стихийно, а значит, его целенаправленное создание удовлетворяет определенную **потребность человека — потребность в приятном и красивом мифе.**

Контрольные вопросы для самоподготовки студентов:

1. Как взаимодействуют реклама и миф в культуре?
2. Как современная реклама связана с первобытными формами мифа?
3. Каковы способы конструирования рекламного мифа?
4. В чем проявляется позитивная и негативная сторона мифологизации в рекламе?
5. Какую роль играет реклама в обществе потребления?

Литература: [[1–С.414-425; 2 –](#)].